

РОМАН ГРИН

ТЕНЬ
ОДНОГО БОГА:
КРОВЬ И ПЛЕТЕНИЕ

Роман Грин

**Тень Одного Бога:
Кровь и Плетение**

«Автор»

2026

Грин Р.

Тень Одного Бога: Кровь и Плетение / Р. Грин — «Автор», 2026

Ты думаешь, что знаешь, что такое герой? Забудь. Альтеус фон Арвен — неудачник, которого твой любимый мир фэнтези выплюнул бы на помойку. Ни магии. Ни меча. Ни надежды. Его королевство сожжено демонами, родители мертвы. Но внутри него живёт ещё один. Ким Док Хо — старый инженер из нашей реальности. Две души в одной клетке. Адский коктейль из магии и механики, из долга и расчёта. Кассиан Грей, железный регент Сильверхейма, бросил на него всю свою империю страха. Демоны рыщут по развалинам. Союзники? Горстка изгоев: драконица, которую веками держали взаперти, вымирающие ирбисы. Эта книга не будет гладить тебя по головке. Она разобьёт твои ожидания о том, каким должно быть эпическое фэнтези. Здесь нет пафосных героев. Есть только выбор между тем, чтобы сдохнуть жалко, или стать тем, кого ты сам боишься. Ты готов прочитать книгу, где главный герой — сам себе враг? Где каждая победа с кровью, а каждая надежда пахнет пеплом? Тогда открывай. И не говори, что тебя не предупреждали.

© Грин Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
1 ГЛАВА «ЗАБЛУДШАЯ ДУША»	8
2 ГЛАВА «ИСПЫТАНИЕ АРВЕНОВ»	11
3 ГЛАВА «ПРОБУЖДЕНИЕ В РУИНАХ»	17
4 ГЛАВА «СОЮЗ С ТЕНЬЮ»	23
5 ГЛАВА «Имя и Договор»	32
6 ГЛАВА «Призраки Прошлого»	36
7 ГЛАВА «Цена Отступления»	39
8 ГЛАВА «Изобретатель и дракон»	48
9 ГЛАВА «Пепел Прошлого для Углей Будущего»	52
10 ГЛАВА «Рубеж»	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роман Грин

Тень одного Бога: Кровь и Плетение

ПРОЛОГ

Пыль, поднятая далекими взрывами, кружила в лучах багрового заката, пробивавшиеся сквозь витражное окно тронного зала. Стекло, изображающее мимолётную историю королевства, мелко дребезжало в такт каждому новому удару. Воздух гудел, наполненный звуками битвы, пляской смерти за стенами замка. Грохот пушек, похожий на гнев великана, шипящие разряды сталкивающихся заклинаний, приглушенные крики, все это сливалось в оглушительную симфонию приближающегося конца. Альтеус стоял посреди зала, на подиуме перед своим тронном. Его ладони сжимали резные ручки трона так, что кости побелели. Он был один. Как и подобает королю в час поражения. Его взгляд упал на предмет, лежащий на бархатной подушке у подножия трона. Древний амулет, «Слеза Амарнэля». Он был невзрачен - потускневшее серебро и магический камень, утратившийся блеск. Но от него исходила едва заметная вибрация, которую Альтеус чувствовал кожей.

— Они держатся, — прошептал он, вслушиваясь в отзвуки боя. — Мои солдаты. Рыцари. Маги. Они отдают жизни. А я стою здесь. В безопасности.

Очередной мощный взрыв заставил содрогнуться сами стены. С потолка посыпалась мелкая штукатурка, запачкав плечи его плаща. Где-то рядом, слишком близко, рухнула башня, грохот был оглушительным, словно стон самой земли. Альтеус оторвал взгляд от амулета и посмотрел на витраж. Сквозь лик самого себя изображенного на стекле, он увидел отблеск адского пламени, вырывавшийся в небо над городом.

— Нет, не в безопасности, — поправил он себя. — Никто не в безопасности. Пока я здесь прячусь, они умирают. И скоро враг будет здесь. И тогда умрут все. Все, кого я поклялся защищать.

Он медленно опустился на одно колено перед амулетом, его пальцы дрожали:

— Моргана говорила, что к нему нельзя прикасаться, — голос Альтеуса прозвучал громче, обращаясь к призракам прошлого в пустом зале. — Что цена его силы - это часть души того, кто его использует. Проклятие, а не дар!

Еще один крик, на этот раз не магии, а плоти и крови - яростный, полный отчаяния боевой клич его гвардии. Их было так мало. А враг... враг был бесчисленным, как рой саранчи.

— Какой смысл в целой душе, если она будет вечно гореть в аду воспоминаний о тех, кого не смогла спасти? — его шепот стал твердым, как сталь.

Перед его лицом возникли лица прошлого: старухи-булочницы, что всегда подкладывала ему в детстве лишнюю сладкую булку; дети, игравшие в маленькой улице деревушки; верный маршал короля - Бранд, а также его отец учивший его держать меч. Их лица, искаженные ужасом. Их кровь...

— Они - моя душа. Их жизнь - моя честь. Если я могу купить их завтрашний день ценою частицы души... Разве это не долг короля?

Грохот битвы приблизился. Теперь он слышал лязг мечей о камень и яростные крики на нижних ярусах замка. Время истекло. Он глубоко вздохнул. В его глазах погасла последняя искра сомнения. В них осталась только холодная, безжалостная решимость.

— Простите меня, мои поданные, — тихо сказал он. — Но я не позволю вам умереть...

Его рука уверенно протянулась вперед. Пальцы сомкнулись вокруг древнего металла. В ту же секунду ледяной огонь пронзил его жилы. Зал наполнился ослепительным светом, затмившим даже пожар за окном. Сила, древняя и безжалостная, хлынула в него, выжигая

внутренности. Он вскрикнул от боли, но не отпустил амулет, а сжал его еще крепче. Когда свет угас, Альтеус стоял, преображенный. Глаза его горели тем же серебристым светом, что и артефакт в его руке. Боль уступила место всепоглощающей мощи. Он больше не был просто королем. Он стал орудием. Ценой своего покоя. Ценой души. Он повернулся к огромным дубовым дверям зала, за которыми уже слышался топот вражеских сапог и злобные возгласы.

— Хорошо, — тихо произнес Альтеус, и его голос звучал как скрежет камней. — Пришло время платить.

Свет был не просто ярким. Он был абсолютным. Он не слепил, он растворял. Стены, трон, расписной потолок, пляшущие тени от пожаров, все исчезло в ослепительной белизне. Звуки битвы стихли, словно кто-то вырвал штекер из розетки мироздания. Исчезла и боль от ожога артефактом. Вместо нее пришло ощущение невесомости, парения в безвременной пустоте. А потом пришли воспоминания. Не его воспоминания. Не воспоминания короля Альтеуса.

...Его звали Ким Док Хо. Он был привезён в Осаку, со своей семьей корейских пленников. Таких как он прозвали первое поколение «Зайнити». Чужак в стране, считавшей его не своим, но никогда не принимавшей их до конца. Он помнил запах кимчи, который мать готовила в их маленькой квартирке, и насмешки одноклассников, дразнивших его «чосонджин». Он помнил, как отец, уставший после смены на заводе, учил его главному: «Работай вдвое лучше них. Будь честен. И никогда не забывай, кто ты». Альтеус застонал, пытаясь оттолкнуть нахлынувшие видения. Но они были сильнее.

...Он прожил долгую жизнь. Прожил, следуя завету отца. Построил маленький строительный бизнес, будучи упрямым, но честным мастером. Женился на японке, Юрико, которая видела в нем не «корейца», а просто человека. Он платил налоги, похоронил своих родителей, а потом и Юрико. Он видел, как меняется Япония, как он уже говорит на японском как на родном и с трудом понимает свой родной корейский. Он был своим и чужим одновременно, мостом между двумя мирами, который так и не был до конца построен.

Свет артефакта пульсировал в его руке, и с каждой пульсацией в Альтеуса вливалась еще одна жизнь. Он чувствовал боль в спине после долгого дня на стройке и тепло руки Юрико. Это была не просто память. Это было проживание заново.

...Смерть пришла к нему тихо, в возрасте восьмидесяти семи лет, во время посещения могилы его жены. От остановки сердца. Последней его мыслью была не страх, а сожаление, что он так и не съездил в Корею, на землю предков. И чувство глубокой, пронзительной усталости от вечной жизни меж двух берегов.

Воспоминание оборвалось так же внезапно, как и началось. Свет артефакта схлынул, втянувшись обратно в древний металл с тихим свистом. Но ничего не было прежним. Альтеус стоял на коленях, тяжело дыша. Слезы текли по его щекам, но он не обращал на них внимания. В его глазах, еще секунду назад горевших лишь королевской решимостью, теперь плескался целый океан чужой, прожитой жизни. Горечь и мудрость, тоска и любовь старого корейца из далекого мира стали его частью.

— Я... я был кем-то другим, — прошептал он, глядя на свои руки. Руки короля, державшие меч, но помнившие теперь и шершавость рукоятки строительного мастерка. — Я жил. И я умер.

Грохот битвы, вернувшийся с удвоенной силой, теперь звучал иначе. Раньше он слышал в нем угрозу своему королевству, своему трону. Теперь же он слышал в нем угрозу дому. Как когда-то угрожали его дому в Осаке предубеждения и ненависть. Угрозу простым людям, которые просто хотят жить, растить детей и быть счастливыми. Как хотел он сам в той, прошлой жизни. Его взгляд упал на «Слеза Амарнэля». Теперь он чувствовал его не просто как источник силы. Он чувствовал в нем отзвук той же тоски, тоски по дому, по принадлежности, по миру.

Он поднялся. Походка его была твердой, но иной. В ней была не только молодая ярость короля, но и неторопливая уверенность старого человека, знавшего цену жизни и потери.

— Цена души... — тихо произнес он, сжимая артефакт. Теперь он понимал это глубже. Он отдавал не абстрактную «часть души». Он отдавал часть той личности, которой был, Альтеуса, и впускал в себя другую, древнюю душу, чтобы они, сплетаясь, стали чем-то большим. Двери тронного зала с грохотом распахнулись. На пороге стояли вражеские солдаты в черных доспехах, залитые кровью его стражей. Их глаза горели жадой убийства. Альтеус встретил их взгляд. И в его глазах они увидели не страх и не ярость короля, прижатого к стене. Они увидели бездонную, холодную печаль восьмидесятилетнего старика, который уже однажды прошел через смерть и теперь смотрел на них как на мимолетную помеху на пути к миру. И древнюю, безжалостную мощь артефакта, подпитанную мудростью двух жизней.

— Вы пришли разрушить мой дом, — голос Альтеуса прозвучал на редкость спокойно, но каждый слог был отчеканен, как стальной клинок. — Во второй раз за один день... это уже слишком.

Серебристый свет снова вспыхнул вокруг его сжатой в кулак руки, но на этот раз это был не ослепляющий взрыв, а собранное, сконцентрированное сияние. Сияние защиты. Сияние того, кто знает, что именно он защищает. И враги, видевшие до этого лишь отчаяние, впервые за всю битву почувствовали леденящий душу страх. И тогда тени у их ног начали стучаться. Они стекались из всех углов зала, сплетаясь в единую, неестественную черноту, которая поглощала даже отсветы пожаров за окнами. Из этой тьмы, медленно и бесшумно, поднялась фигура. Высокий, искаженный силуэт, лишенный черт, но от которого веяло леденящей душу пустотой и древней ненавистью. Это была не просто плоть и кровь - это была сама Тень, принявшая форму.

Силуэт поднял руку - сгусток живой тьмы. Из его ладони вырвался вихрь черного пламени, бесшумный и холодный. Он не горел, а пожирал: свет факелов гас, камень под ним трескался и рассыпался в пыль, сама материя искажалась и исчезала в его воронке. Альтеус встретил атаку. Он выбросил вперед руку с артефактом, и серебристый свет вспыхнул перед ним щитом. Две силы, рвущая в клочья материю, тьма и нерушимая воля к защите, столкнулись в центре тронного зала с оглушительным тишиной, которая была громче любого взрыва. Они замерли в хрупком, смертоносном равновесии: с одной стороны - король, в чьей душе сплелись судьбы двух жизней, а в руке пылала мощь древнего артефакта. С другой - воплощение тьмы, безликий посланник гибели.

И в этот миг, когда решалась судьба королевства...

1 ГЛАВА «ЗАБЛУДШАЯ ДУША»

Ветер, пахнувший солью и городской пылью, гулял между рядами каменных стел. Здесь, на кладбище в пригороде Осаки, всегда было тихо, словно шумный мегаполис боялся потревожить вечный сон своих обитателей. Ким Док Хо стоял на коленях перед одной из могил, его костлявые пальцы с нежностью поправляли букет белых хризантем в гранитной вазе. На черной плите было выбито два имени: его собственное, пока еще не отмеченное датой смерти, и имя, от которого до сих пор сжималось сердце - Ким Юрико. Его жена. Его Юрико. Она ушла три года назад, но боль была такой же острой, как в первый день, просто он научился с ней жить, как учатся жить с ампутированной конечностью.

— Юрико, — прошептал он по-корейски, хотя на могиле ее имя было выбито японскими иероглифами. Словно даже в её смерти оставался мост между двумя его мирами. — Прости, что не был на прошлой неделе. Спина подвела... опять.

Он помолился, сложив ладони. Не по буддийским канонам и не так, как учили в синтоистском храме. Он просто мысленно разговаривал с ней, как делал это каждое утро за завтраком на протяжении пятидесяти с лишним лет. Рассказывал о том что цены на рис снова поднялись, и о своем упрямом желании однажды все-таки поехать в Сеул, чтобы посмотреть, как выглядит земля его предков. Ветер шевелил седые пряди его волос. Он закрыл глаза, и перед ним всплыло ее лицо, не такое, каким оно было в конце, изможденное болезнью, а улыбающееся, молодое, каким он увидел его впервые на фабрике. Японская девушка, которая не отворачивалась от «Зайнити», а с любопытством смотрела на него и однажды предложила разделить ланч.

— Док Хо-сан, ты слишком много работаешь, — словно донесся до него ее голос сквозь шелест листвы. — Ты должен отдыхать.

— Отдыхать? — мысленно усмехнулся он. — Скоро отдохну. Скоро и навсегда.

Он открыл глаза, и взгляд его упал на его собственное имя, выбитое рядом с её. Пустая дата смерти ждала его, как расписание поезда, на который он уже купил билет. В восемьдесят семь лет он чувствовал это каждой костью, каждым уставшим суставом. Не страх, а та самая «пронзительная усталость от вечной жизни меж двух берегов», что стала его спутником. Он тяжело поднялся, опираясь на могильную плиту, и глухо дряхнул. Спина отзывалась тупой болью, наследие долгих лет с молотком в руках.

— Скоро, Юрико, — сказал он вслух, глядя ладонью холодный камень. — Скоро я приду к тебе. Но сначала... сначала я должен выполнить одно обещание.

Он поклонился могиле, долгим, почтительным поклоном, повернулся и медленно, неторопливой, шаркающей походкой пошел по гравийной дорожке к выходу. Его старая, согбенная фигура казалась еще более одинокой на фоне бесконечных рядов безмолвных камней. Он не знал, что это его последний визит. Что через несколько дней его сердце, исчерпав свой лимит стойкости, остановится во сне.

Тот самый день. Последним, что он почувствовал, была не боль, а тихое облегчение. Глухая, ноющая боль в спине, тяжесть в костях, тупая тоска в сердце, все это растворилось, словно его наконец отпустили из тисков. Сознание Ким Док Хо уплыло, как бумажный кораблик по течению, и погрузилось в безмятежную пустоту. А потом он снова обрел форму. Не физическую, а скорее ощущение себя. Он стоял, вернее, парил в пространстве, залитом мягким, золотистым светом. Ни солнца, ни неба, лишь бесконечное, успокаивающее сияние, обволакивающее его, как теплая вода. Воздух (если это был воздух) был чист и свеж, и им было легко дышать. «Рай?» — первая мысль была лишена удивления, лишь смиренным принятием. Он прожил честную жизнь. Он заслужил покой. Перед ним, словно сотканный из самого света, возник мужчина. На вид его ровесник, морщинистое лицо, седые волосы, собранные в неопрят-

ный пучок. Но от него исходила энергия, которая заставила бы позавидовать любого двадцатилетнего юношу. Это была сила не мышц, а самой жизни, бьющая через край, не знающая усталости и тления. Его глаза, цвета летнего неба, смотрели на Ким Док Хо с выражением, в котором смешались легкая досада и искреннее сожаление.

— Приветствую тебя, Ким Док Хо, — голос старика был бархатным и глубоким, он вибрировал в самой основе этого светлого мира — Прошу прощения за... неловкую ситуацию.

Ким Док Хо молча смотрел на него. Гнев, растерянность, страх - ничего этого он не чувствовал. Лишь спокойную, почти отстраненную ясность.

— Ты... бог? — спросил он просто. Вопрос прозвучал так, будто он спрашивал о погоде. Старик усмехнулся, и вокруг него заплясали искорки света.

— Можно и так сказать. Смотритель. Архитектор. Один из многих. Суть не в имени. Суть в том, — он вздохнул, и свет вокруг на мгновение померк, — что произошла досадная, поистине нелепая ошибка. Сбой в бесконечном уравнении бытия. Твоя смерть, Док Хо-сан, была... несвоевременной. Ты должен был прожить еще три года, два месяца и пятнадцать дней.

Ким Док Хо не дрогнул. Он не думал о потерянных годах, о невыполненных делах. Одна мысль заполнила его всецело.

— Юрико, — произнес он. — Моя жена. Она здесь? Отведи меня к ней, прошу...

В глазах божественного старика мелькнула тень. Он покачал головой, и жест этот был полон безмерной, древней печали.

— Это... невозможно, — сказал он мягко. — Видишь ли, твоя преждевременная смерть стала тем самым камнем, что вызвал лавину. Твоя судьба, твой путь, сплетенный с судьбами других... он был грубо обрублен.

Ты не просто умер не вовремя. Ты выпал из «Плетения». Твоя душа... она больше не привязана ни к одной из предначертанных ей реальностей. Ни к Раю, ни к Аду.

Он сделал паузу, глядя на Ким Док Хо с нескрываемым сочувствием.

— Ты, Ким Док Хо, стал тем, что мы называем «Заблудшей Душой». Пылинкой в глазу Бога. Ошибкой, которую нужно исправить.

Ким Док Хо слушал, и странное спокойствие не покидало его. Он не разозлился. Что проку в гневе на бога? Он просто чувствовал леденящую пустоту. Ни рая. Ни Юрико. Лишь вечное блуждание между мирами.

— Что же будет теперь? — тихо спросил он. — Я буду просто... парить здесь?

— О, нет, — старик покачал головой, и в его глазах вспыхнул странный огонек. — Ошибки исправляют. А для заблудших душ... для них мы находим новый якорь. Новую точку привязки. Пусть и в чужом для тебя мире.

Он сделал паузу, словно подбирая слова, которые смог бы понять смертный.

— Ты начнешь все сначала, Ким Док Хо. В новом мире. Он... иной. Там нет ни Осаки, ни Кореи, о которой ты тосковал. Там правят иные законы, иные народы. Ты получишь новое тело. Новое имя. Новую судьбу. Абсолютно всё будет новым.

Ким Док Хо молчал, впитывая эту информацию. Мысль о новом рождении, о новой жизни после восьмидесяти семи лет усталости казалась не благословением, а новым испытанием.

— И это... не против правил? — спросил он, вспоминая слова о «Плетении» и «судьбоносном плане».

— Нет, — бог покачал головой, и свет вокруг него утвердительно вспыхнул. — В этом и заключается исправление. Твоя душа, лишенная старой привязки, будет накрепко вплетена в новую реальность. Она станет ее частью. Ты будешь подчиняться ее законам, рождаться и умирать по ее правилам. В этом нет нарушения. Это... компенсация. Восстановление баланса.

Старик посмотрел на него с нескрываемой виной в своих бездонных глазах

— Я вновь прошу у тебя прощения за эту нелепость. Ты прожил достойную жизнь и заслужил покой рядом с той, кого любил. Но я могу предложить тебе лишь это. И даю тебе слово - когда ты проживешь свою новую жизнь в том мире, и когда твой срок там подойдет к концу... мы встретимся вновь. Здесь же. И на этот раз я лично провожу тебя к Юрико. Это обещание.

Слова повисли в сияющем воздухе. Обещание. Не рай здесь и сейчас, но гарантия покоя в будущем. Цена — целая жизнь, которую предстояло прожить заново. Ким Док Хо закрыл глаза. Он вспомнил лицо Юрико. Ее улыбку. Ее просьбу не надрываться на работе. Теперь ему предстояло снова трудиться. Проходить путь взросления, познания, потерь и надежд. Мысль об этом была истощающей. Но иного выхода не было. Вечное блуждание в небытии или новая жизнь с конечной, ясной целью. Он медленно кивнул, открыв глаза. В них не было восторга, лишь та же старая, знакомая решимость, что вела его всю жизнь, делать то, что должно.

— Хорошо, — тихо сказал Ким Док Хо. — Я согласен. Я проживу эту жизнь.

Божественный старик улыбнулся, и на этот раз его улыбка была полна тепла и облегчения.

— Спасибо тебе. Будь храбр, Ким Док Хо. И забудь это имя. Тебя ждёт много новых приключений!

Золотистый свет вокруг сгустился, закружился вихрем и поглотил одинокую фигуру старого корейца. Последнее, что он почувствовал, было не давление нового мира, а легкое, почти невесомое толкание, будто его душа, наконец, нашла свою новую орбиту.

Золотистое свечение, в котором растворилось его сознание, стало рассеиваться, как туман на утреннем солнце. Оно сменилось не грубой материей, а потоком странных, приглушенных ощущений. Холодный воздух коснулся его кожи, заставив все его существо содрогнуться. Он почувствовал этот ветерок, первый в его новой жизни. Он открыл глаза. Вернее, попытался. Веки были тяжелыми, словно сделаны из свинца, а мир перед ними плыл в мутном, расплывчатом мареве. Свет резал незрелые зрачки, и все вокруг было окрашено в размытые пятна тусклого цвета. Но он мог разглядеть два силуэта. Они склонились над ним, большие, нечеткие, заслоняющие собой источник света. Один был чуть выше, другой более изящнее. От них исходило тепло, и слышался нежный, убаюкивающий гул - звук голосов, доносившийся сквозь воздух, лишенный слов, но полный эмоций. И тогда осознание ударило его с простой и ясной силой. Оно пришло не как воспоминание, а как фундаментальное знание, вшитое в саму душу. «Я только что родился». Мысль была тихой, лишенной паники, лишь констатацией факта. Воспоминания о боге, о золотом свете и обещании были еще свежи, словно яркий сон, который не успел померкнуть. Он лежал в пеленках, беспомощный, с трудом фокусируя зрение на двух расплывчатых фигурах. Они что-то говорили ему, их голоса звучали как самая нежная музыка. «А эти двое... — его внутренний голос, голос Ким Док Хо, прозвучал в глубине его нового, детского сознания. — Наверное... это мои родители». В его сердце, старом и уставшем, которое теперь билось в такт с этим новым, маленьким телом, не возникло ни радости, ни любви. Лишь тихая, всепонимающая печаль и чувство долга. Он смотрел на эти два мутных силуэта - на женщину, чье тепло он чувствовал сильнее всего, и на мужчину, что стоял рядом, и мысленно, из глубин своей прежней жизни, дал им обещание. «Я буду жить. Я проживу эту жизнь для вас. И для того, чтобы однажды... вернуться к тебе, Юрико». Затем детский инстинкт пересилил мудрость старого человека. Его веки сомкнулись, и он погрузился в глубокий, безмятежный сон новорожденного, унося с собой в сны эхо двух прожитых жизней и тяжесть данного самому себе слова

2 ГЛАВА «ИСПЫТАНИЕ АРВЕНОВ»

Шесть лет. Целых шесть лет в этом новом, странном и удивительном мире. Имя «Ким Док Хо» теперь было похоже на потускневшую фотографию из старого альбома - он помнил его, знал, что это он, но это уже не было его настоящим. Его настоящее имя было Альтеус. Альтеус фон Арвен. Стоя на каменном балконе своих покоев, он смотрел, как первые лучи солнца золотят столицу, город-крепости Лориан. Воздух был чист и свеж, пахнул хвоей с окрестных холмов и сладковатым дымком из кузнечных кварталов. За эти годы его детский ум, подпитываемый опытом прошлой жизни, впитал знания о новом мире, как губка. Он узнал, что живёт в Королевстве Альверхейм, на границе Диких земель. Узнал, что его отец, Каэлен фон Арвен, герцог пограничных земель и прославленный воин, чье имя наводило страх на оркийские племена. Его мать, Илана фон Арвен, с мягкой, но нестигаемой волей, управляла герцогством в его отсутствие, а ее доброта была притчей во языцех. И самое главное он узнал многое о магии.

Он видел, как придворные маги лечили раны светящимися руками, как боевые заклинатели метали сгустки пламени, а мастера-ремесленники вплетали чары в сталь и камень. Магия была дыханием этого мира, его кровью и плотью. И Альтеус, в душе которого жила надежда старого человека на хоть какую-то удачу после столь нелепой смерти, с нетерпением ждал дня, когда и он сам опробует магию. Но.... Этот день настал на его пятый день рождения.

Помнится, в роскошном зале, под серьезными взглядами родителей, старый маг с бородой, похожей на клубы дыма, возложил на его голову холодный кристальный шар. Альтеус зажмурился, изо всех сил пытаясь почувствовать что-то, призвать хоть искру. В его памяти всплывали образы пламени, льда, тока - всего, что могло сработать. Но шар лишь слабо, едва заметно дрогнул, испустив бледное и угасающее свечение. Оно погасло быстрее, чем свеча на ветру. Маг с сожалением посмотрел на герцога.

— Ничтожная искра, лорд Каэлен. Едва заметная. Шансы развить дар - один на тысячу. Его путь, это не путь мага.

Разочарование, горькое и знакомое, сдавило горло Альтеуса. Снова судьба подкидывала ему камень преткновения. Снова он оказывался не там, где хотел. Но его отец, Каэлен, не выглядел разочарованным. Он положил тяжелую руку на плечо сына, руку, привыкшую сжимать рукоять меча, а не волшебный жезл.

— Магия - не единственная сила в этом мире, сын, — сказал он, и его голос был твердым, как сталь. — Сила воли, скорость клинка и честь воина - вот что столетиями оберегало наш дом. Если судьба не дала тебе дара магии, она направила тебя на другую стезю. С завтрашнего дня мы начнем твоё обучение. Начнем с азов, с деревянного меча.

Итак, прошел год. Год, когда его мир сузился до размеров тренировочного плаца. Пахло потом и пылью, а не порошком заклинаний. Его маленькие ладони покрывались мозолями от рукояти деревянного меча, а тело ныло от бесконечных стоек, выпадов и ударов. Он, старый Ким Док Хо, знавший цену упорному труду, теперь с новой силой впитывал уроки воинского искусства. Он слушал наставления отца, ловил каждое слово, каждый жест. Это был не просто путь воина. Это был его новый долг. Его якорь в этом мире. И он был полон решимости овладеть им в совершенстве.

Солнце стояло в зените, безжалостно паля затылок Альтеуса. Деревянный меч в его руках казался неподъёмным бревном. Перед ним, словная неприступная скала, возвышался его отец, Каэлен. Тренировочный клинок в руке герцога выглядел продолжением его руки - лёгким и смертоносным.

— Не опускай гарду, Альтеус! — раздался спокойный, но твёрдый голос отца. — Клинок противника всегда ищет твою голову, если ты открываешь её, как дверь!

Альтеус, пытаясь повторить атаковую стойку, на мгновение потерял концентрацию. Мысли старого Ким Док Хо о несправедливости судьбы и усталости от постоянных тренировок на миг отвлекли его. Этой доли секунды хватило. Деревянный меч Каэлена, движущийся с обманчивой медлительностью, описал короткую дугу и со звонким щелчком пришелся Альтеусу точно по затылку. Удар был не сильным, по меркам воина. Но для шестилетнего тела — более чем достаточным. Яркие искры брызнули перед глазами, ноги подкосились, и весь мир резко ушёл в сторону, поглощённый накатывающей чёрной волной. Альтеус отрубился практически мгновенно. Сознание вернулось к нему мягко, как прилив. Сначала он почувствовал прохладу шелковых простыней под собой и знакомый запах ладана и полевых трав в своей опочивальне. А потом до него донеслись голоса сдержанные, но напряжённые.

— ...В шестой раз, Каэлен! В шестой раз за этот месяц я чувствую, как его маленькое сознание гаснет на плацу! — это был голос Иланы, его матери. В нём не было истерики, лишь стальная, холодная тревога.

— Он должен научиться, Илана! Мир за стенами Арвельхеймом не будет беречь его затылок! Лучше сейчас получить удар деревяшкой, чем потом — оркской секирой! — парировал Каэлен, но и в его голосе слышалась усталая скованность. Это был не серьёзный спор, а изматывающий, давний спор о методах воспитания.

Альтеус приоткрыл веки. Он увидел, как мать резко развернулась от отца и стремительно направилась к его ложу. Её лицо, обычно такое спокойное и ласковое, было строгим. Она не сказала больше ни слова. Её тонкие пальцы с нежностью коснулись его болезненно пульсирующего затылка. И тут же он почувствовал знакомое ощущение, поток целительной прохлады, который разлился по голове, растворяя боль и тошноту. Ладонь Иланы слабо светилась нежным серебристым светом. Магия лечения. Та самая, что была ему недоступна от рождения.

— Ты уже в шестой раз используешь магию на нём из-за этих... тренировок, — проговорил Каэлен, подходя ближе. Его могучая фигура заслонила свет от окна. В его глазах читалась не злость, а беспокойство. Он смотрел на сияющие руки жены, а потом на бледное лицо сына. — Ты не даёшь ему закалиться. Боль — тоже учитель. Илана не отводила рук, её взгляд был прикован к лицу Альтеуса.

— Есть разница между закалкой и тем, чтобы регулярно отключать сознание ребёнку, — её голос дрогнул. — Я лечу его не от боли, Каэлен. Я лечу его от последствий, которые твой «учитель» может оставить в его хрупком теле. Он не солдат в твоём полку. Он наш сын.

Прохлада от рук матери окончательно развеяла туман в голове. Альтеус медленно сел, чувствуя, как родители замерли, глядя на него. Он посмотрел на суровое лицо отца и на полное тревоги лицо матери. И в его душе, где жила мудрость старого человека, не было обиды на отца. Он понимал его логику. Но он также чувствовал и безграничную, жгучую любовь матери, готовую сжечь себя магией снова и снова, лишь бы оградить его от вреда. Он был мостом между ними. Как когда-то был мостом между двумя культурами. И ему предстояло научиться ходить и по этой тонкой грани.

Пять лет пролетели, как один долгий, наполненный тренировками и уроками день. Альтеусу недавно исполнилось одиннадцать. Его детская мягкость начала уступать место угловатости, а во взгляде, позаимствовавшем мудрость другой жизни, все чаще читалась глубокая, не по годам, сосредоточенность. Как-то раз после утреннего занятия по фехтованию, на котором его деревянный меч вновь оказался на плацу быстрее, чем он успел среагировать на выпад учителя, Альтеус направлялся в свои покои. Рядом с ним неспешной, легкой походкой шла Элис, его личная горничная. Молодая девушка с ясными глазами и безудержной жизнерадостностью, она была единственным человеком, с которым он мог позволить себе быть просто ребёнком, пусть и ненадолго.

— Не вешайте нос, ваша светлость, — тихо говорила она, пока они шли по прохладному каменному коридору. — Учитель Бранд — старый солдат. Он всех заставляет чувствовать себя

неуклюжим мешком с картошкой. Помните, как вы в прошлый раз чуть не упали, отражая его укол?

Альтеус хмыкнул, но не ответил. Его внимание привлекли приглушенные, но напряженные голоса, доносившиеся из-за тяжелой дубовой двери кабинета отца. Он узнал низкий бас Каэлена и сдержанный, мелодичный голос Иланы.

В их тоне слышалась не просто беседа, а дискуссия.

— Тише, Элис, — жестом остановил он горничную, прижав палец к губам.

Девушка тут же замолчала, насторожившись. Альтеус бесшумно приблизился к двери, затаив дыхание. Элис, с выражением легкой паники на лице, осталась стоять в нескольких шагах, выполняя роль наивной, но тревожной «стражи».

— ...Я не требую от него быть новым Королем-Магом, Илана! — доносился голос Каэлена. — Но посмотри на него! Меч в его руках не слушается. Он выполняет приемы правильно, технично, но в них нет... огня. Нет дара. Ни к клинку, ни к магии. Ты и сама это видишь. Сердце Альтеуса на мгновение замерло. Он слышал это раньше в укорованных взглядах учителей фехтования, но из уст отца... это звучало как приговор.

— Как? — раздался усталый, разочарованный голос Каэлена. — Я вкладываю в него душу, час за часом на плацу. А он... он движется, как хорошо собранный механизм. Точно, но без сердца воина. Наследник Арвенов, не способный держать клинок... что скажут вассалы? Что скажут на границе, где каждый граф и барон должен быть готовым в любой момент вскочить в седло?

— А ты послушай, что говорят его учителя! — парировала Илана, и в ее голосе зазвучали стальные нотки. — Мастер истории говорит, что он анализирует прошлые битвы лучше иных стратегов. Учитель чисел поражен его скоростью счета и логикой. Он смывленный, Каэлен. Невероятно смывленный для своих лет! Может быть... может быть, его путь не быть мечом королевства, а быть его мозгом? Его сердцем?

Альтеус замер, прижавшись лбом к прохладному дереву. «Мозг». «Сердце». Слова матери отозвались в нем глубинным эхом. Ведь именно ум, а не мускулы, помогли Ким Док Хо выжить и построить бизнес в чужой стране. Именно сердце, а не клинок, хранило верность его Юрико.

— Ты предлагаешь сделать из него писца? Управляющего? — в голосе Каэлена слышалось неприятие.

— Я предлагаю дать ему шанс! — воскликнула Илана. — Шанс стать тем, кем он рожден быть. Лидером, а не солдатом. Правителем, который будет побеждать не одной силой руки, а силой мысли. Разве наша династия держится только на мечах? Разве твой отец не укрепил границы дипломатией, а не одной лишь войной?

За дверью воцарилась тишина. Альтеус больше не мог слушать. Он отшатнулся от двери, его лицо было бледным. Он встретился взглядом с перепуганной Элис.

— Ваша светлость... — начала она. Но Альтеус молча покачал головой и быстрыми шагами двинулся прочь по коридору. В его ушах звенело. Голос отца, полный разочарования... и голос матери, предложившей ему новый, незнакомый, но такой манящий путь. Возможно, он никогда не будет великим воином. Но, возможно, ему и не нужно было им быть. Дверь в его покои закрылась с тихим щелчком. Альтеус, не снимая сапог, повалился на широкую кровать, уткнувшись лицом в прохладный шелк покрывала. В ушах по-прежнему стоял гул, а в висках отдавалось унижительное эхо слов отца. «Наследник Арвенов, не способный держать клинок...»

— Ваша светлость, может, вам чего-нибудь принести? Воды? Или... — тихий, полный беспокойства голос Элис прозвучал у самого изголовья.

Альтеус лишь мотнул головой, не поднимая лица. Он слышал, как ее легкие шаги замерли в нерешительности, а затем медленно удалились. Дверь снова приоткрылась и закрылась. Он остался один. Тогда мысли, сдержанные и холодные, хлынули наружу. Нельзя. Нельзя вот так

взять ребенка и возложить на него все ожидания целого королевства. Ждать, что он будет гениальным магом или мечником, словно сошедшим со страниц героического эпоса. Это эгоистично. Они видят не меня. Они видят наследника, инструмент, продолжение собственной славы. Он, как Ким Док Хо, понимал политическую необходимость. Но Альтеусу, одиннадцатилетнему мальчику, было больно. Горько и обидно. И тогда случилось неожиданное. Сперва просто предательская теплота за щеками. Потом прерывистый вздох, который сдавил горло. А затем тихие, но неудержимые слезы потекли по его щекам, впитываясь в шелк. Он не рыдал, его тело просто плакало, будто выжимая из себя весь накопившийся за годы стресс, все подавленные разочарования. Он понял. Это плакал не он, не старый Ким Док Хо, рационально анализирувавший ситуацию. Это плакал ребенок. Маленький Альтеус, чья душа, хоть и отягощенная чужой памятью, все равно была душой ребенка. И этот ребенок был глубоко ранен, услышав такое от своего отца, от героя, на которого он хотел равняться. Дверь в комнату бесшумно приоткрылась.

— Ваша светлость, я принесла вам свежих... — голос Элис оборвался.

Он не успел даже отвернуться. Легкие шаги засеменили по ковру, и следующее, что он почувствовал, это легкое прикосновение к своему вздрагивающему плечу.

— О, ваша светлость... — ее голос дрогнул, полный искреннего сострадания. Она не стала читать нотаций и не убежала в панике. Она просто села на край кровати и мягко, почти по-матерински, принялась гладить его по спине.

— Тихо, все хорошо... Все наладится. Я уверена.

— Он... он считает меня... неудачником, — выдохнул Альтеус сквозь слезы, не в силах сдержаться.

— Нет, никогда! — Элис сказала это с такой горячностью, что он невольно приподнял голову. Ее глаза тоже блестели. — Герцог... он просто хочет, чтобы вы были в безопасности. Он видит мир через призму своих битв. Но вы... вы особенный, ваша светлость. Я вижу это. Вы умнее всех учителей вместе взятых! И я верю, что ваш талант еще проснется. Не обязательно в мече или магии. Но он будет! И вы еще станете гордостью и герцога, и герцогини, и всего нашего королевства! Вы просто должны дать себе время.

Ее слова были простыми, даже наивными. Но произнесены они были с такой непоколебимой верой, что лед вокруг его сердца дал трещину. Она верила в него. Не в наследника, а в него самого. Альтеус медленно сел, вытирая лицо рукавом. Слезы еще текли, но отчаяние начало отступать, сменяясь странным спокойствием. Он посмотрел на Элис, на ее взволнованное, полное преданности лицо. Она была права. Он давил на себя, пытаясь сразу стать тем, кем его хотели видеть. Но у него было время. И возможно, его истинная сила скрывалась не в мышцах и не в чарах, а в чем-то ином. В том, что он только начинал осознавать.

Шесть лет. Шесть долгих лет упорного, почти отчаянного труда. Семнадцатилетний Альтеус был уже не угловатым подростком, а высоким, стройным юношей. Однако грация по-прежнему обходила его стороной. Его фигура в тренировочном доспехе на плацу была воплощением дисциплины, но не мощи. Каждый удар, каждый блок были технически выверены до мелочей, результат тысяч часов повторений, но в них не было ни капли природного дара, той самой искры, что отличает воина от мастера. Он продолжал тренироваться с мечом, исполняя свой долг перед отцом. Но в тишине своей комнаты, под покровом ночи, он делал нечто, о чем не знал никто, даже Элис. Он пытался практиковаться в магии. Сжимая в руке обычный камень, он до изнеможения концентрировался, пытаясь ощутить в себе хоть крупицу той энергии, что видел у матери. Он вспоминал научные принципы из прошлой жизни, пытаясь логически вычислить магию. Но результат был всегда один: тишина и пустота. Ни искры, ни шепота энергии. Его душа, казалось, была наглухо закрыта для чудес этого мира, как и для врожденного мастерства в фехтовании. Его формальное обучение под руководством домашних учителей подошло к концу. Он поглотил все, что могла дать ему библиотека Арвендов: историю,

стратегию, математику, языки. Его ум, отточенный опытом двух жизней, был острым и быстрым. Учителя в один голос твердили герцогине Илане о его недюжинных интеллектуальных способностях. Но для Каэлена этого было мало.

Единственным логичным следующим шагом была Академия - кузница элиты королевства, где оттачивались не только умы, но и клинки, и магические дарования. И именно этого герцог боялся больше всего.

— Они растерзают его, Илана, — слышал Альтеус сквозь дверь кабинета отца за неделю до того рокового ужина. — Сыновья наших вассалов, отпрыски столичных семей... они учуют слабину, как гончие. Наследник Арвенов, который едва держит меч и не может зажечь свечу заклинанием? Наш род станет посмешищем!

Отец тянул с решением, откладывая отправку сына под разными предлогами. Но судьба, а вернее, настойчивость матери, положила конец этим отсрочкам.

Семейный ужин в герцогском покое проходил в напряженной тишине. Звон ножей о фарфор казался оглушительно громким. Альтеус чувствовал на себе тяжелый, озабоченный взгляд отца и мягкий, ободряющий взгляд матери. Внезапно Каэлен отложил нож и отхлебнул вина. Затем он поднял свой хрустальный бокал, призывая к вниманию. Его лицо было маской решимости, скрывающей глубокую тревогу.

— Илана. Альтеус, — его голос прозвучал громко и четко, разносясь под сводами зала. — Пришло время. Через месяц наш сын отправится. Он поступит в Мировую Академию.

Он сделал паузу, и его взгляд, тяжелый и полный скрытого вызова, устремился на Альтеуса.

— Пусть мир увидит, из какого теста сделан наследник Арвенов. Я верю, что он... оправдает надежды нашего дома.

Эти слова повисли в воздухе, словно приговор. Для Альтеуса они прозвучали не как гордая декларация, а как последнее предупреждение. У него оставался всего один месяц, чтобы подготовиться к тому, что его ждало. К насмешкам, к испытаниям и к позору, который он, по мнению отца, неминуемо должен был принести своей семье. Пиршество было коротким и натянутым. Поднятые бокалы опустились, так и не осушившись до дна. Воздух в зале, и без того тяжелый от невысказанных слов, вдруг сгустился, стал вязким и горьким на вкус. Альтеус смотрел в тарелку, чувствуя, как объявление отца тяжким камнем легло ему на плечи. И тогда мир взорвался из под ног. Не метафорически. Физически. Грохот, от которого задрожали самые камни замка, оглушительный, разрывающий барабанные перепонки. С потолка посыпалась штукатурка, люстры закачались, высекая снопы искр. Тревожный колокол на центральной башне взревел, его звук, полный ужаса, слился с первым ударом в единый похоронный звон. Альтеус вскочил, не успев осознать, что происходит. Он видел, как лицо отца побелело не от гнева, а от холодного узнавания. Каэлен уже держал в руках свой боевой меч, который всегда висел рядом с тронном.

— С Иланой! Немедленно! — проревел он, и это был уже не голос отца, а команда главнокомандующего.

Но было уже поздно. Они выскочили в коридор, и Альтеус замер, не веря своим глазам. Сквозь арочные окна был виден их цветущий, тихий город Лориан. Или то, что от него осталось. Небо почернело от дыма и стремительных, хищных силуэтов. Струи адского пламя с ревом низвергались на крыши домов, обращая их в пылающие руины. Земля содрогалась от новых взрывов. Яркий, гордый город за считанные мгновения был поглощен огнем и разрушением.

Начался ад.

Они пробивались к казармам через охваченный паникой замок. Альтеус видел, как гибли люди. Старый стражник, сгоревший заживо от липкого зеленого пламени; служанка, раздавленная обрушившейся балкой; мирные горожане, бежавшие по двору и настигнутые тучей чер-

ных стрел, падавшие замертво с тихими вздохами. И тогда он увидел ее. Элис. Его верная горничная, его единственный друг, бежала к нему сквозь хаос, ее глаза были полны ужаса, но в них горела одна мысль - добраться до него.

— Ваша светлость! — крикнула она.

И в этот миг с небес спикировала стая крылатых тварей. Десятки черных стрел с шипением понеслись в его сторону. Мысль не успела оформиться, тело не успело среагировать. Но тело Элис - успело. Она бросилась вперед, раскинув руки, как живой щит.

— Нет! — успел выкрикнуть Альтеус.

Три стрелы с глухим стуком вонзились ей в спину. Она качнулась, толкнув его в сторону укрытия, и рухнула на камни. Ее ясные глаза, еще секунду назад полные жизни, остекленели. На ее губах выступила алая кровь.

— ЭЛИС!

Но оплакивать ее было некогда. Каэлен, с рыком ярости, вступил в бой с прорвавшимися в замок существами - высокими, кожистыми созданиями с горящими глазами, демонами из самых темных легенд. Он сражался как бог войны, его клинок выписывал смертоносные узоры, но их было слишком много. Один из демонов, массивный, с рогами цвета вороного крыла, парировал удар Каэлена и ответным взмахом своего искривленного меча пронзил герцога насквозь. Альтеус застыл, увидев, как свет угасает в глазах его отца. Как тот, не выпуская меча из руки, медленно оседает на колени, а потом падает ничком.

— ОТЕЦ! — закричал Альтеус, но Илана уже тянула его прочь, к задним воротам замка, ее лицо было мокрым от слез, но решимость в нем была тверже алмаза.

Они выбежали на узкую тропу, ведущую к обрыву над бурной рекой. Преследователи были уже рядом. Демон, убивший Каэлена, и его приспешники приближались неспешно, наслаждаясь моментом. Илана остановилась на краю пропасти. Она посмотрела на Альтеуса, и в ее взгляде была вся ее любовь, вся боль и вся надежда.

— Прости меня, сын мой. Живи.

И изо всех сил она толкнула его в обрыв. Падая, Альтеус видел, как демон поднял свою окровавленную лапу. Видел, как темная энергия вырвалась из нее и ударила по его матери. Видел, как ее тело окуталось черным пламенем, как она, не издав ни звука, рухнула на землю. Последнее, что запечатлелось в его сознании перед тем, как ледяная вода реки поглотила его, - это горящие руины его дома, тела его родителей и стеклянные глаза Элис, смотревшие в никуда. И всепоглощающая тьма, затмившая все остальное.

3 ГЛАВА «ПРОБУЖДЕНИЕ В РУИНАХ»

Сознание возвращалось к нему медленно, как будто пробираясь сквозь толстый слой металла и боли. Сначала он почувствовал холод. Пронизывающий, костный холод, пропитавший его плащ и одежду насквозь. Потом ломоту в каждом мускуле, будто его переехало колесо повозки. И наконец навязчивое, раздражающее тыканье чем-то твердым в щеку. Он с трудом открыл глаза. Свет, даже тусклый, пронзил его голову острой болью. Над ним, заслоняя серое небо, склонилась фигура в потертых, но прочных доспехах. Молодой рыцарь держал в руке длинную палку, которой и тыкал в него.

— Эй, парень! Живой? — голос был хриплым, уставшим, но в нем не было угрозы.

Альтеус попытался что-то сказать, но издал лишь хриплый, беззвучный выдох. Горло горело огнем. Он медленно повернул голову, осматриваясь. Он лежал на берегу бурной, мутной реки, вцепившись пальцами в мокрый гравий. В нескольких шагах от него вода с ревом разбивалась о черные скалы — те самые, мимо которых он пролетел, падая вниз. Его тело выбросило на мелководе в более спокойном ответвлении. Память нахлынула разом, обжигая ярче любой раны: огонь, смерть Элис, мучения отца, последний взгляд матери и леденящая пустота падения.

«Я один... Все погибли».

— Выглядишь, будто дракон тебя пережевал и выплюнул из-за плохого качества твоего мяса, — солдат убрал палку и протянул ему руку. — Давай, вставай. Лежать здесь, считай что верная смерть. По берегу твари бродят.

Альтеус кивнул, не в силах говорить, и ухватился за заскорузлую ладонь. Воин с силой, которой Альтеус был лишен, легко поставил его на ноги. Мир поплыл перед глазами, и он едва не рухнул обратно, но солдат крепко его поддержал.

— Спасибо, — прохрипел Альтеус наконец.

— Не за что, — солдат окинул его оценивающим взглядом, заметив дорогой, хоть и изорванный в клочья плащ. — Беженец? Ладно. Далеко тебе идти-то? Или ты один?

Альтеус кивнул, на этот раз в ответ на второй вопрос. Он был один. Совершенно один.

— Что ж, — солдат вздохнул. — Наш патруль как раз возвращается в Сильверхейм. Королевство через горы. Дорога неблизкая, но безопасная, насколько это сейчас возможно. Пойдешь с нами? В городе дадут кров, еду и, возможно, работу. Лучшее, чем здесь, на выжженной земле, тебе все равно не выжить.

Сильверхейм. Название ничего не говорило Альтеусу. Но в словах солдата звучала единственная зацепка, единственный луч в кромешной тьме, что поглотила его жизнь. Кров. Еда. Путь. Возможность выжить. Возможность... когда-нибудь отомстить. Он посмотрел на солдата

— Да, — тихо, но четко сказал Альтеус. — Я пойду с вами. В Сильверхейм — прохрипел Альтеус, все еще цепляясь за руку солдата, как утопающий за соломинку. Мир медленно переставал кружиться, но пустота внутри от осознания потерь лишь росла. Он должен был знать. — Арвенхельм... что... что с ним? Есть ли новости?

Солдат помог ему отойти от ледяной воды и усадил на большой камень. Его лицо, молодое и свежих шрамов, стало мрачным.

— Арвенхельм? — он тяжело вздохнул, вытирая лицо потным рукавом. — Парень, да это же уже древняя история. Прошло ведь с тех пор... лет десять, наверное.

Слова прозвучали как удар под дых. Альтеус замер, не в силах сделать вдох.

— Десять... лет? — он прошептал, глядя на солдата с немим ужасом. Для его сознания, застывшего в момент падения, прошло от силы два-три дня. Он чувствовал ту же боль, то же горе, ту же свежую ярость. А снаружи пролетело целое десятилетие. Его королевство, его

дом, его месть - все это уже успело стать страницей в учебнике истории, покрыться пылью и забвением.

— Ага, — солдат кивнул, не замечая его шока или списав его на общую слабость. — Та Великая Резня. Герцогство пало за одну ночь. Говорят, никто не выжил. Теперь эти земли называются Проклятыми равнинами. Там теперь только демоны, да их прихвостни водятся. Ни один караван туда не суется. Королевская армия отбила ту атаку, но ценой была... ужасной. Теперь мы просто держим оборону на границе.

Десять лет. Его родители десять лет как мертвы. Элис десять лет как в могиле. А он... он все это время пролежал без сознания на берегу реки? Это было невозможно. Магия? Чудо? Или проклятие? Он смотрел на свои руки.

Они все еще были руками семнадцатилетнего юноши, без следов времени. Его тело не изменилось. Но мир вокруг — изменился безвозвратно.

— Меня Артур зовут, — представился солдат, прерывая его тягостные размышления. — Артур из патруля «Серые Волки». А тебя?

Альтеус на мгновение замер. Назвать свое настоящее имя? Наследник павшего дома, чудом уцелевший? В мире, где его род считают стертым с лица земли, это могло быть смертельно опасно.

— ...Аль, — выдавил он первое, что пришло в голову, укоротив свое имя. — Меня зовут Аль.

— Что ж, Аль, — Артур снова протянул ему руку, на этот раз чтобы помочь подняться. — Забудь про прошлое. Выжить вот твоя задача сейчас. Пойдем, наши повозки в получасе ходьбы. Донесу, если надо будет.

Опираясь на крепкое плечо солдата, Альтеус, он же Аль, сделал свой первый шаг в новый, чужой и пугающий мир. Мир, в котором он был призраком из прошлого, человеком без имени и без будущего, с сердцем, полным горя, которому было всего несколько дней, и тайной, которой было уже десять лет.

Дорога до лагеря патруля давалась Альтеусу с трудом. Ноги подкашивались не только от слабости, но и от тяжести услышанного. Он шагал, опираясь на Артура, и засыпал его вопросами, пытаясь заполнить чудовищный десятилетний пробел в своей памяти.

— А король Лориан? — спросил он, пытаясь отвлечься от боли в мышцах. — Он... он всё ещё правит?

Артур хмыкнул: — Старый Лорд Каэлен? Нет, он пал как раз в ту ночь, защищая столицу. Каждый ответ был новым ударом.

— А в Сильверхейме... там помнят о Арвенхельме? — голос Альтеуса дрогнул.

Артур нахмурился, глядя на дорогу: — Помнят, помнят как о старом героическом мифе. Подвиг герцога Каэлена, и его жены Иланы в школах изучают. «Последняя ночь Арвенов», красивая и страшная история. Но для большинства это уже просто история, парень. Жизнь идёт вперёд. Мы боремся с рейдами демонов на границе, с бандитами, с неурожаями. У людей свои заботы.

Слова «красивая история» обожгли Альтеуса изнутри. Для него это не было историей. Это был дым, кровь и крики его матери.

— И... и что теперь? Демоны? Они всё ещё угроза? — спросил он, едва слышно.

— Угроза? — Артур усмехнулся, но без веселья. — Они как болезнь. Мы не можем её вылечить, только сдерживаем. Их опорные точки на твоих бывших землях Арвенхельма. Иногда они делают вылазки. Мы отбиваемся. Так и живём. Мир стал... жёстче, Аль. Меньше чудес, больше стали.

Наконец они вышли на поляну, где стояло несколько крытых повозок и сустились несколько бойцов в таких же потертых доспехах, как у Артура.

— Вот и добрались, — облегчённо выдохнул Артур. — В той повозке есть свободное место. Доедешь до Сильверхейма, оклемаешься. А там... — он пожал плечами, — там видно будет. Главное, что ты жив. В наше время это уже победа.

Артур помог Альтеусу забраться в пустую повозку, заваленную мешками с провизией. От запаха зерна и сушёного мяса свело живот у Альтеуса. Измученное тело требовало покоя, но разум лихорадочно работал, переваривая услышанное. Десять лет. Вся моя жизнь, это красивая и страшная история. Мои родители - герои легенд. А я... я призрак, не имеющий даже права на своё имя. Он сжал кулаки, глядя на деревянный борт повозки, за которым проносился незнакомый, огрубевший мир. В его сердце, где всего «несколько дней» назад бушевало отчаяние ребёнка, теперь зрело что-то иное. Холодное, твёрдое и решительное. Он выжил. И теперь ему предстояло выяснить, зачем. И как превратиться из «Аля», беспомощного беженца, в нечто большее. В ту силу, что сможет не просто помнить историю, но и изменить её. Артур уже развернулся, чтобы уйти, когда слова прозвучали в голове Альтеуса с кристальной ясностью, заглушая шум в лагере и гул в собственной голове.

«...их опорные точки — на твоих бывших землях».

Сердце Альтеуса пропустило удар, а потом забилось с бешеной силой. Ледяная дрожь страха пробежала по позвоночнику. Он сидел, уставившись в затылок уходящего солдата. Он был предельно осторожен. Он не говорил ни слова о том, откуда он родом. Он лишь спросил о судьбе Арвенхельма, как мог бы спросить любой беженец, слышавший легенды. Он назвался просто «Аль». Но Артур сказал «твоих бывших землях». Не «тех», не «арвенхельмских». А именно «твоих».

Откуда он знает? Инстинкт, выкованный за десятилетие выживания в мире, которого он не помнил, но который, очевидно, стал куда опаснее, кричал ему об опасности.

Этот патруль, эта помощь... все это было слишком вовремя. Слишком удобно.

— Артур... — начал он, его голос сорвался на хрип. Он должен был спросить. Должен был понять.

Но вопрос так и не успел слететь с его губ. Оглушительный, жгучий удар обрушился на его затылок. Не деревянной палкой, как утром, а чем-то твердым и металлическим, вероятно, рукоятью меча или металлической перчаткой. Яркие искры брызнули перед глазами, сливаясь в ослепительно-белую вспышку. Звуки лагеря: голоса, ржание лошадей, скрип повозок, мгновенно исчезли, поглощенные нарастающим гулом в ушах. Последнее, что он успел осознать, прежде чем тьма снова поглотила его, это искаженное, лишенное всякой доброты лицо Артура, которое он увидел, беспомощно падая с сиденья повозки на жесткие доски. И тихий, леденящий душу шепот, прозвучавший прямо над его ухом:

— Спи, маленький герцог. Тебя ждут.

Сознание вернулось к Альтеусу вместе с болью. Тупая, пульсирующая агония в затылке была первым, что он ощутил. Вторым было леденящий холод сырого камня под собой и тяжелые, ржавые оковы, врезающиеся в запястья. Он попытался пошевелиться и услышал громкий лязг цепей, прикованных к стене где-то в темноте над его головой. Он был в темнице. Воздух был грязным и пах плесенью, мочой и отчаянием. Единственный источник света узкая щель под тяжелой дверью, которая выхватывала из мрака лишь очертания его изодранной, все еще мокрой одежды. Он с трудом поднял свободную на несколько дюймов руку и коснулся затылка. Пальцы нащупали липкую, запекшуюся кровь и огромную, болезненную шишку. Воспоминания нахлынули обрывками: взгляд Артура, его собственный вопрос, который он так и не успел задать, и предательский удар. Внезапно с громким скрежетом отворилась дверь. Свет факелов ударил в глаза, заставив Альтеуса зажмуриться. В проеме стояла высокая, статная фигура в темных, богато украшенных одеждах. За ним виднелись силуэты двух стражников в сильверхеймских доспехах. Незнакомец медленно вошел в камеру. Его лицо, освещенное дрожащим пламенем, было жестким и испещренным сетью тонких шрамов. Волосы тёмные были

тщательно уложены, а взгляд холодных, пронзительных глаз изучал Альтеуса с безразличным любопытством хищника.

— Наконец-то очнулся, — его голос был ровным и глухим, словно звук падающего в колодец камня. Он не ждал ответа. — Меня зовут лорд-регент Кассиан Грей. Я - рука, что держит Сильверхейм, пока наша юная королева... набирается мудрости.

Он сделал паузу, давая словам повиснуть в сыром воздухе.

— А теперь расскажи мне, — Кассиан скрестил руки на груди, — кто такой этот «Аль», что так ревностно интересуется давно павшим герцогством? И откуда он пришел, что даже река, в которой он якобы тонул десять лет, выплонула его на берег практически невредимым... и без единой лишней морщинки?

Сердце Альтеуса замерло. Они не просто подозревали. Они знали, что с ним что-то не так.

— Я... просто беженец, — прохрипел Альтеус, заставляя свой голос звучать слабее. — Я слышал легенды... мне было интересно...

— Легенды? — Кассиан усмехнулся, но в его глазах не было и тени веселья. Он сделал легкий жест рукой, и один из стражников шагнул вперед, бросив к ногам Альтеуса его собственный, изорванный плащ. — Интересно устроены твои легенды, мальчик. Они вышивают свой опознавательный знак на подкладке одежды беглых сирот.

Стражник пнул плащ, и в свете факела Альтеус увидел то, что упустил в суматохе и отчаянии. На внутренней стороне воротника, у самого горла, тускло поблескивала изящная, почти стершаяся от времени вышивка - фамильный герб его дома: вздыбленный грифон на фоне восходящего солнца. Герб Арвенов.

Лорд-регент наклонился чуть ближе, и его шепот прозвучал как шипение змеи.

— Так кто ты, мальчик с гербом мертвого рода? Призрак? Самозванец? Или... чудом уцелевший щенок, которого мы все эти годы искали? Говори. Твое происхождение может быть как смертным приговором, так... и как ключом от этой двери. Все зависит от тебя.

Холод цепей и каменного пола вдруг показался Альтеусу меньшей из угроз. Взгляд Кассиана Грея был тяжелым и пристальным, словно буравящим душу. Сомнений не оставалось, этот человек не удовлетворится ложью. Но и правда, полная правда, могла оказаться для Альтеуса последним, что он произнесет. Он опустил голову, делая вид, что сломлен, давая себе секунду на раздумье. Голос Ким Док Хо, тихий и рациональный, шептал ему: «Выживание. Сейчас главное выживание. Они и так почти всё знают. Отрицать бесполезно». Он медленно поднял взгляд, встречая ледяные глаза регента.

— Щенок, — тихо, но четко произнес он, и в его голосе впервые зазвучала не притворная, а настоящая, выстраданная горечь. — Щенок, которого мать оттолкнула в пропасть, чтобы спасти. Больше мне нечем представиться. Мое имя... мое имя Альтеус фон Арвен.

В камере воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факелов. Кассиан не изменился в лице, лишь тонкая усмешка тронула уголки его губ. Он не выглядел удивленным. Скорее... удовлетворенным.

— Альтеус, — протянул он, словно пробуя имя на вкус. — Последний отпрыск славного рода. Десять лет весь мир считал тебя мертвым. И вот ты являешься из небытия, не постаревший ни на день. Любопытно. Крайне любопытно.

Он выпрямился, снова скрестив руки. — Твое появление, мальчик, это не ключ от двери. Это ключ к очень старому и очень опасному замку. Замку, который я много лет пытаюсь открыть. Твое герцогство, твои «бывшие земли», как выразился тот болван Артур, теперь гнездо демонов. И твое право по рождению, твоя кровь... — он многозначительно посмотрел на Альтеуса, — Могут быть тем самым инструментом, который позволит нам это гнездо уничтожить.

Кассиан сделал шаг назад, к выходу.

— У тебя есть выбор, щенок. Остаться здесь, в сырости и в темноте, как реликвия, о которой никто не узнает. Или... — он кивком указал на герб на плаще, — Надеть это снова. Стать не просто Альтеусом, а последним Арвеном. Оружием в моих руках. Оружием для мести.

Он повернулся, чтобы уйти, бросив на прощание:

— Подумай. Но долго не размышляй. У Сильверхейма, как и у тебя, не осталось времени на сомнения.

Дверь с грохотом захлопнулась, оставив Альтеуса в почти полной тьме. Он вновь остался наедине с цепями, холодом и невыносимой тяжестью выбора. Стать орудием в руках хищного регента? Или сгнить в заточении, унеся свою тайну в могилу? И где вообще в этом всем было место для него самого - не щенка, не призрака, а человека, который просто хотел вернуть свой дом?

Два дня Альтеус провел в каменном мешке, в крошечной тьме, если не считать узкую полоску света под дверью. Его кормили безвкусной баландой, и единственным его занятием были мысли. Мысли о мести, о родителях, о том, как жестоко обошлась с ним судьба. И чем дольше он думал, тем яснее становилось: Кассиан Грей не союзник. Он тюремщик, который просто меняет одну клетку на другую, более удобную. Стать его орудием? Нет. Это означало бы предать память отца, который никогда не склонил бы голову перед таким человеком. Когда дверь снова скрипнула, и в камеру вошел Кассиан в сопровождении двух стражников, Альтеус поднял на него взгляд. В его глазах не было ни страха, ни вызова - лишь пустота и покорность.

— Я согласен, — тихо сказал он, прежде чем регент успел что-либо произнести. — Я стану вашим орудием. Я хочу мести.

Кассиан изучал его несколько секунд, и Альтеус почувствовал, как тот пытается проникнуть в его душу. Но за годы жизни с двумя сознаниями он научился скрывать свои истинные мысли.

— Мудрое решение, — наконец произнес Кассиан, и на его лице появилось что-то похожее на улыбку, но до глаз она не дошла. — Через два дня тебя переведут в покои в верхней части цитадели. Ты получишь чистую одежду и еду. Мы начнем твою... подготовку.

Регент развернулся и ушел, оставив Альтеуса наедине с его мыслями. Как только дверь захлопнулась, в голове Альтеуса заработал холодный, безжалостный механизм, унаследованный от Ким Док Хо. «Покои в верхней части цитадели. Значит, окно. Возможно, даже выходящее не во внутренний двор, а наружу. Два дня... У них будет меньше бдительности, если я буду выглядеть сломленным и покорным». Он начал продумывать план, методично, как когда-то просчитывал сметы на стройке:

Изучение территории. Первое, что нужно сделать - запомнить каждый поворот, каждую лестницу, каждого стражника по пути в новые покои. Запомнить расписание смен караула, если получится.

Поиск слабых мест. Нужно будет осмотреть комнату. Простучать стены, проверить решетку на окне, если она есть. Оценить высоту. Прикинуть, во что можно превратить простыни или одежду.

Варианты отвлечения. Пожар? Нет, слишком рискованно и привлечет всеобщее внимание. Болезнь? Возможно, симулировать недомогание, чтобы вызвать лекаря и посмотреть, как устроена охрана снаружи.

4. Оружие. Нужно будет незаметно стащить что-то острое, например столовый нож, перо для письма, осколок от посуды. Все что угодно.

5. Цель. Куда бежать? Не в Сильверхейме прятаться, это будет ужасной ошибкой. Нужно пробираться на восток, к границе. В Проклятые равнины. Туда, куда никто не сунется. Туда, где когда-то был его дом.

Он сидел в темноте, и его лицо оставалось бесстрастным, но внутри все горело. Он не будет орудием Кассиана. Он будет его проблемой. Он сбежит. Он вернется на свои земли. И

тогда он сам решит, какую цену потребует с демонов, отнявших у него все. И, возможно, с теми, кто попытался воспользоваться его горем в своих целях.

4 ГЛАВА «СОЮЗ С ТЕНЬЮ»

Два дня пролетели в тумане покорности и молчаливого наблюдения. Альтеуса, как и обещал Кассиан, перевели в небольшую, но комфортную комнату в одной из башен цитадели. Окно, как он и надеялся, выходило на внешнюю стену и скалистый обрыв - не самый легкий путь, но дающий шанс. Теперь он стоял на залитом солнцем тренировочном плацу рыцарского павильона Сильверхейма. В руках - стальной тренировочный меч, ощутимо тяжелее деревянного. Перед ним - один из рыцарей-инструкторов, а вокруг, полукругом, стояли десятки других. Они не скрывали своих взглядов. Взглядов, полных холодного любопытства, откровенного презрения и насмешек. Они видели не последнего наследника славного рода. Они видели диковинку, щенка, вытасченного из темницы, который осмелился надеть их цвета.

— Давай, ваша светлость, — с притворной почтительностью бросил инструктор. — Покажите нам, как сражался род Арвенов.

Альтеус сделал выпад. Технически по стандартам рыцарей совершенно верный, вызубренный до автоматизма за годы мучительных тренировок с отцом. Но медленный. Лишенный мощи, инстинкта и ярости. Меч инструктора легко парировал удар, и ответный выпад плашмя прошёлся по бедру Альтеуса, заставив его вскрикнуть от боли.

— Слишком медленно! — рявкнул инструктор. — Ты дерешься, также как считаешь счета на уроке математики, мальчик! Где твой огонь? Где твой дух?

Из толпы донесся сдержанный смехок. Щеки Альтеуса запылали от стыда и гнева. Он снова бросился в атаку, пытаясь вложить в удар всю свою ярость, всю свою боль. Но это выглядело еще более неуклюже, неконтролируемый, почти детский взмах. Рыцарь отступил на шаг, и меч Альтеуса со свистом рассек воздух, едва не вырвавшись у него из рук.

— Хватит, — брезгливо сказал инструктор, опуская свой клинок. — На сегодня достаточно. Иди, отдохни. Твоим рукам нужен не меч, а прылка.

Сдавленный хохот прокатился по плацу. Альтеус, не поднимая глаз, бросил меч в стойку и, стараясь сохранить остатки достоинства, быстрыми шагами направился к выходу. Он чувствовал на себе их взгляды: тяжелые, унижительные, прожигающие его спину. В своей комнате он захлопнул дверь, прислонился к ней спиной и закрыл глаза, пытаясь заглушить гул унижения в ушах. И тогда, сквозь годы и боль, до него донесся тихий, ясный голос. «Ваша светлость... Тихо, все хорошо... Все наладится. Я уверена. Вы умнее всех учителей вместе взятых! И я верю, что ваш талант еще проснется... Вы просто должны дать себе время». Элис. Ее слова, полные безоговорочной веры и тепла, стали таким резким контрастом с ледяным презрением, которое он видел сегодня. Ей было все равно, держит он меч или нет. Она верила в него. В его ум, в его упорство, в его сердце. Он понял, как жестоко ему этого не хватает. Хотя бы одного взгляда, в котором он был бы не неудачливым наследником, не орудием, не диковинкой, а просто... Альтеусом. Человеком, который пытается выжить и найти свой путь в мире, который от него только и ждет, что он опозорит свое имя. Он подошел к окну, глядя на уходящие вдаль горы, в сторону Проклятых равнин. Побег был необходим. Но не только для мести. Он бежал от всего этого. От насмешек, от чужих ожиданий, от роли, которую на него взвалили. Ему нужно было место, где его не будут судить по умению владения мечом. Где он сможет быть тем, кем он был на самом деле: умным, упрямым и бесконечно уставшим человеком с тяжелой ношей в сердце и странной тайной о прошлом. И, возможно, найти свой собственный, настоящий талант. Тот, о котором говорила Элис. Стена унижения и горечи внутри него рухнула не со слезами, а с ледяным, оголенным треском. Он стряхнул с себя грусть, как стряхивают пыль с плаща. Этому месту, этим людям не было дела до его чувств. Здесь ценилась только сила, и раз уж он не мог продемонстрировать ее клинком, он должен был проявить ее хитростью и волей. Он запер дверь и подошел к столу, где лежали поданные ему пергамент и чернила для

составления отчетов о «прогрессе», как насмешливо пояснил слуга. Теперь это станет его чертежным инструментом. План «Призрак», мысленно обозначил он операцию. Цель: Незаметно покинуть цитадель Сильверхейма и уйти в Проклятые равнины. Срок: В ближайшие дни. Он начал набрасывать схему, полагаясь на свою феноменальную память, запечатлевшую каждый поворот коридоров, каждую лестницу: Маршрут. Из покоев - вниз по Западной лестнице, мимо часовни. В час смены караула там почти безлюдно. Затем через заброшенную оружейную, где решетка на окне давно проржавела. Оттуда на узкий карниз внешней стены и вниз, по веревке, сплетенной из простыней и пологов кровати. Снаряжение. Еда (он будет припрятывать понемногу от ужинов). Вода (бурдюк можно украсть из столовой). Теплый плащ. И оружие. Не меч, он его не унесет. Но столовый нож, спрятанный в складках одежды, мог сослужить ему службу. Маскировка. Он не мог уйти в дорогих одеждах, выданных Кассианом. Нужно было раздобыть что-то простое, потертое - одежду слуги или солдата. План обретал форму, но в нем была одна огромная слабость, как незаметно покинуть хорошо охраняемый город? Его образ, пусть и презираемый, был теперь известен многим. И тут, словно в ответ на его безмолвный вопрос, в дверь постучали. Вошел тот же слуга.

— Ваша светлость, лорд-регент приказал сообщить вам о готовящейся экспедиции. Через три дня вы будете приписаны к одному из наших лучших отрядов. Вам выпала честь участвовать в зачистке Священных ковенантов.

Альтеус поднял голову, сохраняя маску безразличия, но внутри все замерло. Священные ковенанты. Древнее, полуразрушенное подземелье в предгорьях, недалеко от границы с Проклятыми равнинами. Говорилось, там хранились могущественные артефакты времен самых Первых королей. Цель - добыть реликвии, которые помогут укрепить оборону в битве Сильверхеймом,

— Это ваш шанс проявить себя, ваша светлость.

Слуга удалился. Альтеус медленно свернул свой чертеж. Его пальцы дрожали, но не от страха, а от ликования. Это был не шанс проявить себя. Это был идеальный шанс сбежать. Зачистка подземелья дело опасное и хаотичное. Люди гибнут, теряются, пропадают без вести. В подземных лабиринтах легко отстать от отряда. А если выбраться из выхода, отличающегося от входа... можно оказаться совсем в другом месте. Он больше не будет плести веревки из простыней. Он уйдет с официальной экспедицией. И он не вернется. Теперь его план обрел завершенность. Он знал, что делать. Осталось лишь дожидаться момента, запастись терпением и сыграть свою роль покорного орудия до самого конца. До того самого мгновения, когда он растворится в тенях древних руин, чтобы начать свою настоящую войну. Спустя мгновение Альтеус замер у стола, сердце на мгновение ушло в пятки, раздался столь приглушенный стук в дверь в покои Альтеуса. Альтеус повернулся и увидел... В дверях стояла женщина. Высокая, стройная, закутанная в плащ из темно-серой, переливающейся ткани, капюшон которого отбрасывал глубокую тень на ее лицо. Но даже в полумраке комнаты он чувствовал ее взгляд - пронзительный, знающий, словно видящий его насквозь. От нее исходила аура спокойной, и также что-то словно древнейшей силы, отличной от грубой магии лекарей или воинственных чар боевых магов. Она вошла без приглашения, и дверь бесшумно закрылась за ней, будто сама захлопнулась. Ее движения были плавными и бесшумными, как течение глубокой реки.

— Меня зовут Моргана, — произнесла она. Ее голос был низким, мелодичным, и в нем звучали отголоски множества прожитых лет. — И я не враг тебе, Альтеус фон Арвен. Хотя у тебя есть все основания не доверять незнакомцам в этих стенах. Она сделала паузу, дав ему осмыслить ее слова. — Я то, что в ваших летописях называют ведьмой высочайшего уровня. Хранительница знаний, что старше этих стен. И я знаю, что ты задумал. Твой план побега... он висит на тебе, как туман. Я вижу его очертания.

Альтеус инстинктивно отступил назад на один шаг, его рука сжалась в кулак. Предать? Убить свидетеля? Но сама ее осанка, ее безмятежность говорили о том, что это бесполезно.

— Не бойся, — Моргана мягко покачала головой, и капюшон слегка сдвинулся, открыв часть лица с высокими скулами и губами, тронутыми легкой улыбкой. — Я не слуга Кассиана. Его цели... мелки и сиюминутны. Я не стану выдавать тебя. Напротив. Я предлагаю свою помощь.

Она подошла ближе, и от нее пахло ароматом сушеных трав, старого пергамента и далеких звезд.

— Ты прав, пытаюсь бежать, мальчик. Сильнее, чем ты сам понимаешь. Судьба твоя связана не с тронем Сильверхейма, а с чем-то куда более древним и важным. Твое пробуждение после десяти лет... это не случайность. И твое путешествие в Ковенанты, это не просто побег. Это необходимость. Она остановилась перед ним, и ее пронзительный взгляд, казалось, заглядывал в самую душу, туда, где жили воспоминания о Ким Док Хо, о боли потери, о тихом обещании, данном у могилы Юрико. — Я дам тебе то, что поможет тебе выжить там, внизу, и найти то, что ты ищешь. И то, что ищет тебя. Но помни, твой путь будет опасен. И выбор, который ты сделаешь в темноте, определит судьбу не только твою, но и многих других. Готов ли ты принять мою помощь, Призрак Арвенхельма?

Альтеус молчал несколько томительных секунд, его разум лихорадочно работал. Помощь? От незнакомки, которая называла себя ведьмой и читала его мысли как раскрытый свиток? Это пахло ловушкой, куда более изощренной, чем грубая сила Кассиана.

— Почему я должен тебе доверять? — наконец произнес он, и его голос прозвучал резко. — Ты говоришь красивые слова о судьбе и необходимости. Кассиан тоже говорил о «великой цели». Все хотят мной воспользоваться. Чем ты от них отличаешься?

Моргана не оскорбилась. Ее улыбка стала чуть шире, но в глазах не появилось тепла, лишь бездонная глубина знания.

— Кассиан видит в тебе ключ к земле и власти. Я же вижу в тебе нечто иное, — ее взгляд стал пристальным, будто она рассматривала не его лицо, а невидимую нить, связывающую его с чем-то далеким. — Я вижу в тебе отголосок иной песни. Песни мира без магии, где люди возводили каменные глыбы без чар, силой лишь разума и рук. Где жизнь измерялась не подвидами, а тихим трудом и верностью одному сердцу. Где старик по имени Ким Док Хо тосковал о земле предков, которую так и не увидел.

Альтеус отшатнулся, будто получив удар. Никто, никто не мог знать этого. Эти воспоминания были святыней, запертой в самой глубине его существа. Сердце бешено заколотилось в груди, а в висках застучала кровь.

— Молчи... — прошипел он, бледнея.

— Это не угроза, дитя, — мягко сказала Моргана. — Это - доказательство. Я вижу не только твои планы, но и твою душу. Обе. И я говорю тебе: твое возвращение не было случайностью. Ты здесь, потому что должен быть здесь. И то, что ждет тебя в Священных Ковенантах... это часть твоего пути. — Она сделала шаг вперед, понизив голос до шепота, полного тайны. — В глубинах подземелья, за плачущим водопадом из звездной пыли, ты найдешь того, кто ждет. Не человека. Существо, забытое временем. Оно не будет похоже на союзника. Оно может быть опасно. Но ты должен взять его с собой. Только с ним ты сможешь не просто сбежать, а выжить и продолжить свой путь. Оно - твой проводник в мире, что лежит между проклятыми равнинами.

Альтеус смотрел на нее, в его душе бушевала война. Разум кричал о ловушке, о безумии, довериться ведьме и искать в подземелье какое-то существо? Но интуиция, тот самый внутренний голос, что когда-то помогал Ким Док Хо принимать верные решения, шептал, что она говорит правду. Правду, которая была страшнее любой лжи.

— Почему? — выдохнул он. — Почему я должен это сделать? — Потому что оно, как и ты, потеряло свой дом, — взгляд Морганы стал пронзительным. — И потому что тьма, что поглотила Арвенхельм, не дремлет. Она растет. И чтобы сразиться с ней, тебе понадобятся

союзники, которых не найти в людских королевствах. Выбор за тобой, Альтеус. Иди один и, возможно, погибнешь. Или доверься древнему знанию и обрети шанс.

С этими словами Моргана развернулась, и её плащ бесшумно взметнулся. Она вышла из комнаты так же незаметно, как и появилась, оставив за собой лишь лёгкий шлейф аромата сушёных трав и звонкую тишину, в которой гудели её последние слова. Дверь закрылась. Альтеус медленно опустился на стул у стола, чувствуя, как почва уходит у него из-под ног. Весь его тщательно выстроенный план, всё его железное решение бежать в одиночку, всё это было перевернуто с ног на голову за несколько минут. Он сидел, уставившись в пустоту, мысленно возвращаясь к каждому её слову. «Песни мира без магии... старик по имени Ким Док Хо...» Она знала. Она действительно знала. Это было не колдовское чтение мыслей, это было... видение самой сути его души. Значит, всё остальное тоже могло быть правдой. «Ты должен взять его с собой. Оно - твой проводник...» Кого? Что это за существо? Демон? Древний дух? Оно «опасно» и «не похоже на союзника». Довериться чему-то такому в кромешной тьме подземелья? Это звучало как абсолютное безумие. «Тьма, что поглотила Арвенхельм, растёт...» Эти слова отозвались в нём глухим эхом. Он думал, что месть - это его личное дело. Но если Моргана права, то его личная битва была частью чего-то большего. И его бегство ради выживания могло обернуться бегством от куда более страшной угрозы. Он сжал кулаки. Сбежать в одиночку - был чистый, простой план. Опасный, но прямой. Принять помощь ведьмы и искать таинственного «проводника» - это был прыжок в неизвестность. Он ненавидел неизвестность. Его жизнь Ким Док Хо научила его полагаться на логику, на расчёт, на то, что можно пощупать руками. Но его жизнь Ким Док Хо также закончилась тихой смертью вдали от родины, с чувством невыполненного долга. Может быть, иногда нужно довериться чему-то большему, чем собственному расчёту? Он встал и подошёл к окну. Где-то там, вдали, за горами, лежали руины его дома. А через три дня он спустится в тёмные глубины, где ему предстояло сделать выбор. Он не знал, верить ли Моргане. Но он понял одну вещь. Его побег, это не просто бегство от Сильверхейма. Это было движение к чему-то. К мести. К правде. К своему предназначению. И если на этом пути ему встретится странная союзница и ещё более странный попутчик... что ж, возможно, одиночество - это не сила, а слабость. Он глубоко вздохнул. План менялся. Цель оставалась прежней. Но теперь путь к ней приобрёл новые, пугающие и загадочные очертания. И первый шаг по этому пути он сделает в Священных Ковенантах, за Плачущим водопадом из звездной пыли. Спустя два дня небольшой отряд выступил из ворот Сильверхейма. Впереди закаленные ветераны в сияющих доспехах с гербом серебряного сокола. В центре несколько магов в практичных серых одеждах, чьи взгляды были полны спокойного превосходства. И замыкал шествие Альтеус, чувствуя себя чужим на этом празднике жизни.

— Смотрите, наша талисман! — кто-то громко бросил, не скрывая насмешки. — Герцог-неудачник, идущий за артефактами. Надеюсь, ты хотя бы нести наш провиант сможешь? — Осторожнее, он же может поранить себя собственным мечом! — подхватил другой, и по строю прокатился сдержанный хохот.

Альтеус шел, уставившись в спину впереди идущего солдата. Он не реагировал. Их слова были как жужжание мух - раздражающее, но не способное причинить настоящей боли. Вся его воля, все его внимание были сконцентрированы на предстоящем. Он мысленно повторял карту местности, которую успел изучить, и план, который теперь был перечеркнут словами Морганы. «За Плачущим водопадом из звездной пыли...» - эта фраза звучала в его голове, заглушая насмешки. Что это могло значить? Звездная пыль в подземелье? Магия? Иллюзия? И кто этот «незнакомец»? Демон, заключенный в ловушку? Древний дух хранитель? Или нечто, чему нет имени в языке людей? Он ловил на себе взгляды магов. Их презрение было иного рода, не грубым, а интеллектуальным. Они видели в нем пустое место, лишённое дара, и их оскорбляло само его присутствие в такой миссии. Альтеус встречал их взгляды спокойно, и за этой внешней невозмутимостью скрывалась тяжелая работа, подавить в себе гнев и унижение,

превратив их в холодное топливо для предстоящего испытания. С каждой милей, отделявшей их от Сильверхейма, он чувствовал, как петля ослабевает. Но вместо радости его охватывала тревога. Он бежал не на свободу, а в неизвестность, навстречу загадке, которую ему загадала ведьма. И от того, сможет ли он разгадать ее, зависела не только его свобода, но, если верить Моргане, нечто неизмеримо большее. Он мысленно проверил скрытый карман своего походного плаща. Там лежал столовый нож и несколько сухарей, скромный, но все таки запас какой-то. И самое главное знание, что он не просто беглец. Он - искатель. И его цель ждала его в темноте. Священные Ковенанты встретили их гнетущей тишиной, пахнувшей пылью веков, влажным камнем и тлением. Воздух был неподвижным и тяжелым. Факелы выхватывали из мрака обвалившиеся своды, покрытые странными, потускневшими фресками, и груды костей, которые порой неестественно шевелились, с треском складываясь в скелеты с затуманенным взглядом. Альтеус, держась на почтительном расстоянии от основных бойцов, наблюдал. Рыцари с грохотом раскалывали черепа нежити, маги сжигали кислых слизней снопами пламени. Он же был лишь зрителем, его меч так и не был обнажен. Его присутствие здесь было формальностью, и все это понимали. Но его разум работал без устали. Он запоминал каждый поворот, каждую комнату, каждую трещину в стене. И чем глубже они продвигались, тем сильнее его охватывало странное чувство. Эти коридоры, этот зловещий, но величественный стиль архитектуры... это напоминало ему не склеп и не храм, а нечто иное. И вот они вошли в обширный, круглый зал. Высокий купол был скрыт во тьме, но по стенам шли ряды каменных сидений, словно для зрителей. В центре ровная и огромная каменная плита, отполированная до блеска. Это была арена. Сразу это заметил Альтеус. И тогда его взгляд упал на массивную, зарешеченную нишу в стене, похожую на клетку. Внутри, в глубокой тени, шевелилось что-то большое. Он не мог разглядеть деталей, лишь смутный, черный силуэт, который ритмично раскачивался, словно маятник. От него веяло такой древней, животной скорбью, что по спине Альтеуса пробежали мурашки. «Оно...» - мелькнула у него мысль, и сердце заколотилось. «Тот, кого я должен найти?»

— Эй, смотрите, зверинец! — крикнул один из рыцарей, указывая мечом на клетку. — Может, это наш главный приз?

Но у Альтеуса все сжалось внутри. Что-то было не так. Слишком театрально. Слишком... всё подготовленно. И в этот момент воздух на арене загудел. Свет факелов померк, погас, а затем из самого центра каменной плиты вырвался столб ослепительного лилового света. Магические руны вспыхнули на полу, сплетаясь в сложную, зловещую печать призыва.

— СТОЯТЬ! УСПОКОЙТЕСЬ! — закричал старший маг, но было уже поздно. Из центра светящейся печати с оглушительным ревом, от которого задрожали стены, начал подниматься исполин. Крупный, покрытый грубой шерстью, мощные ноги с раздвоенными копытами, и огромная, бычья голова с горящими алыми огненными глазами. Из его ноздрей вырывался пар. В руке он сжимал гигантский, искривленный лабрис, от одного вида которого стыла кровь. Минотавр! Но не из легенд - этот был чудовищем во плоти. Его рост был шесть, если не все восемь метров. Он заполнил собой половину арены. Его багровый взгляд скользнул по перепуганным людям, и он издал новый рев - не ярости, а торжества. Охота начиналась. И в этот миг Альтеус, отступая к стене, бросил взгляд на ту самую клетку. И ему показалось, что черный силуэт внутри замер, а из темноты на него уставились два узких, холодных точки света. Хаос. Крики, звон стали, оглушительный рёв минотавра и треск ломающихся костей под его лабрисом. Рыцари, ещё несколько минут назад насмехавшиеся над Альтеусом, теперь метались по арене, пытаясь хоть как-то противостоять исполину. Их мечи с противным скрежетом отскакивали от его толстой шкуры, оставляя лишь царапины. Маги, пытавшиеся сотворить заклинания, вынуждены были постоянно уворачиваться от летящих в них обломков камней и тел своих товарищей. Альтеус в это время прижался к холодной стене, сердце бешено колотилось. Страх сжимал горло, но разум, отточенный в бесконечных тренировках и отягощённый муд-

ростью прошлой жизни, работал с ледяной ясностью. Довериться им - значит умереть. Они не справятся. Его взгляд снова метнулся к зарешечённой нише. И снова он поймал этот пристальный взгляд из темноты. Две холодные точки, словно звёзды в ночи, были направлены прямо на него. Не на минотавра, не на битву, а на него. «Оно наблюдает. Оно ждёт». Мысли пронеслись вихрем. Слова Морганы: «Ты должен взять его с собой». Этот взгляд не случайность. Это был расчёт. Испытание? Или предложение? Минотавр с грохотом опустил свой топор, и ещё один рыцарь рассыпался кровавым фонтаном. Крики магов стали отчаянными. Они проигрывают. Скоро чудовище перебьёт их всех. Решение пришло мгновенно, рождённое отчаянием и интуицией. Он не может сражаться с минотавром. Но он может использовать хаос. План был безумен. Но другого выбора не было. Пригнувшись, он рванулся вдоль стены, петляя между разлетающимися осколками камней. Его цель был не выход из зала, он был слишком далеко. Его цель была клетка. Он не знал, что там. Демон, дух, чудовище. Но это была единственная неизвестная величина в этом уравнении смерти. И он был готов впустить её в игру. Адреналин затуманил сознание, но инстинкт выживания и острый взгляд Ким Док Хо, годами выискивавшего слабые места в строительных конструкциях, взяли верх. Альтеус замер за обломком колонны, его взгляд приковался к минотавру. Он заметил деталь. Каждый раз, когда один из магов посылал в чудовище сгусток пламени, исполин не просто отшатывался, он яростно защищал морду и шею, особенно густую гриву, свисающую с его бычьей головы. Пламя не пробивало шкуру, но явно причиняло ему дискомфорт, заставляя терять темп. Огонь был ключом. Но того слабого, контролируемого пламени, что извергали маги, было катастрофически недостаточно. Нужен был настоящий пожар. «Слабый огонь... слабый...» — мысль билась, как бабочка об стекло. И тут его взгляд упал не на магов, а на разбросанные по арене факелы, выроненные паникующими солдатами. Один из них лежал в луже чего-то тёмного и маслянистого, возможно, выплеснувшейся из светильников жидкости или природной смолы, просочившейся из трещин в камне. Идея ударила, как молния. Примитивная, грубая, но потенциально действенная. Нужно создать мощный, неконтролируемый источник огня. Он окинул взглядом зал, мозг работал на пределе: Топливо. Таких маслянистых луж было несколько. Нужно собрать их в одно место, под ноги чудовищу. Чем? Провокация. Нужно заставить минотавра оставаться на месте, пока огонь делает свою работу. Осуществление. Бросить в образовавшуюся огненную ловушку факел. Это была задача на выживание, а не на героизм. И для её решения не нужен был магический дар или феноменальное мастерство владения мечом. Нужны были хитрость, расчёт и холодная голова. Его взгляд снова скользнул в сторону клетки. Тот, кто там сидел, всё так же наблюдал. Возможно, этот план был безумием. Но это было его безумие. Его первый самостоятельный шаг в этом новом, жестоком мире. Шаг не мечника, не мага, а выживальщика. Он глубоко вдохнул, сжимая в потной ладони рукоять своего меча, не как оружие, а как инструмент, который, возможно, придётся использовать совсем не для битвы. Мысль оформилась в мгновение ока - чёткий, отчаянный план. Альтеус рванулся с места, забыв о страхе. Он не был воином, но сейчас ему нужна была скорость и ловкость. Он пригнулся, промчался мимо отчаянно сражающихся магов и рыцарей, привлекая внимание минотавра лишь на секунду - ровно настолько, чтобы чудовище с презрительным рёвом отбросило в его сторону окровавленный труп одного из стражей. Приземлившись рядом, Альтеус действовал быстро. Его пальцы дрожали, но движения были точными. Он сорвал с пояса убитого кожаную флягу и небольшой мешочек для провианта. Не думая, он опрокинул содержимое фляги на себя - тёмная, маслянистая жидкость, пахнувшая смолой и жиром, разлилась по его накидке. Затем он набил мешок всем, что мог найти: обрывками одежды, порох, сухим мхом, свившимся у стены, создавая примитивный, но эффективный фитиль. Схватив валявшийся неподалёку лук и единственную стрелу, он подкатился к горящему факелу. Времени не было от слова совсем. Минотавр, развернувшись, уже делал в его сторону новый мощный шаг.

— Эй, урод! — крикнул Альтеус, вставая во весь рост и размахивая пропитанной маслом накидкой. — Я здесь

Он изо всех сил швырнул мешок-фитиль прямо в грудь исполину. Тот глухо ударился о толстую кожу и застрял в складках гривы на его могучей груди. Минотавр на мгновение замер, озадаченный этим жестом, а затем с новым рёвом ярости поднял свой лабрис. В этот момент Альтеус, не дыша, приложил к тетиве стрелу, коснулся её наконечником пламени факела - и выпустил стрелу. Горящая стрела описала короткую дугу и вонзилась прямо в мешок на груди чудовища. На мгновение ничего не произошло. А потом раздался глухой хлопок, и мешок вспыхнул яростным, жирным пламенем. Огонь мгновенно перекинулся на пропитанную маслом гриву и кожу. Липкое, обжигающее пламя стало быстро расползаться по шее и плечам минотавра. Раздался не рев ярости, а оглушительный, пронзительный вопль боли и ужаса. Чудовище затопталось на месте, сдирая с себя клочья горячей шерсти, ослеплённое дымом и агонией. Это был не смертельный удар. Но это была пауза. Несколько драгоценных секунд, купленных не силой, а хитростью. И Альтеус уже поворачивался, чтобы бежать не к выходу, а к той самой клетке, откуда на него всё это время смотрели два холодных огонька. Хаос, крики и животный рёв горящего минотавра остались позади, словно приглушённые густым занавесом. Весь мир для Альтеуса сузился до этой зарешечённой ниши в стене. Он подбежал к ней, его дыхание срывалось, а в руке дрожал факел, отбрасывающий прыгающие тени на холодные прутья. Он поднял факел выше, пытаясь разглядеть того, кто скрывался внутри. Пламя выхватило из мрака сначала контуры - изогнутые, покрытые чем-то тёмным и грубым, словно потрескавшаяся от времени каменная порода. Затем он увидел огромную, змеиную шею, сложенные могучие крылья, цепкие когти, впившиеся в каменный пол. И тогда тень шевельнулась. Два узких, вертикальных зрачка, отливавших жидким золотом, медленно открылись и уставились на него. Они были не звериной ярости, а древнего, безмерного интеллекта и... скуки. Скуки, длящейся веками. Силуэт дрогнул, исказился, словно мираж на раскалённом воздухе. Тёмная, чешуйчатая форма, которую он принял за нечто иное, распалась, и перед Альтеусом предстало истинное существо. Оно было меньше, чем он ожидал, размером как замок Мацумото, но в каждом его мускуле, в изгибе длинного хвоста и в острых шипах на спине читалась стремительная, смертоносная грация. Это был дракон. Не исполин из легенд, а нечто более юное, но от того не менее величественное. Его чешуя отливала цветом воронёной стали, а по краям пасти тлели крошечные искры. Они смотрели друг на друга. Юноша, чья жизнь висела на волоске, и древнее существо, заточенное в каменную темницу. «Освободить дракона? Это безумие!» - кричал в нём голос разума. Драконы были символами абсолютного разрушения, существами, перед мощью которых меркли даже демоны. Но тут сзади раздался новый, на этот раз не вопль боли, а полный сметающей ярости рёв. Минотавр, сбив с себя остатки пламени, поднялся. Его кожа была обуглена, один глаз затянулся плёнкой, но ярость в оставшемся горела с новой силой. Его взгляд, полный ненависти, нашёл Альтеуса у клетки. Времени на раздумья не было. Довериться предсказанию ведьмы или положиться на «милость» разъярённого минотавра? Решение пришло мгновенно. Он не выбирал между опасностью и безопасностью. Он выбирал, кому доверить свою жизнь, слепой ярости или древнему, испытующему разуму. Альтеус встретился взглядом с золотыми зрачками дракона.

— Моргана прислала меня! — выкрикнул он, не зная, поймёт ли он. — Я освобожу тебя!

Его взгляд метнулся к массивному замку на решётке. Он был огромным, явно закалённым магией. Но прямо над ним, в камне, зияла глубокая трещина. Альтеус вонзил клинок своего меча в щель и, налегая на него всем весом, попытался использовать его как рычаг. Камень с хрустом поддался, но замок не двигался. За его спиной тяжёлые шаги минотавра уже гремели по каменным плитам, приближаясь. Отчаянное усилие, и камень вокруг замка с грохотом поддался. Магическая печать на решётке вспыхнула ослепительным светом и погасла с шипением, словно раскалённый металл, опущенный в воду. Массивная дверь клетки с оглу-

шительным лязгом отскочила внутрь. На мгновение воцарилась тишина. Затем из клетки раздался низкий, вибрирующий рык, от которого по телу Альтеуса пробежали мурашки. Дракон медленно, величаво вышел на свободу. Он потянулся, расправив кожаные крылья, и лёгкий щелчок костей прозвучал громче, чем любой крик. Его стальная чешуя, казалось, впитывала свет факелов, делая его живой тенью. Его золотистые зрачки скользнули по Альтеусу, быстрый, оценивающий взгляд, полный бездонного интеллекта. Затем он повернул голову к минотавру. Исполин, уже занёсший свой лабрис для последнего удара, замер, встретившись взглядом с древним хищником. В его горящем глазу промелькнуло нечто новое, не ярость, а первобытный страх. Дракон не стал разгоняться. Он просто открыл пасть. Не с ревом, а с тихим шипением, словно раскалённый металл. И из его глотки вырвался не просто огонь, а сконцентрированный поток бело-алого пламени, свистящий и разрезающий воздух. Струя ударила в минотавра, и не было ни взрыва, ни грохота. Был лишь ужасающий звук - шипение испаряющейся плоти и треск плавящейся кости. За считанные секунды от восьмиметрового исполина осталась лишь дымящаяся, оплавленная грудa на каменном полу. Пламя погасло. Дракон закрыл пасть и снова повернулся к Альтеусу. Тишина, наступившая после рёва и шипения, была оглушительной. Альтеус стоял, не в силах пошевелиться, впечатанный в пол ужасом и благоговением перед этой чистой, безразличной силой. Дракон не улетел. Он наблюдал. Его взгляд был тяжёлым и вопрошающим. «Что теперь? Он свободен. Зачем ему я?» Мысли метались. Как говорить с таким существом? Убеждать? Умолять? Он вспомнил слова Морганы. «Он - твой проводник». Но как заставить проводника вести тебя? Альтеус сделал шаг вперёд, его голос дрогнул, но он заставил себя говорить чётко, глядя в эти золотые глаза.

— Та, что послала меня... Моргана... — начал он, — сказала, что наш путь должен быть общим. Я ищу дорогу... за Проклятые равнины. К руинам Арвенхельма. — Он не знал, поймёт ли дракон его речь, но вкладывал в слова всю свою искренность. — Мне нужен проводник. А тебе... — он осмелился жестом указать на опустевшую клетку, — наверное, надоело это место.

Дракон не двигался. Лишь его зрачки чуть сузились. Казалось, он не просто слушал звуки, а слышал сам смысл, читал намерения в душе Альтеуса. Прошла вечность. Затем дракон медленно, почти по-кошачьи, склонил свою могучую голову, указывая на свою спину. Это был не звук. Не слово. Альтеус замер, его рука уже была протянута, чтобы коснуться чешуи, когда в его сознании, словно тихий, глубокий колокол, прозвучал Голос. Это были не слова, а чистые концепции, смыслы, рождавшиеся прямо в его разуме. «Маленький двухдушный. Кто ты? Откуда пришёл?» Альтеус вздрогнул, отшатнувшись. Он посмотрел в золотые зрачки дракона, в которых отражалось его собственное, поражённое лицо.

— Дв... двухдушный? — прошептал он, понимая, что мысленный ответ не нужен. Существо видело его насквозь. — Я... Альтеус. Последний из Арвенов. А до этого... я был другим. Жил в мире без магии и драконов.

Он чувствовал, как безмолвное внимание дракона становится острее, подобно отточенному лезвию. «В тебе нет силы клинка. Нет силы магии. Но есть сила Воли, что разорвала магические оковы. И сила Памяти, что тяжелее гранита. Это... необычно. Ты пахнешь иначе. Иным временем, иным небом.» Мысленный голос затих на мгновение, будто оценивая. «Логово Крылатой (так дракон мысленно обозначил Моргану) права.

— Твой путь... представляет интерес. Я последую за тобой, двухдушный.

Облегчение волной накатило на Альтеуса, но тут же последовала новая концепция, простая и непреложная, как закон природы. «Но для пути нужно Имя. Дай мне его.» Имя. Не кличка, не обозначение. Имя - это суть, сила, договор. Альтеус понимал это на уровне инстинкта. Оно должно быть достойным. Оно должно отражать то, что он увидел - не слепую ярость, а сконцентрированную, почти божественную мощь. Белое пламя, что не сжигает, а испепеляет. Созидательный огонь солнца и разрушительный жар звезды. И тогда из глубин его памяти, из мира Ким Док Хо, всплыл образ. Богиня, рождённая из левого ока бога Идзанаги,

повелительница солнца и прародительница японских императоров. Существо света, жизни и верховной власти. Он выпрямился и посмотрел дракону прямо в глаза, вкладывая в мысленный ответ всё своё уважение и подобранный смысл.

— Амата́расу! Твоё имя - Амата́расу. Владычица Солнечного Света, чей огонь рождает жизнь и испепеляет тьму.

Наступила тишина. Дракон, чья чешуя была цвета воронёной стали, замер. Казалось, сама вселенная прислушалась к этому имени. Затем из его груди вырвался низкий, одобрителный гул, больше похожий на отдалённый раскат грома. «Амата́расу...» - мысль дракона обвела это имя, словно пробуя его, ощущая его грани. «...Принято.». Он снова склонил голову, и на этот раз в его позе было не просто предложение, а признание. Союз был скреплён. Не силой, не магией, а именем, данным человеком с двумя душами из мира, где драконы были лишь мифами.

5 ГЛАВА «Имя и Договор»

Эхо имени «Аматэрасу» ещё витало в воздухе, когда тело дракона окуталось ослепительным золотистым сиянием. Свет был настолько ярким, что Альтеусу пришлось зажмуриться. Он чувствовал, как воздух сгущается, наполняясь древней, непостижимой силой, и слышал тихий, похожий на перезвон хрусталя, шелест. Когда свет рассеялся, на месте исполинского существа стояла женщина. Она была высока и статна, с волосами цвета расплавленной меди, собранными в строгую, но изящную причёску. Её лицо с высокими скулами и властным подбородком могло бы принадлежать суровой королеве или директрисе престижной компании. Глаза, однако, остались прежними - золотистыми, с вертикальными зрачками, горящими холодным, жаждущим огнём. Она была облачена в одеяния, напоминавшие доспехи из чёрной кожи и полированной стали, которые лишь подчёркивали её пышную грудь и стройную, но мощную фигуру.

— Итак, — её голос был низким, мелодичным, но в нём чувствовалась сталь. Он вибрировал в самой кости, как отдалённый рокот драконьего рыка. — Ты дал мне Имя. Имя, что резонирует с силой, дремавшей во мне тысячелетия. «Владычица Солнечного Света»... Интересный выбор, двухдушный.

Она сделала шаг вперёд, и её золотистый взгляд принялся изучать Альтеуса с таким жадным, не скрываемым интересом, что тому стало не по себе.

— Кто ты, в чьей душе сплетаются нити двух столь разных судеб? Мир без магии... Звучит как сказка для младенцев. И всё же, я чувствую его отголосок в тебе. Откуда ты пришёл? Что за сила позволила тебе, лишённому дара, вырваться из объятий смерти и пробудить меня?

Вопросы сыпались, как искры из её пасти. Альтеус, всё ещё потрясённый трансформацией, поднял руку, пытаясь остановить этот поток.

— Я... расскажу тебе всё, — сказал он, заставляя свой голос звучать твёрже. — Но не здесь и не сейчас. — Он кивком указал на дымящиеся останки минотавра и на звуки приближающихся голосов, выжившие рыцари, должно быть, опомнились. — Сначала мне нужно понять суть нашего... контракта. Ты сказала, что последуешь за мной. На каких условиях? Что это значит?

Аматэрасу слегка склонила голову набок, и на её идеальных губах дрогнуло подобие улыбки. В ней не было тепла, лишь интеллектуальное любопытство.

— Прямолинейно. Хорошо. Контракт прост. Ты дал мне Имя, пробудив мою истинную природу. Я, в свою очередь, стану твоим Щитом и Пламенем на твоём пути. Я поведу тебя через земли, что не прощают слабости. Я буду жечь твоих врагов.

— Её глаза сверкнули. — А ты... ты откроешь мне доступ к знанию, что носишь в себе. К памяти о том ином мире. Ко всей истории твоей двухдушной сущности. Ты моё окно в реальность, о которой я не подозревала. Это плата. Ты доволен условиями, Альтеус фон Арвен?

— Я согласен, — быстро ответил Альтеус, чувствуя, как время истекает. Шаги и крики рыцарей становились всё отчётливее. — Но сначала нам нужно уйти отсюда. Сейчас!

Аматэрасу подняла бровь, её золотистые глаза выражали лёгкое недоумение.

— Уйти? — мысленно прозвучал её голос, полный искреннего непонимания. — Зачем усложнять? Мы можем просто убить их всех и выйти тем путём, которым ты вошёл. Это быстро. Эффективно.

Альтеус сжал кулаки. Эта мысль, такая простая и логичная с точки зрения хищника, вызвала у него спазм в желудке. Убить людей? Даже этих надменных солдат, которые презирали его? Это была не самозащита, а холодная резня.

— Нет, — твёрдо сказал он. — Я не стану убивать без крайней необходимости.

На этот раз удивление в глазах Аматэрасу сменилось холодным любопытством.

— Сентиментальность? Как нерационально. Но пусть будет по-твоему, — она пожала плечами, и этот человеческий жест выглядел странно на её властной фигуре. — Однако, прежде чем мы «убежим», неужели ты не хочешь забрать то, зачем все они сюда пришли?

Она обвела взглядом зал, указывая на груды камней в дальнем конце, откуда исходило слабое, но настойчивое магическое свечение.

— Артефакты. Сокровища. Власть. Всё это пылится здесь. Наш путь будет долгим и опасным. Разве не благоразумно взять то, что может нам помочь? Оружие против тьмы, что поглотила твой дом? Или... — её взгляд стал пронзительным, — ты боишься силы, маленький двухдушный?

Её слова попали точно в цель. Рациональная часть его разума, голос Ким Док Хо, который всегда искал практическую выгоду, тут же согласился. «Она права. Сокровища могут дать нам преимущество. Глупо уходить с пустыми руками». Но другая часть, Альтеус-ребёнок, воспитанный на кодексе чести Арвенов, содрогалась при мысли о грабеже и убийстве. Перед ним снова встал мучительный выбор: сохранить чистоту своих принципов в этом жестоком мире или запятнать их ради шанса на выживание и месть. Он слышал, как рыцари уже у самого входа в зал. Времени на раздумья не было.

— Хорошо, — выдохнул он, чувствуя, как что-то внутри него смирится с неизбежным. — Мы берём артефакты. Но... — он посмотрел на Аматэрасу с мольбой в глазах, — Постарайся не убивать их. Оглуши, отбрось, но дай им шанс выжить.

Аматэрасу усмехнулась коротко, беззвучно, и в её улыбке было что-то древнее и безжалостное.

— Как пожелаешь. Но помни, двухдушный... в этом мире милосердие часто оказывается самой дорогой роскошью. А сейчас... пришло время собирать нашу добычу.

Альтеус бросился к грудке сокровищ, его руки дрожали от адреналина и осознания того, что он сейчас делает. Золотые монеты, украшения, оружие, всё это сливалось в ослепительную, бессмысленную массу. Он растерянно водил руками над грудой, не зная, за что хвататься.

В этот момент в зал ворвались первые рыцари. Их лица, искажённые яростью и страхом, увидели Альтеуса у сокровищ и странную женщину с огненными волосами, стоявшую между ними.

— Предатель! — проревел один из них, заноса меч.

Аматэрасу даже не повернулась. Она лишь слегка взмахнула рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи. Невидимый удар силы, горячий и сокрушительный, пронёсся по залу. Рыцари, словно тренировочные стойки, отлетели назад и с глухим стуком ударились о стену, затихнув в бессознательности.

— Не отвлекайся, — её мысленный голос прозвучал в голове Альтеуса, сухой и деловой. — Наше время дорого.

Альтеус вздрогнул и снова устался на сокровища. Он потянулся было к изящному кинжалу с рубином в рукояти, но тут сзади раздался короткий, щёлкающий звук языком точь-в-точь как у строгого начальника, заставшего подчинённого за ошибкой.

— Безделушка, — мысленно прозвучало, и тонкий палец с идеально очерченным ногтем указал в другую сторону. — Вон тот амулет. Тусклый, в форме капли. Чувствуешь исходящий от него резонанс? Бери его.

Альтеус, словно новичок в первый рабочий день, послушно потянулся к указанному предмету. Амулет и вправду был невзрачным, но, коснувшись его, он ощутил лёгкую вибрацию.

— Хорошо. Теперь свёрток в синей ткани, рядом с позолоченным шлемом. Не смотри на шлем, он никуда не годится. Бери свёрток.

Он развернул ткань. Внутри лежала пара странных браслетов из тусклого металла с непонятными рунами.

— Для контроля. Понадобятся тебе позже, — пояснила Амата́расу, уже указывая на другой предмет. — А вот этот свиток... нет, не бери. Магия выплела, бесполезен.

Они работали быстро и молча. Альтеус нервно хватая указанные вещи и запихивая их в походную сумку, Амата́расу стоя с идеально прямой спиной, скрестив руки на груди, и безошибочно отделяя зёрна от плевел своим безмолвным указанием. Картина и впрямь была сюрреалистичной: древняя драконица в облике властной женщины руководила грабежом данжа, как начальник отдела.

— Достаточно, — наконец мысленно заключила она, когда сумка отяжелела. — Остальное мусор, не стоящий потраченных усилий. Теперь мы уходим. Есть путь получше, чем тот, которым ты пришёл.

Сумка, набитая подобранными сокровищами, непривычно оттягивала плечо Альтеуса. Они быстро миновали груды камней и вышли через скрытый лаз, который Амата́расу нашла с пугающей лёгкостью. Свежий ночной воздух ударил в лицо, пахнувший хвоей и свободой, такой желанной и такой пугающей. Альтеус, едва ступив на мягкую лесную подстилку, уверенно повернулся в сторону, где, как он знал, лежали Проклятые равнины. В его груди пылало одно-единственное желание — идти прямо к руинам Арвенхельма, к своему дому. Но железная хватка на его запястье остановила его на месте. Рука Амата́расу была неожиданно сильной.

— Куда? — её мысленный голос прозвучал резко, без привычной насмешливости.

— Домой, — коротко бросил Альтеус, пытаясь высвободить руку. — К Арвенхельму. Прямой путь - самый быстрый.

Золотистые глаза драконицы сузились. Она на мгновение закрыла веки, словно прислушиваясь к чему-то.

— Глупец, — её мысленный голос был полон холодного раздражения. — Ты не чувствуешь? Воздух с той стороны густой от скверны. Там не просто демоны, двухдушный. Там пульсирует язва, источник той тьмы, что поглотила твой дом. Идти туда сейчас, всё равно что бросаться в костёр с веткой в руке.

Она отпустила его запястье и указала рукой в сторону, вдоль линии леса.

— Нам нужно обойти. Длинный путь. Через земли, что ещё не полностью пали.

— Но это займёт недели! — воскликнул Альтеус, в его голосе зазвучала отчаянная нота. — Каждый день промедления...

— Каждый день промедления даст нам время! — мысленно оборвала его Амата́расу, и в её голосе впервые прозвучала не просто власть, но и намёк на стратегическое мышление. — Время, чтобы ты освоил артефакты, что мы взяли. Время, чтобы я восстановила силы после столетий в клетке. Время, чтобы составить план, а не бросаться на копья с закрытыми глазами. Прямой путь - это не храбрость. Это самоубийство. И мой контракт вести и защищать тебя, а не быть свидетелем твоей глупой гибели в первый же день.

Она посмотрела на него свысока, и в её позе читалась непоколебимая уверенность хищника, который знает законы выживания лучше любого человека.

— Риск будет меньше. Шанс на успех выше. Выбирай, двухдушный. Быстрая смерть или долгий путь к мести.

Альтеус замер, его взгляд метнулся от тёмного горизонта, где лежали руины его дома, к непоколебимому лицу Амата́расу. В её глазах не было места спору, лишь холодная, неумолимая логика. И он осознавая, что она права в данной ситуации. Его порыв был порывом отчаяния, а не стратега. А Ким Док Хо всегда был стратегом.

— Хорошо, — он сдался, плечи его поникли не от слабости, а от принятия неизбежного. — Мы идём длинным путём, который ты указала.

Амата́расу кивнула с удовлетворённостью, разворачиваясь, чтобы вести его вдоль опушки леса. Они шли молча, и лишь треск веток под ногами нарушал тишину. Гнев и нетерпение внутри Альтеуса понемногу остывали, сменяясь гнетущей тяжестью всего произошед-

шего. И тогда, глядя на её спину, на эту новую, невероятную реальность, в которой он оказался, он заговорил. Сначала тихо, сбивчиво, подбирая слова. Он рассказал ей всё. Не как скупой отчёт, а как исповедь, которая годами копилась в его душе. Он говорил о своей жизни при дворе Арвенов, о насмешках, о давящем ожидании величия, которого он не мог достичь. О нелюбви отца, смешанной с разочарованием, и о тихой, нестигаемой вере матери. Он рассказал об Элис, и его голос дрогнул, когда он описывал, как она бросилась под стрелы. Потом он рассказал о ночи падения. Огне, смерти, последнем толчке матери в ледяную бездну. И о десяти годах, которые для него промелькнули как мгновение. А затем, сделав глубокий вдох, он коснулся самого сокровенного. Он рассказал о другой жизни. О мире, где не было магии, но были небоскрёбы и автомобили. О долгой, трудной жизни Ким Док Хо, корейца в Японии, который построил свой маленький бизнес, любил свою жену Юрико и до конца дней тосковал о земле, которую покинул еще ребёнком. Он рассказал о тихой смерти в восемьдесят семь лет и о пробуждении в теле младенца. Он говорил долго, и когда он закончил, в лесу стояла полная тишина. Амагэрасу шла рядом, не перебивая, её золотистые глаза были прикованы к нему. В них не было ни жалости, ни насмешки, лишь бездонное, поглощающее внимание. Она остановилась и повернулась к нему.

— Две жизни, — её мысленный голос прозвучал задумчиво, почти с уважением. — Две полные чаши страдания, долга и любви. Теперь я понимаю. Твоя сила не в мышцах и не в чарах. Она - здесь. — Она легким жестом указала на его грудь. — И здесь. — Её палец коснулся его виска. — Ты не просто двухдушный. Ты - самый стойкий из людей, которых я встречала в своей долгой жизни. Прожить одну такую жизнь уже подвиг. А две... Это объясняет многое. Объясняет, почему именно ты смог дать мне Имя.

6 ГЛАВА «Призраки Прошлого»

С каждым днем, с каждой милей, что приближала их к границе проклятых земель, что некогда были цветущим Арвенхельмом, камень на душе Альтеуса становился тяжелее. Сначала это была лишь смутная тоска, но вскоре она переросла в нечто большее. Лес менялся. Деревья становились корявыми, с почерневшей корой, а воздух тяжёлым, хоть они и не пересекали ещё формальную границу. Каждая обугленная ветка, валяющаяся на земле, напоминала ему балки рухнувшей башни. Крик птицы звучал как приглушённый вопль. Даже узор мха на камне складывался в знакомые очертания фамильного герба.

И вот однажды утром, когда они пробирались через заросли папоротника, Альтеусу показалось, что впереди, сквозь деревья, мелькнул силуэт в белом платье. Юрико? Сердце ёкнуло. Он сделал шаг, ветка хрустнула под ногой с таким же звуком, с каким хрустнула кость в спине Элис. И тогда его накрыло. Сперва его бросило в жар, потом в леденящий холод. Громкое, оглушительное биение сердца заполнило все слуховое пространство, заглушая лесные шумы. Воздух перестал поступать в лёгкие, словно его горло сжала невидимая рука. Перед глазами поплыли пятна, и вместо стволов деревьев он увидел горящие балки, вместо листвы падающие искры. Он услышал не ветер, а тот самый оглушительный рёв нападающих демонов и крик отца. Запах гари и крови стал настолько реальным, что он закашлялся, схватившись за грудь. Он стоял, застывший, широко раскрытыми глазами смотря в никуда, его тело сотрясала мелкая, неконтролируемая дрожь. Это была не просто память. Это было полное, всепоглощающее возвращение в тот день, когда умерло всё.

Сильная, уверенная рука легла на его плечо. Прикосновение было твёрдым, почти грубым, но оно прорезало пелену паники, как луч света тьме.

— Довольно, — мысленный голос Аматаэрасу прозвучал негромко, но с такой непрерываемой властью, что Альтеус инстинктивно сделал судорожный вдох.

Она стояла перед ним, блокируя вид на лес впереди, её золотые глаза изучали его бледное, покрытое испариной лицо.

— Ты ещё не готов, — констатировала она, и в её голосе не было осуждения, лишь холодная констатация факта, как если бы она говорила о плохой погоде. — Твоя воля сильна, Альтеус, но даже самая крепкая сталь ломается, если на неё давить, не дав остыть. Ты тащишь на себе груз, который сейчас тебя раздавит, прежде чем ты сделаешь хоть шаг по той земле.

Она обвела взглядом мрачный лес, ведущий к его дому.

— Мы развернёмся. Сейчас. Твой путь лежит не вперёд, к руинам, а назад к силе.

Альтеус, всё ещё тяжело дыша, уставился на неё.

— Назад? Но...

— Но ничего, — мысленно отрезала она. — Мы найдём другое место. Тихий угол мира, где тебя не знают. Ты освоишь артефакты. Ты научишься не просто владеть клинком, а воевать. А я... я восстановлю то, что растеряла в заточении. А когда мы будем готовы мы вернёмся. И тогда, — её глаза сверкнули холодным огнём, — Мы не просто придём оплакивать прах. Мы принесём с собой бурю. Выбирай: быть сломленной тенью на пороге своего дома или тем, кто это порою переступит и потребует ответа.

Молчание затянулось. Альтеус стоял, смотря в землю, его дыхание постепенно выравнивалось, но внутри всё ещё бушевала буря. Он мысленно перебирал аргументы, пытался найти хоть одну зацепку, чтобы оправдать свое отчаянное желание идти вперед. «Но я должен... Я обязан... Они ждут...»

И тут же, холодным эхом, отзывался голос разума, отточенный двумя жизнями: «Кто ждет? Призраки? Мёртвым не поможешь. Аматаэрасу права. Ты дрожишь от вида знакомого леса. Что будет в самом эпицентре? Ты станешь обузой. Или трупом».

Он поднял взгляд и встретился с золотыми глазами драконицы. В них не было нетерпения. Было ожидание. Она давала ему время понять очевидное, и в этом была своя, странная форма уважения. Он чувствовал себя именно так, как она и сказала - ребёнком, который топает ногой, требуя невозможного, в то время как старшая, куда более опытная сестра, смотрит на него, зная, что он сам скоро до этого додумается. Его сопротивление рассыпалось в прах. Не из-за её силы, а из-за неоспоримой, железной логики её слов. Он кивнул, коротко и резко, больше самому себе, чем ей.

— Ты права, — выдохнул он, и в этих словах была горечь поражения, но и первое семя здравого смысла, проросшее сквозь толщу горя. — Я... не готов. Идти туда сейчас значит предать их память по-своему. Предать шанс на настоящую месть.

Он вытер пот со лба дрожащей рукой.

— Куда теперь? Где это место, где меня не знают, и где мы... подготовимся?

Аматэрасу слегка склонила голову, и на её губах промелькнуло что-то, отдалённо напоминающее одобрение.

— Есть земли на юге, за хребтом Пепельных Гор. Люди называют их Дымящимися Равнинами. Там нет крупных городов, только редкие поселения охотников и отшельников. Земли бедные, магия там искажена вулканическими испарениями, маги и лорды обходят их стороной. Идеальное место, чтобы затеряться и... - её взгляд стал острым, — ...устроить первую, настоящую тренировку. Ты научишься не просто махать железкой, Альтеус. Ты научишься выживать. А я... я вспомню, каково это дышать свободно, без решёток.

Она развернулась, указывая путь прочь от зловещего леса, в сторону дальних, покрытых дымкой гор.

— Путь неблизкий. Но каждый шаг будет отдалять тебя от призраков и приближать к силе, способной их усмирить. Идём. Первый урок начинается сейчас: как идти, когда ноги подкашиваются, а цель кажется недостижимой. Шаг за шагом, двухдушный.

Шли они уже почти час, напряжённая тишина между ними начала таять, как иней под утренним солнцем. Альтеус, всё ещё чувствуя слабость в ногах после панической атаки, наконец нарушил молчание.

— И, пожалуйста, — сказал он, не глядя на неё, — перестань называть меня «двухдушным». Это... звучит как диагноз.

Аматэрасу слегка замедлила шаг, посмотрев на него сбоку.

— Диагноз? — мысленно повторила она, явно заинтересованно. — Да, из твоих воспоминаний... понятие связано медициной. Но это точное определение. Однако... — она сделала паузу, и Альтеусу почудилась в её мысленном голосе хитрая нотка. — Я могу пойти на компромисс.

Он удивлённо взглянул на неё. Это слово, произнесённое мысленно с её фирменной чёткостью, звучало на удивление современно.

— Компромисс? — не удержался он.

— Да, — мысленно кивнула она, и уголок её рта дрогнул. — Я выучила это понятие из твоей памяти. Мир без магии, но с удивительно практичной терминологией для переговоров. Итак, мой компромисс: я буду называть тебя так, когда мы одни. В присутствии других «Альтеус». Или как тебе будет угодно. Устраивает?

Альтеус не мог не улыбнуться. Картина о древней драконице, гордо использующей слово «компромисс» как трофей, была одновременно абсурдной и завораживающей во всей своей красе.

— Устраивает, — согласился он, не удерживая искреннюю улыбку за столь неоднократное время во всём этом в странном приключении.

В этот момент их путь вывел их на открытое поле. Впереди, за полосой леса, виделись могучие горы. Ближайшие к ним были укрыты снежными шапками, сверкающими на солнце.

Именно те, через которые, как он понял, лежал прямой путь к Дымящимся Равнинам. Дальние же горы действительно курились лёгкой дымкой.

Альтеус остановился, оценивая всё происходящее.

— Итак, — сказал он, указывая на снежные пики. — Наш путь лежит туда. Варианты? Обойти это лишние недели. Идти прямо через перевалы, риск лавин и обморожений. Или... — он посмотрел на Амаэрасу, — Ты превратишься обратно в форму дракона и просто перенесёшь нас через них? Будто... э-э...

воздушное такси?

Он использовал слово из прошлой жизни, сомневаясь, что она поймёт.

Амаэрасу задумалась. Она смотрела на горы, затем на свои сейчас вполне человеческие руки.

— «Такси»... забавно, — мысленно отметила она. — Но нет. Во-первых, мой истинный облик привлечёт ненужное внимание с большого расстояния. Во-вторых, я ещё не настолько восстановилась. Полёт на такое расстояние в этом мире, полном искажённой магии... рискованно. И в-третьих, — её золотые глаза устремились на него, — Это был бы слишком лёгкий путь. Ты хочешь силы? Начни с покорения этих гор. Холод и высота - хорошие учителя. Они выжгут из тебя последнюю слабость. Мы идём прямо, двух... она запнулась, поймав его взгляд, — ...Альтеус. Шаг за шагом.

7 ГЛАВА «Цена Отступления»

Путь в горы оказался суровым испытанием. Воздух стал разреженным и колючим, каждый вдох обжигал лёгкие холодом. Под ногами хрустел снег, а ветер выл между скал, словно оплакивая что-то.

На третий день подъёма они вышли на узкое каменистое плато. И здесь Альтеус замер, сжимая рукоять меча. На снегу, в неестественных, скрюченных позах, лежали тела. Но это были не люди. Существа с густым, когда-то белым, а теперь грязно-серым мехом, длинными хвостами и мохнатыми ушками, напоминавшими больших кошек. Их руки были цепкими, приспособленными для лазанья по скалам, а одежда была грубой, из шкур.

— Что... что здесь произошло? - прошептал Альтеус.

Тела были иссохшими, почти мумифицированными в горном воздухе, без каких-либо явных следов насилия. Амаэрасу медленно обошла одно из тел, её золотистые глаза внимательно изучали обстановку. Она прикоснулась пальцем к пустому кожаному мешку у пояса зверочеловека.

— Не битва, — мысленно заключила она. — Голод. Или болезнь. Скорее, первое.

Она выпрямилась, окинув взглядом мрачные скалы вокруг.

— После Великого Разлома, когда демоны прорвались в этот мир, рухнули не только королевства. Исчезли торговые пути. Вымерли стада скота. Многие малые народы, жившие вдали от больших городов, оказались отрезаны. Эти... — она указала на тела, — Снежные ирбисы, народ Кхайла. Охотники и следопыты. Суровые, но мирные. Их деревня, наверное, были в этих горах. Без поставок зерна, без возможности охоты на опустевших склонах... — она не закончила, но жест говорил сам за себя.

— Мировое вторжение... — с горечью произнёс Альтеус, глядя на высохшие тела. Его личная трагедия была лишь маленькой частью огромного, вселенского бедствия, которое перевернуло весь мир и обрекло на смерть целые народы.

— Да, — мысленно подтвердила Амаэрасу. — Тьма, что поглотила твой дом, была лишь первым клыком. Ранение оказалось смертельным для многих. Запомни это, Альтеус. Твоя месть не просто личное дело. Это часть войны за то, чтобы такие ужасы больше не повторялись.

Она тронула его за плечо.

— Мы не можем им помочь. Но мы можем почтить их, продолжив путь. Их смерть ещё одно напоминание о цене поражения. Не останавливайся. Иди.

Они двинулись дальше, вверх по тропе, оставляя позади безмолвное кладбище целого маленького народа. Каждый шаг теперь отдавался в душе Альтеуса не только тяжестью его собственной потери, но и грузом ответственности, которая внезапно стала необъятно огромной. Они шли ещё выше, и тишина между ними стала тяжёлой, насыщенной невысказанными мыслями. Амаэрасу чувствовала, как напряжение исходит от Альтеуса. Это была не просто усталость от подъёма, его душа, казалось, сгибалась под невидимым грузом.

— Ты берёшь на себя слишком много, двухдушный, — её мысленный голос нарушил тишину, стараясь звучать нейтрально. — Ты видел следы чужой беды и тут же возложил её на свои плечи. Это неразумно. Ты не бог, чтобы нести грехи всего мира.

— Они лишились дома, — перебил её Альтеус. Его голос был тихим, но в нём звучала сталь. Он не смотрел на неё, уставившись на снежную тропу перед собой. — Как и я. Неважно, демоны ли их убили, или голод, пришедший из-за демонов. Они бежали пытаясь выжить. Их дом стал могилой или пустым местом. Я... я это понимаю.

Он наконец поднял на неё взгляд, и в его глазах читалась не детская обида, а глубокая, взрослая тоска.

— А у тебя он есть? Дом?

Вопрос повис в ледяном воздухе. Драконица замерла на полном ходу. Её золотые глаза, всегда такие уверенные и аналитические, на миг потеряли фокус, устремившись куда-то далеко за горизонт, за гребни гор, словно в туманное прошлое, которому не было счёта. Она долго молчала, и Альтеус уже подумал, что не получит ответа. Но вот её мысленный голос прозвучал снова, и в нём не было ни привычной насмешки, ни холодной логики. Была лишь тихая, древняя отрешённость.

— Дом... — она произнесла это слово, словно пробуя на вкус что-то забытое. — Было логово. Гора, полная блеска и тепла. Соплеменники... или то, что мы считали соплеменниками. Века ритуалов, споров о блестящих безделушках, скука растянутой на тысячелетия.

Она медленно покачала головой, и её медные волосы колыхнулись на ветру.

— Нет. Мне некуда возвращаться. И я не хочу. Я проспала в клетке века, и даже до этого мой «дом» был золотой клеткой иного рода. Теперь... — она посмотрела на него, и в её взгляде вспыхнул тот самый огонь приключений, о котором он читал в старых книгах, но никогда не видел вживую, — Теперь я свободна. По-настоящему. И я хочу видеть, каков этот мир. Хочу ощущать ветер под крыльями не над знакомыми скалами, а над неизведанными землями. Хочу жечь врагов, которые того заслуживают, и спасти тех, кто мне... интересен.

Она сделала шаг вперёд, её плечи расправились, словно она сбросила невидимые оковы.

— Так что нет, Альтеус. У меня нет дома. И это мой выбор. А у тебя он есть.

И это твоя ноша. Не делай свою ношу тяжелее, примеряя на себя чужие. Идём. На вершине нас ждёт не ответственность за весь мир, а просто вид на следующий отрезок пути.

Последние часы подъёма были самыми тяжёлыми. Воздух стал таким разрежённым, что голова Альтеуса гудела, а каждый шаг требовал нечеловеческих усилий. Амаэрасу шла впереди, её человеческая форма, казалось, не ведала усталости, но Альтеус чувствовал, что даже она сейчас сэкономила силы. И вот, наконец, они выбрались на ветреный гребень перевала. Перед ними открывался вид не на другую сторону гор, как они ожидали, а на небольшое, укрытое в скальной чаше плато. И на этом плато, прижавшись к отвесной скале, жило поселение. Деревня была крошечной

- два десятка каменных хижин с крышами из утрамбованного снега и шкур. Дымок из пары отверстий был таким тонким, что его почти сносило ветром. И повсюду тишина. Не мирная, а уставшая, обречённая. Едва они сделали несколько шагов по плато, из-за угла ближайшей хижины вышел старик. Его мех, когда-то, должно быть, густой и белоснежный, был тусклым и редким, обнажая кожу, натянутую на кости. Он был высоковат, но худоба делала его похожим на живую трость. За ним робко выглянули другие: взрослые с потухшими глазами и несколько детей, которые не бежали с любопытством, а жались к ногам родителей, их большие глаза полны не детского интереса, а животного страха. Старик остановился в нескольких шагах, его жёлтые, раскосые глаза изучали пришельцев с безразличной осторожностью.

— Я Тар Кхэн, старейшина этой деревушки, — его голос был хриплым, но твёрдым. — Для чего сюда прибыли, путники? Мы не видели чужаков много сезонов. У нас нет ни пищи для гостей, ни сил для вражды.

Амаэрасу шагнула вперед, её осанка излучала спокойную уверенность, но не угрозу.

— Мы лишь ищем путь через горы, — произнесла она, и её слова, казалось, мягко отдались в сознании старика, заставив его слегка вздрогнуть. — Мы не враги и не просим твоих скудных запасов. Покажите нам тропу вниз, к Дымящимся Равнинам, и мы уйдём.

Тар Кхэн кивнул, но его взгляд скользнул за её спину к Альтеусу, к его рваной, но явно не горской одежде, к сумке, в которой угадывалась не просто провизия. В глазах старика мелькнула тень чего-то, не надежды, а последней, отчаянной решимости утопающего. Альтеус же не отрывал глаз от детей. Они были так же худы, как взрослые, их шёрстка тусклая. Один малыш, спрятавшись за мать, сосал свой собственный хвост - жест, который говорил о голоде красноречивее любых слов. Это были не высохшие мумии на тропе. Это были те, кто ещё дер-

жался. Кто выжил, но балансировал на самой грани. И в его сердце, полном собственной боли, шевельнулось нечто новое. Не груз ответственности, как говорила Амата́расу, а острое, режущее сострадание. Они были такими же, как он. Потерявшими свой мир. И они всё ещё сражались. Тар Кхэн уже собрался указать им направление к едва заметной тропе, спускавшейся с другой стороны плато, когда низкий, угрожающий гул донёлся снизу, со стороны основного подъёма. Это был не вой ветра - это был гул голосов, лязг оружия и тяжёлое топотание. В тот же миг трое молодых ирбисов, почти невидимых в своих белых шкурах на фоне снега, выскочили из-за хижин. Двое схватили Альтеуса и Амата́расу за руки, и отчаянно прошипели: «Тише! Идите!». Их без лишних слов потащили за ближайшую хижину, в узкую расщелину между скалой и стеной, заваленную старыми корзинами. Отсюда был виден почти весь центр деревни.

На плато вышли незванные гости. Группа из восьми орков в ржавых доспехах, несколько юрких, злобных гоблинов с кривыми ножами. И во главе - существо, выглядевшее гротескно и опасно одновременно. Массивный кабан, облачённый в потёртый, но некогда дорогой бархатный камзол и криво сидящий на его голове котелок. В одной ручище он сжимал изящную, явно не подходящую ему по стилю, трость с серебряным набалдашником. Кабан остановился перед Тар Кхэном, его маленькие глазки-бусинки сверкнули.

— Добрый денёк, почтенный старейшина! — его голос был хриплым, но нарочито вежливым, как у плохого актёра. — Подошёл срок очередного платежа. Надеюсь, собрали?

Тар Кхэн молча кивнул. Из-за его спины вышел ещё один взрослый ирбис, дрожащими руками протянув небольшой, тощий мешочек. Кабан-лорд ловко подхватил его, взвесил на ладони, и его рыло исказилось в гримасе недовольства.

— О-хо-хо. Легковат, старик. Гораздо легче, чем мы договаривались. Серебряко нынче из воздуха не падает?

— Это всё, что мы смогли... — начал Тар Кхэн, но кабан его перебил.

— Сколько дали, столько и получили! — рявкнул он, и его притворная вежливость испарилась. Он швырнул Тар Кхэну другой, крошечный мешочек. — Провианта. По весу вашего платежа.

Старейшина, поймав мешочек, развязал его одним движением и заглянул внутрь. Его морщинистое лицо исказилось от отчаяния.

— Но этого... этого не хватит даже на неделю! На одного, от силы двух!

— А вы экономнее начинайте жить! — парировал кабан, уже поворачиваясь. — Завтра зайду за остальным. С процентами за просрочку. А чтобы не забывали... — он махнул тростью в сторону своих подручных. — Парочку бабёнок с собой возьмём. Для... вашей мотивации.

Орки с ухмылками двинулись к группе женщин. Послышались тихие всхлипы и рёв одного из молодых ирбисов, которого тут же оглушили ударом. Альтеус сжал кулаки так, что кости затрещали. Его тело напряглось для рывка. Но железная хватка Амата́расу снова оставила его. Её пальцы впились ему в плечо.

— Сиди, - её мысленный голос прозвучал как ледяная струя в мозг. — Это не просто бандиты. У них порядок, иерархия. Это часть чего-то большего. Возможно, их уже проинформировали и пообещали награду за голову наследника Арвенов.

— Но они... — попытался возразить Альтеус, глядя, как двух худых, перепуганных женщин волокут к выходу с плато.

— Деревню не спасти силой двух путников, один из которых едва стоит на ногах от высоты, — мысленно отрезала она. — Шум сейчас, верная смерть для них и для нас. А потом для оставшихся здесь. Они придут завтра. У нас есть время подумать. Но не сейчас. Сейчас тишина.

Тяжёлое молчание повисло над деревней после того, как топот и грубый смех бандитов стихли внизу. Лишь приглушённые рыдания двух женщин, уводимых в неизвестность, и тяжёлое дыхание старейшины нарушали тишину. Тар Кхэн казался ещё более высохшим и слом-

ленным, будто из него вытянули последние остатки воли. Он медленно повернулся к укрытию, где прятались Альтеус и Амата́расу, и махнул им рукой, приглашая выйти. В его взгляде не было ни надежды, ни просьбы, лишь пустота.

— Путь, — произнесла Амата́расу, выходя на открытое пространство. Её голос был бесстрастен. — Вы обещали указать дорогу.

Тар Кхэн кивнул, не глядя на них, и указал трясущейся рукой на узкую, почти невидимую тропинку, уходившую за край плато в сторону противоположного спуска.

— Там. Через два перевала. Будьте осторожны. На спуске тоже могут быть... их дозорные.

— Мы уходим, — мысленно подтвердила Амата́расу и повернулась к Альтеусу. Её взгляд был неумолим: «Идём. Сейчас».

Альтеус стоял, чувствуя, как внутри него бушует ураган стыда, гнева и беспомощности. Он видел, как к старейшине подбежали двое подростков - парень и девушка лет шестнадцати, с такими же исхудавшими лицами, но с тлеющими в глазах искрами отчаяния и ярости. Они пытались что-то говорить Тар Кхэну, но тот лишь безнадежно мотал головой. И тут к Альтеусу подбежала маленькая девочка. Её мех был светлее, чем у других, почти белым, а огромные жёлтые глаза смотрели на него с детским любопытством, ещё не замутнённым страхом взрослых. Она робко потянулась и коснулась его руки.

— Ты тёплый, — прошептала она, и её голосок прозвучал как звон хрусталя в этой ледяной пустоте. — Удачи вам в приключениях.

Сердце Альтеуса сжалось. Это простое, наивное пожелание ударило его сильнее любой мольбы о помощи.

— Айра, не надо! — шикнула та самая девушка-подросток, подбежав и осторожно, но твёрдо оттягивая малышку за собой. Её брат, парень, смотрел на Альтеуса не с просьбой, а с каким-то горьким пониманием, будто говоря: «Мы знаем, что ты ничего не сделаешь. И мы тебя не виним. Просто уходи». — Простите её, — тихо сказала девушка, избегая его взгляда.

— Спасибо, — выдавил из себя Альтеус, его голос сорвался. Он не знал, за что благодарит. За пожелание? За то, что его не проклинают? Он кивнул подросткам и, не в силах больше здесь находиться, резко развернулся и зашагал вслед за уже удаляющейся Амата́расу. Он не оглядывался. Он чувствовал на своей спине взгляды всей деревни, не осуждающие, а просто... пустые. И этот взгляд жёг его сильнее любого пламени. Он шёл, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони, и внутри него росло нечто новое. Не просто желание мести за свой дом. А яростное, всепоглощающее желание сломать саму систему этого мира, где кабаны в бархате могли обрекать на голод целые народы, а драконы говорили, что это «неразумно» вмешиваться. Они шли в кромешной тьме, освещаемые лишь холодным светом звёзд. Снег хрустел под ногами, ветер выл в ущельях, но внутри Альтеуса бушевала буря, куда более страшная. Он видел перед собой не тропу, а глаза той маленькой девочки. Слышал не вой ветра, а её шепот: «Ты тёплый». Они уже миновали первый перевал и начали спускаться, когда Альтеус внезапно остановился как вкопанный. Его дыхание стало прерывистым.

— Я не могу, - выдохнул он, и его голос прозвучал хрипло в ночной тишине. Амата́расу обернулась. В лунном свете её лицо было высечено из камня

— Не можешь что? Идти? Отдохнём через час.

— Не могу уйти, — поправил он, поднимая на неё взгляд. В его глазах горел огонь, который она видела раньше только в момент активации артефакта в тронном зале. — Я возвращаюсь. В ту деревню.

Амата́расу замерла на секунду, затем мысленно вздохнула - звук, полный раздражения и усталого предвидения.

— Деревню не спасти, двух.. Альтеус. Ты слышал старика. Это система. Убьёшь этих бандитов на их место придут другие, более жестокие, чтобы наказать деревню за «непослушание». Ты не изменишь правила игры одним мечом.

— Значит, нужно изменить правила! — выпалил Альтеус, его голос дрожал от ярости.

— Или ты предлагаешь просто наблюдать, как они вымирают? Как завтра заберут ещё кого-то? Я не могу! Я не буду таким, как... — он запнулся, не в силах договорить «как ты».

— Как я? Рациональной? — мысленно закончила она, и в её «голосе» впервые прозвучал холодный гнев. — Я говорю тебе как есть. Это - поражение. И иногда единственный способ выиграть войну - отступить с поля боя, которое уже проиграно.

— Их поле боя - это их дом! — крикнул Альтеус, и эхо понесло его слова по ущелью. — И я не отступлю!

С этими словами он сорвал с плеча сумку с артефактами и бросил её к ногам Амата́расу. Затем, с диким, решительным взглядом, схватился за рукоять своего меча, развернулся и бросился бежать назад, вверх по тропе, в сторону тусклого света угасающих огней деревни Кхайла. Амата́расу не двинулась с места. Она смотрела, как его фигура растворяется в ночи. В её золотых глазах отражались звёзды и что-то ещё - разочарование? Досада? А может, тень отвернутости к этой безумной, человеческой иррациональности? «Полнейший идиот», - мысленно, с ледяной чёткостью, констатировала она. Но её ноги не повернулись, чтобы идти дальше. Она осталась стоять, глядя в темноту, куда он скрылся, её статная фигура была неподвижна, как скала. Она ждала. Не зная ещё, что именно, но ждала.

Холодное, безучастное утро застало деревню в ожидании казни. Когда из-за поворота тропы показалась новая группа бандитов, в сердцах ирбисов не осталось даже страха лишь ледяное, безразличное отчаяние. На этот раз орков и гоблинов было больше, человек пятнадцать. Кабан в своём нелепом костюме шёл впереди, постукивая тростью о камни. Тар Кхэн, казалось, постарел на десять лет вперёд за одну ночь. Он вышел вперёд и, к ужасу своих соплеменников, опустился на колени в снег перед чудовищем с тростью.

— Прошу... дайте ещё время... — его голос был хриплым шёпотом. — Мы найдём... мы...

— Время вышло! — отрезал кабан, брезгливо смотря на старика. — Сегодня расплата. И в счёт долга... э-э-э, мы увеличим сбор. Ещё троих женщин. Живо!

Орки с привычной жестокостью двинулись вперёд. Послышались крики, рёв.

И тут один из гоблинов, юркий и похотливый, ухватился за руку той самой девушки-подростка, что вчера увела малышку.

— Эту возьму! Молоденькая! — захихикал он, таща её за собой.

И тогда её брат, тот самый парень с тлеющими в глазах угольками ярости, не выдержал. С тихим, животным рыком он выхватил из-за пояса короткий, заточенный обломок кости и со всей силы вонзил его гоблину в шею. Существо захрипело, из его горла хлынула тёмная кровь, и он рухнул. Наступила мёртвая тишина. Кабан медленно повернул свою массивную голову к Тар Кхэну. В его маленьких глазках бушевала бешеная ярость.

— Это... не прощается, — прошипел он. И его голос был тише ветра, но страшнее любого крика. — **УБИТЬ ВСЕХ. КАЖДОГО.**

Ад начался мгновенно. Орки и гоблины с рёвом набросились на безоружных, обессиленных жителей. Засверкали клинки. Послышались крики боли и отчаяния. Брат, вытащив свой окровавленный обломок, отступил к стене хижины, заслоняя собой сестру и прижавшуюся к ней малышку Айру. В его глазах не было страха, лишь дикая, обречённая решимость. Он знал, что умрёт. Но он умрёт сражаясь. И в этот миг из-за угла ближайшей хижины, словно тень, выскочил Альтеус. Его меч сверкнул в утреннем свете и со свистом рассек воздух, вонзившись в спину гоблина. Но удар был неидеален. Меч застрял в кости и в сухожилиях. Альтеус, изо всех сил налегая, с трудом выдернул клинок, и гоблин с воем упал. Альтеус отшатнулся, тяжело дыша. Его руки дрожали от усталости после ночной беготни, а перед ним была целая толпа

озверевших бандитов, уже поворачивающих к нему свои морды. Один на один с орком он, может, и справился бы. Но против пятнадцати? Он видел их глаза, полные звериной жадности убийства. Он видел тело павшего гоблина у своих ног. И он с леденящей душу ясностью понял: Его сил не хватит. Он пришёл на верную смерть. Не героическую, а быструю и бесполезную. Он даже не успеет добраться до кабана.

В этот момент, когда отчаяние уже готово было схватить Альтеуса за горло, небо над плато потемнело. Не от тучи. От огромной, стальной тени, стремительно падающей вниз с оглушительным свистом рассекаемого воздуха. УДАР. Амаэрасу приземлилась в центре деревни, как падающая звезда. Земля содрогнулась, снег и щебень взметнулись фонтаном. Она присела на одно колено, её человеческая форма уже таяла, растворяясь в вихре золотистого света и ломающихся костей. На её месте, выпрямляясь во весь свой драконий рост, встала Амаэрасу. Её чешуя воронёной стали сверкать в утреннем солнце, а из оскаленной пасти вырывался дымок. Она повернула свою могучую голову и посмотрела на Альтеуса. В её золотых глазах не было одобрения. Не было даже гнева. Был лишь холодный, безжалостный расчёт и что-то, отдалённо напоминающее... раздражённую покорность судьбе.

«Идиот, - прозвучал в его голове её мысленный голос, от которого задрожали кости. Раз уж начал, доводи до конца. Я займусь стаей. Ты вожаком.»

И затем начался не бой. Началась бойня! Амаэрасу двинулась. Её хвост, мощностью сравнимый с кувалдой Минотавра, метнулся в сторону и смазал трёх орков в кровавое месиво, разбросав их по снегу. Она не стала использовать пламя в упор - риск поджечь деревню был велик. Вместо этого её когтистые лапы разрывали доспехи и плоть с ужасающей лёгкостью, а могучие челюсти с хрустом переламаывали кости. Орки и гоблины, ещё секунду назад чувствовавшие себя хозяевами положения, впали в панику. Их клинки отскакивали от её чешуи, не оставляя царапин. Кабан-главарь отчаянно проревел, пытаясь восстановить порядок, но его голос потонул в рёве дракона и предсмертных воплях его банды. Альтеус, отброшенный шоком на мгновение, опомнился. Взгляд Амаэрасу, полный холодного вызова, пронзил его. «Ты хотел этого. Теперь действуй.» Он перевёл взгляд на кабана. Тот, увидев, как его люди гибнут как мухи, пятился назад к краю плато, его маленькие глазки бешено металась в поисках выхода. Но путь к тропе уже перекрывала стальная туша Амаэрасу. Силы Альтеуса всё ещё не хватало, чтобы сразиться с толпой. Но с одним, пусть и сильным, противником? С тем, кто был причиной всего этого кошмара? Ярость, холодная и острая, заструилась по его жилам, вытесняя усталость. Он поднял меч и шагнул вперёд, навстречу кабану. Настоящая битва только начиналась. Кабан, наблюдая как его войско рассыпается под ударами дракона, но всё ещё не теряя спеси, обратил своё внимание на Альтеуса. В глазах существа читалась не столько ярость, сколько презрительное раздражение, как будто назойливая муха вдруг решила укусить.

— Мальчишка! — прохрипел он, выхватывая из складок своего бархатного камзола короткую, но тяжёлую алебарду с зазубренным лезвием. — Самоубийца! Я сделаю из тебя котлету!

Он двинулся на Альтеуса не с бешеной скоростью орка, а с грузной, но устрашающей уверенностью ветерана многих стычек. Его удары были мощными, рассчитанными не на финты, а на то, чтобы сломать защиту одним натиском. Альтеус отступил, парируя. Его меч дрожал в руках от каждого столкновения с алебардой. Он был техничен, он помнил все стойки, которым учили годами, но против этой грубой, животной силы и опыта его умение казалось жалкой пародией. Один неверный блок - и алебарда со скрежетом соскользнула по его клинку, оставив глубокую зарубку на латной защите предплечья. Боль пронзила руку, и меч едва не выпал из ослабевших пальцев.

— Видишь? — усмехнулся кабан, делая следующий размашистый удар. — Ты даже держать оружие не умеешь, щенок!

Альтеус попытался контратаковать, сделав быстрый выпад, но кабан лишь отбил его удар рукоятью алебарды, а потом плечом врезался в него, отшвырнув на несколько шагов. Альтеус споткнулся и упал на спину, меч выскользнул из его руки и с лязгом откатился по камням. Кабан тяжело дыша, навис над ним, поднимая алебарду для последнего удара.

— Прощай, тупой герой!

В этот момент из-за спины Альтеуса, словно призрак, метнулась тень. Это был тот самый парень-ирбис. Его лицо было искажено немой яростью. Он не сражался благородно. Он просто бросился вперёд, под ноги кабану, схватив валявшийся меч Альтеуса. Его движения были отчаянными, лишёнными какой-либо школы, но наполненными дикой, хищной решимостью, присущей его происхождения. Кабан, удивлённый этой атакой сбоку, на мгновение отвлёкся от Альтеуса. Этого мгновения хватило. Парень, вскочив на ноги, не стал целиться в доспехи. Он присел и со всего размаха, с тихим, звериным рыком, провёл клинком по незащищённым задним ногам кабана. Тот взревел от боли и неожиданности, его равновесие пошатнулось.

— ТВАРЬ! — заорал кабан, разворачиваясь к новому противнику.

Но было уже поздно. Парень, не отступая, прыгнул вперёд, используя момент замешательства. Он не фехтовал. Он рубил. Меч Альтеуса, тяжёлый и прямой, со свистом рассек воздух и со страшным, влажным хрустом вонзился в толстую шею кабана, чуть ниже бархатного воротника. Наступила тишина. Кабан замер, его маленькие глазки округлились от непонимания. Алебарда с глухим стуком упала из его расслабленных лап. Затем его массивное тело медленно, как подрубленное дерево, повалилось на бок, заливая снег тёмной, почти чёрной кровью. Парень стоял над телом, тяжело дыша, всё ещё сжимая окровавленный меч. Он посмотрел на Альтеуса, потом на голову кабана, лежащую отдельно. В его глазах не было триумфа. Была лишь пустота и дрожь после свершённого убийства. Альтеус поднялся, держась за раненое предплечье. Он смотрел на юного ирбиса, на свой меч в его руке, и понимал, что его «спасение» деревни началось не с его героического подвига, а с отчаянного, жестокого поступка того, кто защищал свой дом до конца. Кабан был убит не рыцарем, а хищником, которого загнали в угол. С последним отчаянным воплем погиб последний орк, раздавленный хвостом Амата́расу. На плато воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Альтеуса и тихими всхлипами. Воздух был густ от запаха крови, гари и смерти. Золотистый свет снова окутал дракона, и через мгновение перед Альтеусом стояла Амата́расу в своём человеческом облике. На её безупречном лице и на одежде не было ни пятнышка, но от неё веяло такой холодной яростью, что Альтеус инстинктивно отпрянул. Она подошла и, не сказав ни слова, звонко шлёпнула его по затылку не с той силой, чтобы сбить с ног, но достаточно, чтобы в голове зазвенело и прояснилось.

— Идиот, — произнесла она вслух, и её голос, обычно мысленный, звучал ледяными осколками. — Благородный, сентиментальный, самоубийственный идиот. Ты почти погубил себя и свёл на нет весь мой план. Ты думал, что придёшь и всё исправишь одним мечом? Посмотри!

Она широким жестом обвела плато. Среди тел бандитов лежали и тела ирбисов. Много тел. Старейшина Тар Кхэн, несколько взрослых, пытавшихся защищаться камнями и палками... Деревня была мертва. Выжили лишь трое: тот самый парень, всё ещё сжимавший окровавленный меч, его сестра-подросток, прижимавшая к себе перепуганную, но живую малышку Айру. Альтеус смотрел на эту картину, и его собственное ранение, и стыд, и ярость - всё это померкло перед леденящим душу осознанием. Он пришёл спасать, а в результате ускорил гибель. Его вмешательство стало спусковым крючком для резни, которую Амата́расу лишь закончила.

— Вам нельзя здесь оставаться, — обратилась Амата́расу к выжившей троице. Её тон был уже не гневным, а безжалостно-практичным. — Остатки банды, их покровители, они вернутся

с мстью. Собирайте, что можно, и уходите. На юг, через перевалы. Ищите другие поселения вашего народа или любые, где можно затеряться.

Брат молча кивнул, его взгляд был пуст. Он бросил меч Альтеуса в снег, будто этот клинок был виновником всех бед, и молча пошёл к уцелевшей хижине, чтобы собрать жалкие пожитки. Его сестра, обнимая Айру, смотрела на Альтеуса. В её глазах не было благодарности. Было лишь понимание цены, которую пришлось заплатить. Амаэрасу подняла сумку с артефактами и сунула её Альтеусу в руки.

— Мы идём. Сейчас. И если ты хоть раз оглянешься или заговоришь о возвращении, я привяжу тебя к своей спине и буду лететь, пока у тебя не кончится воздух. Твой «подвиг» окончен. Пора становиться умнее. Или, по крайней мере, учиться слушать тех, кто умнее.

Она развернулась и зашагала к тропе, ведущей к Дымящимся Равнинам. На этот раз её шаги были твёрже, а осанка непримиримее. Альтеус, сжимая сумку и чувствуя жгучую боль в руке и ещё более жгучую в душе, бросил последний взгляд на три одинокие фигуры среди руин и смерти. Затем он повернулся и пошёл за ней. Не как герой, а как ученик, жестоко проучившийся на своей первой, кровавой ошибке. Их путь, отягощённый новым грузом вины и понимания, наконец-то лежал вперёд. Они шли уже несколько часов, угрюмо и молча, спускаясь по горной тропе. Лес внизу уже манил своей зеленью, контрастируя с выжженной пустотой в душе Альтеуса. Внезапно Амаэрасу остановилась, не оборачиваясь.

— Хватит преследовать, — её голос, холодный и чёткий, разрезал тишину. — Выйдите.

Альтеус обернулся, прищурившись. На первый взгляд тропа позади была пуста. Но через мгновение из-за выступа скалы, с неловкой и трогательной осторожностью, вышли трое. Брат, его сестра и маленькая Айра, всё ещё крепко держащаяся за её руку. На поясе у брата висел меч Альтеуса.

— Вы... — начал Альтеус, поражённый.

— Для чего? — спросила Амаэрасу, поворачиваясь к ним. Её золотые глаза были беспристрастны. — Мы дали вам шанс уйти. Что вам нужно?

Брат, высокий и угловатый подросток с ещё не до конца сформировавшимися чертами, сделал шаг вперёд. Его глаза, полные решимости, были устремлены не на драконицу, а на Альтеуса.

— Я... видимо, забыл свой меч, — неуверенно произнёс Альтеус, указывая на клинок.

Но парень медленно, с почтительным наклоном головы, вытащил меч из ножен. Вместо того чтобы протянуть его, он опустил на одно колено в пыль тропы, положив клинок плашмя перед собой.

— Нет, господин, — его голос был тихим, но твёрдым, без прежней дрожи. — Это не просто меч. Это символ. Вы пришли, когда все отвернулись. Да, была пролита кровь. Да, многие из наших погибли. Но вы дали нам шанс сразиться, а не просто умереть как скот. Вы... и великая госпожа... вы уничтожили тех, кто годами терзал нас.

Он поднял взгляд, и в его жёлтых глазах горел огонь, который Альтеус видел только в самых отчаянных моментах.

— Меня зовут Кхэр. Мою сестру - Льен. Нашу младшую - Айра. У нас больше нет дома. Но у нас есть долг. И я хочу отдать его вам. Позвольте мне стать вашим клинком. Вашим щитом. Вашим слугой. Клянусь своей жизнью и жизнями своих сестёр.

Альтеус, ошеломлённый, попытался наклониться, чтобы поднять его. «Встань, не надо...» — начал он. Но тонкая, но сильная рука Амаэрасу легла на его плечо, останавливая его.

— Это их выбор, — мысленно сказала она. — В этом мире клятвы верности не пустые слова. Это договор. Ты должен либо принять его на своих условиях, либо отказать ясно и окончательно. Смягчение сейчас будет жестокостью. Альтеус посмотрел на Кхэра, на его худые, но крепкие плечи, на полную решимости позу. Он посмотрел на Льен, которая стояла позади, обняв Айру, и в её глазах читалась та же решимость и страх быть оставленными. Он вспомнил

пустые глаза деревни и ощутил жгучую тяжесть своей вины. Он не мог дать им назад их дом. Но он мог дать цель.

— Встань, Кхэр, — сказал Альтеус, и его собственный голос обрёл твёрдость.

— Я принимаю твою верность. И верность твоих сестёр. Но мой путь опасен.

Он ведёт в самое сердце тьмы. Вы готовы к этому?

Кхэр поднялся, его лицо озарилось облегчением и суровой радостью.

— Мы готовы. Мы уже видели тьму. Теперь мы хотим идти к свету, что сражается против тьмы.

Альтеус кивнул. Он поднял меч и протянул его обратно Кхэру.

— Тогда пусть этот клинок будет знаком нашего договора. Охраняй его. И охраняй их.

Затем он обернулся к Льен и Айре. Малышка смотрела на него с большим любопытством.

— А... а как нам теперь вас называть, господин? — робко спросила Льен. — И... можно ли нам... получить имена от вас? Настоящие имена? Наши старые... они остались там, с мёртвыми.

Просьба была столь неожиданной и пронзительной, что Альтеус замер. Дать новые имена? Это было как акт усыновление. Он посмотрел на Амаэрасу. Та слегка склонила голову, и в её взгляде читалось: «Твой долг. Твоё решение». Альтеус глубоко вздохнул. Его разум, хранящий память о другом мире, начал работать. Имена должны были быть сильными. Подходящими. И нести надежду.

— Хорошо, — сказал он. — Кхэр... отныне твоё имя будет Джин. В честь непоколебимого духа и стойкости. — Он повернулся к девушке. — Льен, ты будешь Миюки, «прекрасный, счастливый снег», что несёт чистоту и надежду даже после самой суровой зимы. — он присел перед малышкой. — А тебя, маленькая храбрая, я дам тебе имя Хикари - «свет». Чтобы ты всегда несла его с собой, куда бы мы ни шли.

Трое ирбисов слушали, затаив дыхание. Затем на их лицах, впервые за долгое время, появились не тени страха или отчаяния, а слабые, но настоящие улыбки. Они кивнули, принимая дар. Теперь их было пятеро. И их путь, отягощённый прошлым, но освещённый новой надеждой, продолжился вниз, к Дымящимся Равнинам.

8 ГЛАВА «Изобретатель и дракон»

Неделя в пути стала первым подобием рутины. Дни были заполнены дорогой и тяжёлой работой. Амаэрасу, с присущей ей безжалостной эффективностью, взялась за обучение Джина. Их тренировки были больше похожи на суровые испытания на выживание: охота на проворных горных козлов без единого звука, отработка ударов не по мишени, а по настоящим, опасным тварям, которые иногда попадались в лесу. Джин впитывал знания с жадностью, его движения, от природы ловкие, постепенно начали обретать смертоносную отточенность. Миюки, оказавшаяся удивительно сметливой и терпеливой, взяла на себя заботу о быте. Она учила Хикари разделять добычу, разводить почти бездымный костёр и готовить простую, но питательную похлёбку из того, что удавалось найти. Девочка, несмотря на возраст, с серьёзным видом помогала сестре, её детский страх постепенно растворялся в ощущении полезности и безопасности маленького, но сплочённого отряда. Альтеус же каждый вечер, когда лагерь был устроен, уединялся со свёртками, добытыми в Священных Ковенантах. Это были не боевые заклинания, а что-то вроде учебников по основам магической теории и простейшим утилитарным чарам: «Защита от непогоды», «Очищение воды», «Слабый светящийся шар». Он не чувствовал в себе магической искры, но упрямо, по слогам, читал руны, пытаясь понять логику, стоящую за ними. Иногда, после долгой концентрации, ему удавалось заставить камешек слабо светиться или чуть подогреть воду в кружке. Прогресс был ничтожным, но он был. И вот одним тихим вечером, когда Джин чистил улов у ручья, а сёстры раскладывали спальные мешки, Амаэрасу подошла к Альтеусу, сидевшему с развёрнутым свитком. Она молча наблюдала за его тщетными попытками зажечь на ладони стабильный свет, и наконец заговорила мысленно, не нарушая тишины лагеря. «Ты упрям, как баран. Это хорошо. Но светлячка не хватит для того, что нас ждёт впереди. Пришло время обсудить наш следующий шаг.» Альтеус взглянул на неё, отложив свиток.

— Дымящиеся Равнины. Ты говорила, там можно затеряться.

«Затеряться - да. Но не исчезнуть. Нам нужна база. Укрытие. И информация. На Равнинах есть поселение. Называют его просто, Посёлок Углей. Сборная солянка из отщепенцев, беглых рабов, неудачливых искателей приключений и откровенного сброда. Там нет закона, кроме силы и золота.» Она присела на корточки напротив него, её золотые глаза сверкали в свете его едва теплящегося светлячка. «Наш план. Мы входим не как беглецы. Мы входим как группа. Ты молодой лорд или наследник разорённого дома, ищущий уединения для... исследований. Я твой советник и телохранитель. Джин твой оруженосец. Девушки прислуга. Мы снимаем или покупаем самое неприметное жилище на окраине. Мы ведём себя тихо, но не робко. Джин будет продолжать тренировки на местных головорезах, если они полезут. Я буду собирать слухи. А ты...» Она посмотрела на его свитки. «...Ты будешь делать то, что делаешь сейчас. Но с настоящей целью. В Посёлке Углей можно найти не только бандитов. Там оседают и те, кого выгнали из-за их знаний. Алхимики без лицензии, маги-еретики, инженеры, чьи изобретения сочли опасными. Среди этого мусора можно найти жемчужину. Учителя. Или источник силы, который не зависит от природного дара.» Она встала, снова глядя в сторону, откуда должен был тянуться дымок Равнин. «Мы проведём там столько времени, сколько потребуется, чтобы ты перестал быть щенком, а Джин стал настоящим клинком. А затем... тогда мы подумаем о том, чтобы постучаться в двери твоего старого дома. Согласен?» Альтеус поднял руку, жестом останавливая её мысленный монолог. Идеи, роившиеся в его голове с тех пор, как он вновь обрёл воспоминания Ким Док Хо, вдруг обрели чёткую форму, подстёгнутые её словами об «инженерах».

— Подожди, — сказал он, и в его глазах загорелся тот самый огонь рационального изобретательства, который когда-то помогал строить бизнес в Осаке. — Ты говоришь о магических

учителях и еретиках. Это хорошо. Но... инженеры? Кузнецы? Люди, которые создают вещи не магией, а руками, огнём и умом?

Аматэрасу слегка наклонила голову, явно заинтригованная сменой направления мысли. «Такие там тоже есть. Обычно это пьяницы, чьи «изобретения» взрываются, или угрюмые одинокчики, которые ковыряются с механизмами, чтобы не сойти с ума. Редко кто из них чего-то стоит. Зачем они тебе?»

— Потому что магия мне не даётся, — отрезал Альтеус, и в его голосе не было горечи, лишь констатация факта. — А меч... Джин, возможно, скоро будет владеть им лучше меня. Но у меня есть кое-что другое. Знания. Знания о том, как устроен мир... другой мир. Где люди летали без крыльев, общались на расстоянии без кристаллов и лечили болезни без заклинаний. Всё это не магия, а механика. Химия. Физика. — Он встал, начав расхаживать перед костром, его жесты стали оживлёнными. — У меня есть идея. Сырая, безумная, но... Я хочу попробовать создать нечто, что не будет зависеть от моей ничтожной искры магии или моих средних навыков в фехтовании. Оружие. Или инструмент. Что-то, что сможет использовать любой, у кого хватит смелости нажать на спуск или дернуть за рычаг. Что-то, что уравнивает шансы. — Он остановился и посмотрел на Аматэрасу с почти детским энтузиазмом, который она видела в нём впервые. — Если в этом Посёлке Углей действительно можно найти кузнеца, который сможет отковать детали по чертежу, или инженера, который поймёт принцип рычага и пружины... мы можем создать не просто силу. Мы можем создать новые правила. Не только для моей мести. Для всех, кого притесняют те, у кого есть врождённая магия или грубая сила.

Аматэрасу молчала, оценивая его. Не как воина, не как мага, а как нечто третье. Как созидателя. Идея была дикой, пахнувшей порохом и безумием. Но в ней был холодный, расчётливый стержень, который она не могла не уважать. «Новые правила...», мысленно повторила она, и в её тоне прозвучала доля нового, почти испытующего интереса. «Ты хочешь принести в этот мир огнестрел и динамит, двухдушный?»

— Я хочу принести выбор, — поправил он. — И да, возможно, и то, и другое, если получится. Так что да, наш план хорош. Но добавь в него поиск не только магического наставника, но и самого отчаянного, самого голодного до золота и самого талантливого кузнеца или механика в этом сброде. Я хочу с ним поговорить.

Золотистые глаза Аматэрасу сузились, и в них вспыхнул не просто интерес, а настоящая, леденящая душу серьёзность. Мысленный голос её прозвучал не как предупреждение, а как пророчество, высеченное из камня. «Хорошо. Поищем твоего кузнеца-философа. Но прежде чем ты увлечёшься своими чертежами, выслушай меня. Внимательно.» Она сделала шаг вперёд, и её тень, отбрасываемая костром, легла на Альтеуса, словно предвестие. «То, что ты называешь «механикой» и «знанием», в этом мире - диковинка. А диковинка здесь либо быстро становится игрушкой сильных мира сего, либо... семенем нового апокалипсиса. Ты хочешь создать оружие, доступное любому? Представь, что это оружие попадёт в лапы к таким же, как тот кабан. Или к демонам, которые уже показали, как умеют адаптировать и использовать чужие технологии. Ты откроешь ящик Пандоры, двухдушный.» Она провела рукой по воздуху, будто рисуя в нём картины разрушений. «Твоя «химия» может дать не только лекарства, но и яды, от которых не спасёт ни одна магия лечения. Твоя «физика» может построить мосты, но и создать осадные орудия, которые сравняют с землёй не только замки, но и целые города. Мир и так балансирует на краю. Тьма жаждет новых инструментов. А жадность людей... она ненасытна. Как только слухи о твоих изобретениях выйдут за пределы дымного посёлка, за тобой начнется охота. Не за наследником, а за ремесленником, способным ковать новую эру. Или новую гибель.» Аматэрасу наклонилась к нему, и её взгляд стал пронзительным, почти болезненным. «Я не против твоего замысла. Он дерзок. Он... по-драконьи амбициозен. Но я требую от тебя обещания. Не увлекайся. Не создавай того, что может быть обращено против самой жизни. Не выпускай джинна, которого не сможешь контролировать. Ты хочешь изме-

нить правила - меняй их для защиты, а не для всеобщего уничтожения. Иначе...» Она выпрямилась, и её голос в сознании Альтеуса прозвучал с ледяной, не допускающей возражений, окончательностью. «...Иначе я сама стану тем, что уничтожит твою мастерскую, прежде чем она породит нового властелина тьмы. Мой контракт - защищать тебя и твой путь. Но если твой путь ведёт к пропасти для всего живого, я сверну тебе шею сама. Понял?» Это не была угроза. Это была клятва. Клятва хранительницы баланса, которая видела, как безумие одержимых идеями существ ввергало миры в хаос. Альтеус смотрел в её горящие глаза и понимал, что каждое её слово чистая правда. Амаэрасу удалилась, растворившись в ночной тени за пределами круга света от костра. Её последние слова висели в воздухе, тяжёлые и неоспоримые, как закон тяготения. Альтеус долго сидел неподвижно, глядя на потухающие угли. Предостережения драконицы отдавались в нём ледяным эхом. «Ящик Пандоры». «Семя апокалипсиса». Она была права. Он думал об уравнивании шансов, но что, если его изобретение попадёт в руки не к угнетённым, а к новым угнетателям? Он вспомнил кабана в бархате. Таких, жаждущих власти, здесь было много. Он закрыл глаза, пытаясь заглушить этот голос. Но вместо этого перед ним всплыли другие образы. Не кабана, а Джина - с его обломком кости, бросающегося на вооружённого гоблина, чтобы защитить сестёр. Он вспомнил пустые глаза Тар Кхэна, опускающегося на колени. Он вспомнил высохшие тела снежных ирбисов на тропе, умерших от голода в своём же доме. Он открыл глаза. Его взгляд упал на троих выживших. Джин, улыбаясь, показывал Хикари, как правильно точить палку для ловли рыбы. Миюки аккуратно зашивала дыру на его поношенной куртке. Они были живы. Они улыбались. Они ели еду «с земли», точнее, добытую в лесу и на реке. И они были готовы за эту жизнь, за эту миску похлёбки и за шанс на завтра, отдать свою верность. «Сколько таких?», тихо спросил он сам себя, глядя на их мирную сцену. «Сколько Джинов, Миюки и Хикари борются сейчас где-то в темноте, голодают, теряют последнее и готовы есть что угодно, лишь бы выжить?» Слова Амаэрасу были верны с точки зрения вечности, баланса и холодной логики высшего существа. Но у Альтеуса была другая логика. Логика Ким Док Хо, который знал цену каждому куску хлеба. Логика Альтеуса, который видел, как рушится мир обычных людей под ногами магов, драконов и демонов. Он не мог создать оружие массового уничтожения. Она была права. Но он мог создать инструмент. Не для завоевания, а для защиты. Не для того, чтобы дать слабому силу тирана, а чтобы дать ему шанс сказать «нет». Чтобы у следующего Джина в руках был не обломок кости, а нечто, что могло остановить кабана с алебардой ещё на подходе. Чтобы деревни, подобные той, что они оставили позади, могли защитить свои скудные запасы. Его решение созрело не как отказ от идеи, а как её кристаллизация. Он соглашался с Амаэрасу. Он не будет фабриковать пушки. Но он будет искать способ дать слабым зубы. Острые, точные и управляемые. А контроль... что ж, это был его крест. Он должен был быть первым и, если потребуется, последним, кто решит, где проходит грань. Он глубоко вздохнул, поймав взгляд Джина. Тот вопросительно приподнял бровь. Альтеус слабо улыбнулся в ответ и кивнул. Всё в порядке. План оставался в силе. Но теперь у него была и внутренняя конституция, его личный договор с самим собой и с тенью дракона, наблюдавшей за ним из темноты. Неделя пути по предгорьям закончилась, когда впереди, сквозь вечную дымку, выступили первые строения Посёлка Углей. Он не был похож на город - это было хаотичное нагромождение построек из тёмного, пористого камня, обожжённого дерева и ржавого листового металла. Воздух был густым и кислым от запаха серы, дыма кузниц и чего-то ещё, менее определённого отчаяния и пота. Их появление не осталось незамеченным. Пока они пробирались по центральной, утоптанной улице к зданию, которое с натяжкой можно было назвать гильдией (вывеска с потёртым знаком скрещенных молота и кошелька), на них смотрели. Взгляды были разными. Из-за грязных стёкол таверны на них смотрели с небрежным любопытством - очередная группа проходивцев, ничего интересного. Крупный тип у кузницы, вытирая пот с лба, оценивающе окинул их взглядом, задержавшись на позолоченных элементах на одежде Амаэрасу и на добротной, хоть и потрёпанной,

сумке Альтеуса. В его взгляде читался расчётливый, голодный интерес. Из тёмного переулка за ними следила пара тощих фигур с блестящими глазами. Их взгляды, скользившие по сумкам и по худым, но крепким фигурам Джина и девушек, были полны примитивного, животного желания что-то урвать. Но они не решались, возможно, из-за холодной, безразличной ауры, которую излучала Амаэрасу, или из-за боевой стойки, которую инстинктивно принял Джин, почуввав угрозу. Старая женщина, торгующая вяленным мясом с тележки, посмотрела на Хикари, прижимавшуюся к Миюки, и в её запавших глазах мелькнуло что-то, похожее на мимолётную жалость, быстро сменённую привычной апатией. А у дверей самой гильдии, прислонившись к косяку, стоял мужчина в простой, но чистой кожанке. Он не был похож на бандита или пьяницу. Его взгляд, скользнув по Альтеусу, задержался на его руках (ищущих следы мозолей от определённого рода труда?), затем перешёл на Амаэрасу, и в его глазах вспыхнул острый, аналитический интерес, как у учёного, увидевшего редкий экземпляр. Он быстро опустил глаза, сделав вид, что изучает ногти, но напряжение в его позе выдавало его. Они вошли в гильдию, оставив за спиной этот веер взглядов, от безразличия до скрытой угрозы. Внутри пахло пылью, старой бумагой и дешёвым табаком. За столом дремал лысый человек с огромной книгой перед собой. Посёлок Углей их заметил. И теперь им предстояло не просто снять крышу над головой, а вписаться в эту сложную, опасную экосистему, где каждый взгляд мог стоить жизни или, наоборот, открыть дорогу к тому, что они искали.

9 ГЛАВА «Пепел Прошлого для Углей Будущего»

Гильдия внутри оказалась столь же мрачной и утилитарной, как и снаружи. За массивным деревянным столом, исполнявшим роль стойки регистрации, сидел человек. Он не был похож на типичного обитателя дна - его борода была аккуратно подстрижена, просторная рубашка чиста, а взгляд из-под густых бровей был острым и трезвым. Просто человек. Но в этом месте это само по себе было странностью. Он молча наблюдал, как к его столу подходит странная группа: юноша с усталыми, но умными глазами, девушка с огненными волосами и ледяным взглядом, молодой ирбис с мечом на поясе и две другие девушки-ирбиса, одна из которых совсем ребёнок. — Для чего в Угли? — его голос был низким, без эмоций, как скрип несмазанной двери. Амата́расу, не моргнув глазом, устремила на него свой золотистый, пронизывающий взгляд. — Сначала представься. Мужчина медленно перевёл взгляд на неё. Он смотрел несколько секунд, и его карие глаза, казалось, просчитывали что-то. Затем он уловил то, что не видели другие - не магическую вспышку, а самую ауру, окружавшую её, древнюю и подавляющую. Уголки его губ дрогнули в чём-то, отдалённо напоминающем усмешку, но без насмешки. Скорее, как у шахматиста, увидевшего интересный ход. — Гаррет, — отрывисто назвал он себя. — Регистрирую. Учиту́ваю. Продаю и сдаю кров тем, у кого есть чем платить. У вас, судя по виду, есть. Амата́расу, не удостоив его ответом, бросила на стол небольшой, но отяжелевший мешочек. Звук глухого звона золотых и серебряных монет был в этой тишине оглушительным. — Мы покупаем. Дом. Чтобы все поместились. И чтобы в нём можно было жить, а не просто умереть от сырости. Гаррет ловко подхватил мешочек со стола, заглянул внутрь, оценивающе хмыкнул. Но вместо того, чтобы сразу лезть за бумагами, он поднял взгляд и пристально посмотрел на Альтеуса. Его взгляд был тяжёлым, знающим. — Преступников здесь не особо жалуют, — медленно произнёс он. — Даже с деньгами. Особенно тех, за кем идёт охота. Он, не торопясь, достал из-под стола смятый лист бумаги и развернул его на столе перед Альтеусом. Это был дешёво отпечатанный листовой розыск. Изображение было схематичным, но узнаваемый, суровые черты, знакомый разрез глаз. Подпись гласила: «Разыскивается за убийство и похищение. Альтеус фон Арвен. Награда: щедрая». Печать внизу была сильверхеймская. В воздухе натянулась струна. Джин инстинктивно положил руку на эфес меча. Миюки прикрыла собой Хикари. Амата́расу не шелохнулась, но её взгляд стал похож на отточенный клинок. И тогда Гаррет, не меняя выражения лица, спокойно взял листовку, медленно, с хрустом, скомкал её в тугой шар и зашвырнул его под стол. Всё тем же размеренным движением он достал из ящика аккуратно сложенную пачку других бумаг и разложил их. — Эти лучше, — сказал он просто. На бумагах были чертежи и схемы нескольких одноэтажных домов на окраинах посёлка, с указанием внутренней планировки и цены. — Рассмотрите. Выбирайте. Деньги беру вперёд. Вопросов не задаю. Проблемы решаете сами. Гильдия в конфликты не лезет, если её не трогают. Он откинулся на спинку стула, сложив руки на груди, давая им время осознать произошедшее. Он не был другом. Но он был профессионалом. И в Посёлке Углей это, возможно, было ценнее дружбы. Пока Амата́расу с холодной эффективностью изучала планы домов, а Джин с сёстрами вполголоса обсуждали, где будет лучше разместиться, Альтеус сделал шаг в сторону стола. Его голос был тихим, но чётким. — Как часто сюда навешиваются патрули из Сильверхейма? Гаррет, не поднимая глаз от бумаг, которые он аккуратно подшивал в журнал, ответил тем же ровным тоном. — Месяц назад были здесь. Шумные, напыщенные. Искали тебя. Обыскали пару таверн, пошумели, никого не нашли. Ушли, оставив эти, — он кивком указал туда, куда швырнул скомканный розыск. — Сказали: либо поймать, либо сообщить. Больше не появлялись. Он отложил перо и поднял взгляд на Альтеуса. Затем, оглядевшись по сторонам, в гильдии было пусто, кроме них, он наклонился чуть ближе и понизил голос до шепота, грубого и лишённого

всякой театральности: — Но долго вам тут не отсидеться. Новости здесь разносятся быстрее дыма. Уже через день всякий сброд в посёлке будет знать, что в Углях появился парень с деньгами и со странной компанией. А через два кто-нибудь сопоставит слухи с листовкой. Наёмники, бандиты, да и просто голодные до золота соседи... они не будут церемониться. Ваша драконица, — он кивнул в сторону Амата́расу, — Она Впечатляет. Но против толпы и яда даже драконы падают. Альтеус смерил его взглядом. Этот человек не вызывал доверия, но он и не врал. Он был... нейтральной территорией, воплощённой в плоти. — А тебе можно доверять, Гаррет? — спросил Альтеус прямо. Гаррет усмехнулся, коротко, беззвучно, и в этой усмешке не было ни дружелюбия, ни злобы. Была лишь усталая уверенность в себе. — Доверие, дорогая валюта в Углях. Её почти не осталось. Если хочешь проверить пробу... приходи сегодня. Под покровом ночи. Через чёрный ход. Только ты. И мы поговорим. Тогда, возможно, ты получишь ответ на свой вопрос. Он откинулся назад, снова став официальным и отстранённым, как будто только что обсудил цену на дрова. — Итак, выбирайте дом. Ваше время здесь оплачено только до момента выбора. Дом, который они выбрали, был одноэтажной, приземистой постройкой из тёмного вулканического камня на самой окраине посёлка, в стороне от главной улицы. Заплатив сумму, которую Гаррет принял без комментариев, и даже накинув сверху «на чай» (жест, который заставил бровь Гаррета едва заметно дрогнуть), они получили ключи - массивный, ржавый предмет, больше похожий на инструмент пыток. — Приятного новоселья, — бросил им вслед Гаррет, уже погружаясь в свои бумаги, и его голос прозвучал как самое формальное из возможных пожеланий. Как только дверь захлопнулась за ними, маленькая Хикари, забыв на мгновение осторожность, с визгом бросилась исследовать комнаты. Миюки пошла за ней, мягко одёргивая, но и сама с любопытством осматривала новое убежище. Джин, с непроницаемым лицом стража, методично начал обход по периметру, проверяя ставни, двери и заглядывая в каждый тёмный угол. Альтеус и Амата́расу остались в небольшой, пустой гостиной, где пахло пылью и старостью. — Он знает, — тихо сказал Альтеус, повторяя слова Гаррета. — Про патрули, про награду. И... — он посмотрел на драконицу, — он знает, что ты дракон. Назвал тебя «драконицей». Без колебаний. Амата́расу, обычно такая невозмутимая, слегка приподняла бровь. В её золотистых глазах вспыхнуло искреннее удивление, быстро сменившееся холодной настороженностью. «Любопытно. Моя маскировка не из дешёвых. Для смертного, лишённого дара высшего порядка, распознать её... маловероятно. Этот «дряхлый человек», как ты его назвал, не так прост. С ним нужно быть настороже.» — Он пригласил меня сегодня ночью, — продолжил Альтеус. — На личную встречу. Через чёрный ход. Говорит, тогда я узнаю, можно ли ему доверять. Мысленный голос Амата́расу прозвучал резко, как щелчок хлыста. «Ловушка. Примитивная, но эффективная. Выманить тебя одного в темноте.» — Возможно, — не стал спорить Альтеус. — Но это мы узнаем, только если я пойду. Он... он пахнет не предательством. Он пахнет... бизнесом. Всё здесь для него товар. Информация, услуги, безопасность. Может, за правильную цену он сможет стать нашим активом. Или, по крайней мере, не станет проблемой. Амата́расу смотрела на него, её лицо было каменной маской. Внутри неё боролись древняя осторожность и признание того, что в этом душном, опасном месте такой нейтральный посредник мог стоять дороже отряда наёмников. «Это глупо. Безрассудно. Рисковать единственным шансом в этой яме ради сомнительного «доверия» какого-то писаря...» Она замолчала, оценивая. Потом мысленно вздохнула, и в этом вздохе звучало раздражённое поражение. «Но твоя логика, хотя и примитивна, имеет смысл. Мы не можем действовать вслепую. Нужны глаза и уши. И если этот Гаррет действительно продаёт информацию... хорошо. Иди. Но я буду рядом. Невидимой тенью. И если это ловушка...», она не стала заканчивать, но обещание в её взгляде было красноречивее любых слов. Альтеус кивнул. Риск был. Но и возможность тоже. В Посёлке Углей, где каждый мог оказаться ножом в спину, они нуждались хотя бы в одном человеке, чью цену они могли бы знать. И этой ночью он собирался её узнать. Ночь над Посёлком

Углей была не просто тёмной, она была густой, как смола, и зловонной, как дыхание самого вулкана. Альтеус, закутавшись в тёмный плащ с капюшоном, крался по пустынным задворкам, прислушиваясь к каждому шороху. Амаэрасу была где-то рядом, невидимая и безмолвная, но её присутствие ощущалось как лёгкое давление в воздухе. Чёрный ход гильдии был едва заметен: низкая, обитая железом дверь в глухой стене. Он постучал условленным ритмом (два коротких, один длинный). Через мгновение дверь бесшумно отворилась, и в проёме возникла мощная фигура Гаррета. Он молча отступил, пропуская Альтеус внутрь. Комната за дверью была не офисом, а личным кабинетом мастера гильдии. Здесь пахло не пылью, а дорогим табаком, старым деревом и маслом для оружия. Стены были увешаны картами, полки ломились от фолиантов и странных артефактов. За массивным столом, на котором горела единственная лампа, Гаррет снова выглядел иначе не бюрократом, а хозяином логова. — Садись, — сказал он, указывая на кресло напротив. Когда Альтеус устроился, Гаррет откинулся на своём кожаном кресле, сложив руки на столе. — Я Гаррет Волк, мастер гильдии «Серый Утёс» в Посёлке Углей. Не самая престижная должность, но дающая определённую... независимость. Его взгляд, при свете лампы, стал ещё пронзительнее. — Ты спрашивал цену. За молчание. На информацию. — Он сделал паузу, давая словам повиснуть в воздухе. — Но сначала давай проясним, кто мой клиент. Альтеус фон Арвен. Наследник павшего герцогства Арвенхельм, объявленный в розыск за убийство и похищение Сильверхеймом. Сопровождается: одним драконом высшего порядка в человеческом обличье, три представителя почти истреблённого народа снежных ирбисов. Цель пребывания в Углях: не указана, но явно не туризм. Он произнёс это ровно, без эмоций, как зачитывал бы описание товара. — Так. Теперь о цене. Молчание гильдии стоит двести крон в месяц. Плюс единовременный вступительный взнос в пятьсот. Это гарантирует, что никакая официальная бумага с твоим описанием не покинет мою контору, и мои люди будут слепы и глухи к тебе. — Он поднял палец. — Информация отдельно. Она бывает разной. Сводка по перемещениям сильверхеймских агентов в регионе пятьдесят крон. Поиск конкретного человека или предмета в Углях от ста, в зависимости от сложности. Консультация по местным... властным структурам и потенциальным угрозам семьдесят пять. И так далее. — Гаррет отхлебнул из стоявшей на столе металлической фляги. — Я не продаю иллюзии. Я продаю факты и нейтралитет. Ты платишь, я выполняю. Ты нарушаешь договор, я становлюсь самой большой из твоих проблем. Всё ясно? Альтеус мысленно прикидывал суммы. Деньги у них были, часть из сокровищницы данжа, но они не были безграничны. Каждый потраченный крон приближал день, когда им снова придётся рисковать. Он уже открыл рот, чтобы начать торг, но Гаррет поднял руку, останавливая его. — Есть одно «но», — сказал мастер гильдии, и в его голосе впервые за всю встречу прозвучала не деловая расчётливость, а что-то другое. Глубоко спрятанная, но живая нота. — Всё это... молчание, информация, даже некоторая защита... может стоить тебе дешевле. Гораздо дешевле. Может, даже даром. — Он наклонился вперёд, и свет лампы выхватил резкие тени на его лице. — Взамен мне нужна информация. Не о сокровищах или планах. О человеке. О девушке, которая жила в Арвенхельме. Её звали Элис. Имя прозвучало в тишине кабинета как выстрел. Альтеус вздрогнул так, будто его ударили током. Воздух из лёгких вырвался со свистом. — Элис? — прошептал он, не веря своим ушам. — Ты... ты знаешь Элис? — Я спрашиваю о ней, — поправил Гаррет, но его глаза, пристальные и непроницаемые, выдавали, что вопрос не был праздным. — Она была горничной в герцогском замке. Я знаю, что она погибла в ту ночь. Но как? Как она жила? Что... что она собой представляла? Вопросы сыпались градом, и в каждом сквозила не простая любознательность. Альтеус смотрел на этого сурового, циничного человека, и в его голове что-то щёлкнуло. Связь была слишком странной, чтобы быть случайной. И тогда, глядя в эти ожидающие глаза, Альтеус понял, что ему нечего терять, рассказывая правду о ней. Элис заслуживала памяти, а не забвения. Даже если это воспоминание принесёт боль. — Элис была... лучшим человеком,

которого я знал, — начал он тихо, и голос его дрогнул. — Не только горничной. Другом. Единственным, кто видел во мне не наследника, не неудачника, а просто... Альтеуса. И он рассказал. О её безудержной жизнерадостности, о том, как она умела подбодрить даже в самые мрачные дни. О её преданности, которая в последнюю секунду оказалась сильнее инстинкта самосохранения. Он описал, как она толкнула его в укрытие, приняв стрелы в свою спину. Как её глаза остекленели, а на губах выступила кровь. Как она умерла, спасая его, даже не успев понять, что происходит. Он не приукрашивал, не делал из неё святую. Он рассказал и о её мелких шалостях, о том, как она могла закатить глаза, устав от его упрямства, о её простой, но чистой вере в него. Когда он закончил, в кабинете стояла тяжёлая тишина. Гаррет не двигался. Его лицо было каменной маской, но в его глазах, прищуренных и устремлённых куда-то в прошлое, бушевала целая буря. Он медленно опустил голову, сжав кулаки так, что костяшки побелели. — Так, — наконец произнёс он, и его голос был хриплым, как будто он долго не пользовался им. — Так она и ушла. Смело. Как и жила. — Он поднял взгляд на Альтеуса, и в нём уже не было прежней холодной отстранённости. — Элис... была моей дочерью. Моей единственной дочерью. Я отправил её в Арвенхельм, подальше от... от моей жизни. Думал, там она будет в безопасности. В услужении у благородного дома. — Он горько усмехнулся. — Видимо, я ошибся. Во всём. Теперь всё вставало на свои места. Его знание, его интерес, эта странная готовность помочь. Это была не бизнес-сделка. Это была плата за правду. За последний портрет дочери, нарисованный словами того, кто знал её в последние годы её жизни. Гаррет долго молчал, переваривая услышанное. Горечь и гордость боролись на его лице, прежде чем оно снова стало непроницаемым, но уже по-другому, не как маска нейтралитета, а как щит, за которым скрывалась рана. — Она не стала бы рисковать жизнью за отброса, — наконец проговорил он, и его голос обрёл новую, тихую твёрдость. — Значит, ты был для неё кем-то. Кем-то достойным. А значит, и для меня теперь тоже. — Он отодвинул от себя флягу и скрестил руки на столе. — Гильдия будет твоим щитом, пока ты в Углях. Информация за счёт заведения. Но... — он пристально посмотрел на Альтеуса, — Чтобы щит не треснул, мне нужно знать, от чего именно защищаться. Что такого ты натворил в Сильверхейме, что за тобой охотятся с таким рвением? Убийство и похищение... звучит громко, но в этом болоте и не такое прощают за пару золотых. Здесь что-то другое. Альтеус вздохнул. Он уже рассказал самое сокровенное об Элис. Что ещё могло быть опаснее? Он посмотрел в глаза Гаррету, глазам отца Элис и понял, что лукавство здесь будет оскорблением её памяти. — Я ничего не натворил, — сказал он прямо. — Преувеличили. Я наследник Арвенхельма. Последний, кого считали мёртвым. Лорд-регент Сильверхейма, Кассиан Грей, нашёл меня и попытался превратить в своё орудие. Я сбежал. А теперь он, должно быть, объявил меня предателем и вором, чтобы оправдать свой провал и, возможно, продолжить охоту. «Похищение» это, наверное, я сам себя «похитил» из-под его носа. А «убийство»... — он горько усмехнулся, — это, вероятно, те бандиты в горах, что пытались убить меня и деревню снежных ирбисов, которых я... попытался защитить. Он рассказал всё. О тёмнице, о плане побега в данж, о встрече с Амата́расу, о кровавой развязке в деревне Кхайла. Не оправдывался, не приукрашивал свою неумелость, просто излагал факты. Гаррет слушал, не перебивая, лишь изредка проводя рукой по бороде. Когда Альтеус закончил, мастер гильдии долго смотрел на карту, висевшую на стене. — Кассиан Грей, — наконец произнёс он имя, и оно прозвучало как проклятие. — Жаден, как крыса, и опасен, как скорпион. Если он заинтересовался тобой лично, то дело не только в твоём происхождении. В Арвенхельме что-то было. Что-то, что ему нужно. Или ты сам ключ к чему-то. — Он повернулся к Альтеусу. — Ладно. Теперь я в курсе. Твои проблемы стали моими. Отчасти. Пока ты не лезешь на рожон и не пытаешься устроить тут революцию, «Серый Утёс» обеспечит тебе тихую гавань. И кое-какие уши. О Кассиане и его агентах буду сообщать. Но помни: я не воин. И драконы, и ирбисы это силы, с которыми моя гильдия в открытую не сражается. Я даю информацию

и тень. Всё остальное твоя забота. — Он протянул руку через стол не для рукопожатия, а с маленьким чёрным жетоном, на котором был выгравирован стилизованный утёс. — Это пропуск. Мои люди узнают его. Используй с умом. А теперь иди. И береги себя, мальчик. Ради неё. Альтеус уже повернулся к двери, сжимая в руке холодный металл жетона, но остановился. Ещё одна мысль не давала ему покоя. — Гаррет, — спросил он, обернувшись. — В Углях есть кузнец? Или... инженер? Кто-то, кто работает не только по шаблону, а способен создать что-то новое. По чертежам. Мастер гильдии задумался, постукивая пальцами по столу. — Был, — наконец ответил он. — Старик Торбин. Сумасшедший, но гений. Ковал не только мечи, но и всякие хитрые механизмы с пружинами и шестерёнками. Местные над ним смеялись, но его работы... они работали. Пока не сломаются самым неподходящим образом. — Он вздохнул. — Но когда сюда нагрянули серебряхеймские рыцари в поисках тебя, они забрали и его. Говорили, «для консультации по некоторым артефактам». Не думаю, что он вернётся. Кассиан любит собирать умы в своей коллекции. — Чёрт, — вырвалось у Альтеуса с такой искренней досадой, что даже Гаррет слегка приподнял бровь. Это был удар. Его главная надежда на создание чего-то нового в этом мире только что растворилась в дыму Сильверхейма. И тогда воздух в комнате сгустился. От тени в самом дальнем углу, где её точно не было секунду назад, отделилась фигура. Амаэрасу предстала во весь рост, её золотистые глаза горели в полумраке, как у настоящего хищника. Она вышла из укрытия так бесшумно, что даже Гаррет, казалось бы, ко всему готовый, едва заметно вздрогнул. «Вопрос, на который ты не ответил, мастер Гаррет», прозвучал в воздухе её мысленный голос, холодный и острый, как лезвие. «Как ты, смертный, без магического дара высшего порядка, сумел распознать мою природу? Знание о драконах одно. Но увидеть сквозь маскировку такого уровня... Это не просто опыт. Кто ты на самом деле?» Её присутствие наполнило комнату древней, подавляющей силой. Это был не допрос, а требование. Амаэрасу терпела многое, но угрозу своей безопасности и тайны, даже от неожиданного союзника она игнорировать не собиралась. Гаррет встретил её взгляд без страха, но и без вызова. Лишь с той же усталой, глубокой уверенностью, что была в нём всегда. — Моё прошлое, госпожа дракон, похоронено в таких местах, куда даже ваше пламя, пожалуй, не достанет, — его голос был твёрд, но лишён дерзости. — И выкапывать его мне не хочется. Достаточно знать, что я не враг. И что ваша тайна в Углях в безопасности. Мне самому это невыгодно, драконья ярость плохо сказывается на бизнесе, да и на здоровье. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Теперь, пожалуйста, покиньте мой кабинет. Деловые отношения установлены. Ночные визиты и допросы в них не входят. Амаэрасу не двигалась, её взгляд всё ещё буравил Гаррета. Но Альтеус почувствовал, как давление в воздухе слегка ослабевает. Драконица, казалось, принимала его ответ не как полную правду, но как достаточную гарантию на данный момент. Альтеус уже направился к двери, когда Гаррет окликнул его: — Эй, мальчик. — Альтеус обернулся. Гаррет порылся в ящике стола и швырнул ему через комнату связку старых, засаленных ключей. Альтеус поймал их на лету. — Мастерская Торбина. На самом краю посёлка, у подножия Чёрной скалы. По закону она теперь принадлежит гильдии. Бери. Если уж так рвёшься что-то мастерить... — он пожал плечами, — Не мне мешать. Только, ради всех богов, постарайся не взорвать пол посёлка. Убираться за тобой не входит в нашу сделку. В его словах не было одобрения, лишь практичное признание неизбежности. Но для Альтеуса эти ключи значили больше, чем любые заверения в лояльности. Это был шанс. Плоть от плоти его замысла. — Спасибо, — коротко кивнул Альтеус, сжимая ключи в кулаке. Они были холодными и тяжёлыми, как обещание. Амаэрасу, так и не сказав больше ни слова, развернулась и растворилась в тени у двери. Альтеус вышел следом, и чёрный ход бесшумно закрылся за ними. Ночь была по-прежнему тёмной, но теперь у Альтеуса в руке был не только жетон на защиту, но и ключи к будущему. Пусть и тому, что пахло ржавчиной, пылью и призраком пропавшего кузнеца. Тишина в их новом доме после возвращения казалась гулкой и насыщенной невысказанными мыслями. В спальне уже

спали сёстры, а Джин нёс первую вахту у приоткрытого окна. Амаэрасу и Альтеус остались в главной комнате, освещённой единственной тусклой лампой. — Итак, — начал Альтеус, раскладывая на грубом деревянном столе жетон Гаррета и ключи от мастерской. — У нас есть кое-что. Информация через Гаррета. «Уши» в посёлке. Ты и Джин как сила. План отсидки и подготовки. И... — он потряс ключами, — шанс создать что-то своё. Амаэрасу кивнула, её золотистые глаза скользили по этим нехитрым трофеям. «План прост. Дом на Миюки и Хикари. Они должны освоиться, изучить посёлок, узнать, где что купить, как себя вести. Джин продолжит обучение. Я буду его кузнецом и тенью. А ты...» она посмотрела на него, «... будешь пытаться высечь искру из камня в той мастерской. Но не забывай и об этом». Она легонько ткнула пальцем в свёрток с магическими манускриптами, лежавший рядом. «Магия этого мира может открыть тебе двери, которые не отопрёшь молотком. Уделяй ей время. Хотя бы час в день.» — Я знаю, — согласился Альтеус. — По часу утром и вечером. Обещаю. Амаэрасу, казалось, осталась довольна этим компромиссом. Она кивнула и, не прощаясь, бесшумно скрылась в отведённой ей комнате, оставив Альтеуса наедине с тишиной и своими мыслями. Он остался сидеть за столом, глядя на пламя в лампе. План был. Шаги понятны. Но в его голове, как назойливая муха, крутился один и тот же, нерешённый вопрос. Гаррет дал им передышку, но не вечность. Солдаты Сильверхейма могли вернуться в любой момент. Или наёмники, соблазнённые наградой, могли выследить их сами. «Устраивать поле боя в посёлке не лучший вариант», думал он, глядя на стену, за которыми спала маленькая Хикари. Здесь были не только бандиты. Были обычные люди, пусть и отчаявшиеся. Дети. Семьи. Если начнётся резня, они пострадают первыми. Бежать, прячась за их спинами? Нет. Это было бы ещё одним предательством. И тогда встал главный, самый мучительный вопрос, на который у него не было ответа: Куда? Вернуться в горы? Они уже знали эту тропу, их там могли ждать. Уйти глубже в Дымящиеся Равнины? Это была негостеприимная, отравленная земля, где можно было скорее погибнуть от тварей или ядовитых испарений, чем найти убежище. Попытаться пробиться через границу в другое королевство? О каких королевствах можно было говорить, если весь континент, судя по рассказам, трещал по швам под натиском тьмы? Он был как шахматист, сделавший несколько ходов, но не видящий доски дальше середины игры. У них была крепость, но без тыла. Армия из четырёх человек и дракона. И враг, который был где-то там, в тумане, но мог материализоваться в любой момент. Альтеус потушил лампу и ушёл в отведённую ему маленькую комнату. Лёжа в темноте, он смотрел в потолок и шептал про себя, как мантру, вопросы, на которые должен был найти ответ: — Куда бежать? Где безопасно? Где можно не просто выживать, а... готовиться? Где найти союзников, а не просто нейтральных торговцев информацией? Ответов не было. Лишь упрямая решимость, что он должен их найти. И быстро. Неделя пролетела в странном, напряжённом ритме. В доме, благодаря Миюки и Хикари, воцарилось подобие уюта. Появились самодельные занавески, пахло травяным чаем и свежей выпечкой из скудных запасов муки. Девочки осторожно освоились с ближайшими улицами, узнав, где можно купить еду, не привлекая лишнего внимания. На пустыре за домом Джин и Амаэрасу проводили часы в изнурительных тренировках. Движения юного ирбиса стали быстрее, точнее, смертоноснее. Он учился не просто бить, а использовать свою природную ловкость, превращаясь в стремительную, молчаливую тень. Амаэрасу была безжалостным учителем, но её редкие, скупые кивки говорили о прогрессе больше, чем любые похвалы. А вот в мастерской Торбина прогресса не было. Совсем. Альтеус провёл там каждую минуту, не занятую базовой магической практикой (которая, к слову, тоже шла черепашными шагами). Мастерская представляла собой хаос: горы мусора, потухшие и холодные, груды непонятного лома, странные станки, покрытые вековой пылью и ржавчиной. Он пытался разобраться в чертежах из своей памяти, пытался понять местные материалы, пытался хотя бы разжечь горн правильно. Всё заканчивалось неудачами: металл не плавился как надо, инструменты ломались в руках, а его попытки собрать простейший механизм из подручных

деталей превращались в груды бесполезного хлама. Он чувствовал себя идиотом. Ким Док Хо строил дома, а его наследник не мог склепать даже примитивную арбалетную ложку. Как раз в один из таких моментов отчаяния, когда он сидел на корточках перед очередным своим «творением», представлявшим собой криво согнутые металлические полосы, дверь в мастерскую скрипнула. В проёме возникла массивная фигура Гаррета. За прошедшую неделю мастер гильдии стал почти привычной частью их нового быта. Он не навязывался, но регулярно появлялся, то с пакетом еды «от гильдии новосёлам», то с короткими, деловыми сводками: «На восточной заставе видели двух подозрительных, похожих на сильверхеймских скаутов. Ушли на север». «Банда «Ржавых Когтей» ссорится из-за дележа, до вас им пока нет дела». Его помощь была ненавязчивой и точной. Альтеус, не поднимая головы от своего неудачного изобретения, буркнул: — Какие новости на сегодня, Гаррет? Ещё скауты? Или, может, хорошие новости, например, что этот хлам, — он пнул ногой металлическую полосу, — сам собой собрался во что-то полезное? Гаррет, не обращая внимания на его тон, зашёл внутрь, оглядывая творческий беспорядок с профессиональным безразличием. — Новости есть. Не скауты. Гораздо интереснее. Гаррет стоял посреди мастерской, его обычно невозмутимое лицо было серьёзнее обычного. Новость, которую он принёс, висела в пыльном воздухе, как запах грозы. — Кто-то слил информацию. Чисто, профессионально. Не местный сброд. Его голос был ровным, но каждый слог отдавался в тишине тяжёлым ударом. — Рыцари Сильверхейма уже в пути. Во главе с самим маршалом Роландом де Марком. Не шутка. Он не из тех, кто посылает других за своими целями. Через четыре дня будут здесь. Может, даже раньше, если по торопятся. Он посмотрел на Альтеуса прямо. — Собирай своих. Этой ночью. Уходи. Пока есть куда и пока тропы не перекрыли. Альтеус сжал кулаки, его взгляд скользнул по грудке металлолома, над которой он бился неделю. Бежать. Опять. С пустыми руками. Ненавистное чувство беспомощности подкатило к горлу. — Четыре дня... — пробормотал он, больше самому себе. — Так быстро... Гаррет, следуя за его взглядом, нахмурился. Он подошёл к грудке неудачных изобретений, поднял одну из кривых металлических полос, покрутил её в руках. — Ты что, всё это время пытался ковать чистое железо? Без инграм? Без фокусных кристаллов? — Фокусных... что? — Альтеус поднял голову, не понимая. Гаррет удивлённо хмыкнул, как будто ему объяснили, что человек пытался летать, махая голыми руками. — Магические камни, мальчик. Инграммы для стабилизации энергии в механизмах. Фокусные кристаллы для накопления и высвобождения силы. Торбин был чудачком, но не идиотом. Он покупал их на чёрном рынке. Здесь, в Углях, такое есть. Раз в сезон сюда приезжают... специфические торговцы. Проводят аукцион в старых шахтах на глубине. Без лишних глаз. Альтеус замер, в его голове щёлкнул выключатель. Магические камни. Не как источник заклинаний, а как... батарейки! Стабилизаторы! В его мире не было магии, но были принципы. Принцип сохранения энергии, передачи силы. Здесь магия была частью физики. Он пытался построить двигатель внутреннего сгорания в мире, где топливом могла быть концентрированная магия! — Когда следующий аукцион? — спросил он, и в его голосе зазвучала новая, лихорадочная энергия. Гаррет покачал головой, как бы сожалея о том, что сейчас скажет. — Послезавтра. Ночью. Но, Альтеус... у тебя нет четырёх дней. У тебя есть эта ночь, чтобы исчезнуть. — Значит, я задержусь на два дня, — твёрдо заявил Альтеус, встречая его взгляд. — Роланд де Марк будет здесь через четыре дня. Аукцион послезавтра. Мы успеем купить то, что нужно, и уйти за день до его прихода. — Это безумие, — отрезал Гаррет. — Риск колоссальный. — Риск остаться без инструмента, способного изменить правила, ещё больше, — парировал Альтеус. — Мы прятались. Бежали. Пришло время получить хоть что-то, что даст нам не просто шанс выжить, а шанс дать отпор. Я иду на этот аукцион. В его глазах горела та самая решимость, которая заставила Элис броситься под стрелы. Гаррет смотрел на него несколько секунд, затем тяжело вздохнул, понимая, что не переубедит. — Чёрт с тобой. Я дам тебе контакт и пароль. Но это на тебе. Если тебя схватят до аукциона или на нём

я даже глазом не моргну. Договорились? — Договорились, — кивнул Альтеус. Теперь у него был новый, отчаянный срок. И новая, блестящая надежда в виде магических камней. Вечером того же дня в доме царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня в очаге. Альтеус собрал всех в главной комнате. Лицо его было серьёзным. — Рыцари Сильверхейма во главе с маршалом де Марком будут здесь через четыре дня, — сообщил он без предисловий. Тишина стала гулкой. Миюки инстинктивно обняла Хикари. Джин стиснул челюсти, его рука потянулась к мечу. Амата́расу, стоявшая у камина, медленно повернула голову. Золотистые глаза загорелись холодным пламенем. «Значит, мы уходим. Сейчас. Ночью. Пока тропы свободны», прозвучал её мысленный голос, не допускающий возражений. — Я попрошу у тебя два дня, — сказал Альтеус, встречая её взгляд. — Послезавтра здесь, в Углях, будет аукцион. Магические камни, фокусные кристаллы. То, что может стать ключом. Мне нужно это. «Безумие», мысленно прошипела Амата́расу, и в воздухе запахло озоном. «Ты рискуешь всеми нами ради шанса купить блестящие камушки? Мы можем найти их в другом месте.» — Мы искали! И бежали! — голос Альтеуса дрогнул от нахлынувшей ярости. — Я устал бежать с пустыми руками! Эти «камушки» могут стать тем, что позволит нам не просто убежать в следующий раз, а остановить их. Я иду. С двумя днями мы успеем. С де Марком на хвосте или без. Амата́расу смирila его долгим, испепеляющим взглядом. Она видел в нём не упрямого ребёнка, а человека, принявшего решение, от которого он не отступит. Молчаливый поединок длился целую вечность. Наконец, она резко отвела взгляд. «Два дня. Ни минутой больше. Если к утру третьего дня ты не вернёшься с тем, что обещает переломить ход войны, я утащу тебя отсюда силой, даже если придётся сжечь половину посёлка. Понял?» Альтеус кивнул, не в силах вымолвить слова. Риск был чудовищным, но альтернатива, вечное бегство была для него теперь страшнее. Через один день, глубокой ночью, Альтеус стоял у не приметного входа в заброшенную шахту на окраине посёлка. Отверстие в скале охраняли двое безликих стражей в чёрных плащах. Альтеус, закутанный в тёмный плащ с глубоким капюшоном и в простой деревянной маске, покрытой сажей, произнёс хриплым шёпотом пароль, данный Гарретом: «Пепел прошлого для углей будущего». Его пропустили! Внутри шахта открывалась в неожиданно просторное подземное помещение. Это был не просто туннель, а целый зал с высокими сводами, грубо выдолбленными в скале. Вдоль стен горели факелы в железных держателях, отбрасывая пляшущие тени на каменные стены. Посередине стояли ряды простых деревянных скамей, как в убогом театре или церкви для отверженных. Напротив них была устроена небольшая каменная площадка - импровизированная сцена. Зал уже наполнялся людьми, вернее, тенями. Все посетители были тщательно закутаны и скрыты под масками, накидками, капюшонами. От них исходил шепот, запах дорогих, чуждых этому месту духов, смешанный с запахом пота, пыли и металла. Здесь собрался весь сброд и элита подпольного мира. Альтеус, стараясь не привлекать внимания, занял место на одной из задних скамей. Он сидел неподвижно, сжимая в кармане плаща небольшой мешочек с золотом, почти все их сбережения. Его сердце билось громко, но разум был холоден и ясен. Он ждал. Ждал начала торгов, которые, как он надеялся, дадут ему в руки не просто камень, а оружие против надвигающейся бури. Аукцион начался с предсказуемого хлама: зазубренные клинки сомнительного происхождения, поблёкшие амулеты с потускневшей магией, доспехи со следами чужих битв. Альтеус наблюдал за этим с равнодушием, экономя силы и внимание. Его интересовало одно. Но затем тон ведущего, сухого человека в чёрном, изменился. Лоты стали... живыми. Сначала на площадку вывели пару измождённых эльфов с завязанными глазами, их уши были обрезаны в знак позора. Потом молодого зверолова с волчьими чертами, закованного в кандалы, который рычал, пока его не ударили дубинкой. Затем шли обычные люди, мужчина и женщина, с пустыми глазами, объявленные как «обученная прислуга». Цены на них росли с ледяной, деловой скоростью. Альтеус сидел, сжимая кулаки под плащом. Отвращение поднималось к горлу. Он хотел вскочить, крикнуть, но разум Ким

Док Хо, выживальщика, пригвоздил его к месту. «Ты не спасёшь их. Ты погубишь себя и всех, кто от тебя зависит. Это система. Ты не можешь сломать её сейчас.» Это было горькое, унижительное понимание своего же бессилия. Наконец, после того как последний «живой товар» был уведён со сцены, ведущий вынес небольшой ларец из чёрного дерева. Он открыл его, и изнутри хлынул холодный, фиолетовый свет, заливший мрачный зал неестественным сиянием. Камень внутри был размером с кулак, его поверхность переливалась, словно наполненная жидкой, застывшей молнией. От него исходила почти осязаемая вибрация власти. — Лот номер сорок семь, — объявил ведущий. — Кристалл скверны, добытый в глубинах Проклятых равнин. Концентратор первозданной магии хаоса. Идеален для усиления заклинаний, питания артефактов... или для иных, более амбициозных проектов. Стартовая цена - пятьсот крон. Альтеус почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Это было оно. То, что ему нужно. Ключ. Источник силы, независимый от его собственного дара. — Пятьсот пятьдесят, — тут же раздался голос слева. — Шестьсот, — добавил кто-то сзади. Альтеус вступил в бой. — Семьсот. Цены росли. Постепенно менее состоятельные или менее заинтересованные участники выбывали. Но один голос не сдавался. Женский голос, спокойный и уверенный, доносившийся с противоположного конца зала. Та самая, что уже скупил пару редких артефактов и одного из эльфов-рабов. — Тысяча. — Тысяча двести. — Тысяча четыреста. Альтеус стиснул зубы. Его мешочек с золотом таял на глазах. А женский голос звучал так, будто она называла цены на хлеб. Раздражение и отчаяние кипели в нём. Он не мог проиграть. Не сейчас. — Две тысячи крон! — выкрикнул он, поднимаясь с места. Его голос, искажённый маской и эмоциями, прозвучал резко и громко. В зале воцарилась тишина. Ведущий замер с молотком в руке. Все взгляды, скрытые под масками, устремились на него. Соперничающий женский голос замолчал. Казалось, прошла вечность. — Две тысячи крон! Есть больше? Раз... два... — молоток опустился с глухим стуком. — Продано! Господину в чёрном! Облегчение, сладкое и головокружительное, смешалось с ужасом от потраченной суммы. Альтеус, стараясь не выдавать дрожи в коленях, поднялся и направился к боковому проходу, ведущему за сцену, где происходили расчёты и передача лотов. Он шёл, чувствуя на себе тяжёлый, пристальный взгляд той самой женщины. Но сейчас это не имело значения. У него был камень. Проходя за сцену по узкому, тускло освещённому коридору, Альтеус не мог не заметить ряд грубых железных клеток, стоящих в стороне. В них сидели те, кому не нашлось покупателя на аукционе, самые измождённые, самые отчаявшиеся. Пустые глаза смотрели в никуда. Продавец, низенький юркий человечек с потёртыми счетами в руках, заметил его взгляд. — А, эти? — махнул он рукой с деловым безразличием. — Неходовой товар. С аукциона сняли. Продаём по себестоимости, господин. Не желаете присмотреть? Молодая эльфийка ещё крепкая, сами понимаете для чего, или вот тот орк - на тяжёлую работу сойдёт. Альтеус хотел было отвернуться, чувствуя очередной приступ беспомощной ярости, когда за его спиной раздался тот самый, знакомый женский голос, спокойный и мелодичный: — Я бы посоветовала того, в дальней клетке. Слева. Альтеус резко обернулся. За ним, в нескольких шагах, стояла женщина в сером дорожном плаще и серебристой маске, скрывавшей верхнюю часть лица. От неё исходил лёгкий аромат полыни и старого пергамента. Это была его аукционная соперница. Не говоря ни слова, Альтеус повернулся и посмотрел туда, куда она указала. В самой дальней, тёмной клетке, прислонившись спиной к прутьям, сидел человек. Не эльф, не зверолод. Просто человек. Его лицо было покрыто грязью и щетиной, волосы спутаны, а некогда добротная кольчуга висела на нём лохмотьями. Но даже в таком виде Альтеус узнал его. Прямой, как клинок, нос, шрам над бровью, полученный в стычке с орками на границе... и глаза. Глаза, которые когда-то смотрели на него с суровой, но справедливой строгостью на тренировочном плацу Арвенхельма. Бранд. Сэр Бранд, рыцарь герцогства, один из ближайших друзей и советников его отца, Каэлена. Тот самый, кто вложил в его руки первый деревянный меч и терпеливо, раз за разом, поправлял его стойку. Человек, которого он

считал мёртвым, как и всех остальных. Сердце Альтеуса замерло, а потом забилося с бешеной силой. Он даже не думал. Он знал. — Его, — хрипло сказал он продавцу, указывая на клетку. — Сколько? Продавец, удивлённый такой решительностью после молчаливого созерцания, быстро пролистал свои бумаги. — Э-э... этот? Да он тут со времён прошлого аукциона... Двести крон, и он ваш. Бумага об освобождении после полной оплаты. «Освобождении». Какое лицемерие. Альтеус кивнул. — Хорошо. Добавьте к моему счёту. Продавец что-то записал и протянул ему грязный свиток. — Комната расчётов в конце коридора. Там получите и камень, и... э-э... товар. Сэр. Альтеус взял свиток, даже не взглянув на загадочную незнакомку, которая всё ещё стояла неподалёку. Весь его мир сузился до этой клетки в дальнем углу и до человека за её решёткой. Он почти побежал к указанной двери, неся в себе вихрь эмоций: шок, ярость, надежду и леденящий страх, а что, если это ловушка? Что если Бранд сломлен, или того хуже, стал приманкой? Но выбора не было. Он не мог оставить его здесь. Альтеус почти достиг двери с вывеской «Расчёт», когда серая тень преградила ему путь. Это была она. — Кто вы? — её голос звучал уже не как на аукционе, а тише, задумчивее, будто она прислушивалась к чему-то. — От вас исходит... любопытный аромат. Древний. Иной. Я такого ещё не встречала. Альтеус, не замедляя шага, попытался пройти мимо, уставившись в дверь. Ответа не последовало. — Молчание тоже ответ, — продолжала она, идя рядом с ним, её шаги были бесшумными. — Но не самый интересный. Я могла бы вам помочь. Или... узнать вас получше. Он не оборачивался, его пальцы сжимали свиток так, что бумага хрустела. Он был в двух шагах от двери. И тогда она схватила его за запястье. Хватка была неожиданно сильной, железной, нечеловечески холодной. Она резко развернула его к себе. Альтеус встретился с ней взглядом. И сквозь прорези в серебристой маске он увидел глаза. Они были ярко-алыми, как только что пролитая кровь, и светились изнутри своим собственным, зловещим светом. Они смотрели не на его лицо, а сквозь него, будто пытаясь разглядеть очертания его души, эхо прошлой жизни, саму суть его двойственной природы. — Отпусти, — прошипел Альтеус, пытаясь вырваться, но её хватка не ослабевала. Алые глаза сузились, полные хищного интереса. Она что-то почувствовала. Что-то увидела. — Торопишься? — её губы под маской тронула лёгкая улыбка. — Как жаль. Надеюсь, ненадолго. Она вдруг разжала пальцы. Альтеус, потеряв равновесие, отшатнулся к двери. Не оглядываясь, он рванул ручку и скрылся в комнате расчёта, захлопнув дверь у себя за спиной, как будто пытаясь отгородиться от самого взгляда. Снаружи, в полумраке коридора, женщина медленно подняла руку, которой только что держала его. На её указательном пальце, чуть ниже перчатки, алела капля крови. В пылу схватки, её ноготь, острый как бритва, чуть зацепил его кожу. Она пристально посмотрела на эту каплю, затем, неспеша, приподняла край маски у губ. Бледный, идеальный язык скользнул наружу и коснулся капли. Она замерла. Её алые глаза расширились на миг от чистого, безудержного изумления, а затем вспыхнули таким жадным, ненасытным интересом, что воздух вокруг похолодел. Она опустила маску на место и медленно облизала губы, как бы смакуя послевкусие. — Вкусно, — прошептала она в тишину, и её голос был полон тёмного восторга. — О, как вкусно... и странно. Надеюсь, мы ещё встретимся, загадочный незнакомец. Очень на это надеюсь. Она развернулась и растворилась в тенях коридора, оставив после себя лишь лёгкий шлейф полныни и ощущение невысказанной, древней угрозы. Комната расчёта была крошечной и утилитарной: голый стол, суровый кассир с щитом, отделявшим его от клиентов, и пара стражников у другой двери, видимо выхода. Воздух пах медью, пергаментом и страхом. Альтеус, всё ещё чувствуя на спине жгучий след того алого взгляда, молча протянул свиток и мешочек с золотом. Кассир, не глядя ему в лицо, быстро пересчитал монеты, сверился с записями и кивнул. Один из стражников исчез и вернулся с небольшим, тяжёлым ларцом из чёрного дерева (фиолетовый свет изнутри был плотно приглушён тканью) и с человеком в кандалах. Бранда подвели ближе. Он шёл, опустив голову, не сопротивляясь. Кандалы на его запястьях и лодыжках звенели при каждом шаге. Стражник грубо вручил Альтеусу ключ от кандалов и короткий свёрток «бумаги

об освобождении». — Второй выход. Не задерживайтесь, — буркнул кассир. Альтеус взял ларец под мышку, ключ и бумаги в другую руку, и кивком велел Бранду следовать за ним. Они вышли в холодную ночь через потайную дверь, ведущую прямо в лес за окраиной шахты. Они шли молча несколько минут, углубляясь в чащу, пока огни посёлка не превратились в тусклое зарево за спиной. Только тогда Альтеус остановился под сенью огромного старого дуба. Он поставил ларец на землю и, повернувшись к Бранду, снял маску и откинул капюшон. — Как ты здесь оказался, Бранд? — спросил он тихо. Рыцарь стоял, не двигаясь, уставившись в землю. Он не ответил. Казалось, он погружён в какую-то внутреннюю пустоту, привычную для раба. Альтеус вздохнул и сделал шаг вперёд. Он поднял руку и, нежно, как когда-то в детстве, коснулся плеча мужчины. — Бранд. Это я. Рыцарь медленно поднял голову. Сперва его взгляд был мутным, невидящим. Потом он сфокусировался на лице Альтеуса. На знакомых чертах, которые за годы не изменились так, как должны были бы. Он всматривался, его губы беззвучно шевелились. И вдруг, как прорвавшая плотину, в его глазах вспыхнуло узнавание. Не просто памяти, а осознания чуда. — Н-нет... — прохрипел он, отшатываясь. — Это... это невозможно. Вы... вы же... все сказали, что вы погибли... юный господин Альтеус? Маленький лорд Альтеус? Голос его, сначала шёпот, набрал силу, стал хриплым от сдерживаемых эмоций. Слезы, смешанные с грязью, потекли по его щекам. Альтеус не сдержался. Он бросился вперёд и обнял его, не обращая внимания на грязь и запах неволи. Это был первый человек из его прошлой жизни, который выжил. Первая живая связь с Арвенхельмом. — Я жив, Бранд. Я жив. А ты... — он отстранился, глядя на кандалы. — Мы уходим отсюда. Сейчас. У меня... есть другие. И нам нужно безопасное место. Я всё расскажу в пути. Доверяешь мне? Бранд, всё ещё не веря своему счастью, мог лишь кивать, сжимая руку Альтеуса так, словно боялся, что тот растворится как мираж. — Куда угодно, господин. Куда угодно. Только не назад в ту яму. Альтеус наклонился, положил ларец с камнем. Затем достал ключ и снял кандалы с запястий и лодыжек Бранда. Звон падающего металла был музыкой свободы. — Тогда идём. И поторапливайся. За нами, возможно, уже идут. — Он бросил взгляд в сторону посёлка, где в его крови уже мог быть оставлен опасный след. Их побег только начинался, и он приобрёл не только могущественный артефакт, но и бесценного союзника из прошлого. И привлёк внимание чего-то древнего и жаждущего.

10 ГЛАВА «Рубеж»

Воспоминание (два дня назад):

Возвращение Альтеуса с аукциона с дорогим ларцом и полумёртвым Брандом вызвало бурю. Радость от находки живого друга отца быстро сменилась холодным гневом Амата́расу, когда он выложил на стол почти пустой мешочек и признался в сумме, потраченной на камень и выкуп рыцаря. «Ты потратил наши сбережения на камень и инвалида?» мысленный голос драконицы ревел в его сознании. «Мы уходим. Сейчас же. Немедленно!»

— Подожди, — умолял Альтеус, закрывая ларец с трепетно пульсирующим фиолетовым светом. — Всего один день. Даже меньше. Я должен попробовать. Этот камень... это не просто сила. Это ключ. Ключ к тому, чтобы создать нам защиту. Не просто бежать, а уйти, имея что-то, что поможет в дальнейшем пути. Щит, который спасёт нас в следующей засаде. Оружие, которое даст нам шанс.

«У нас уже есть оружие! Это я!» парировала Амата́расу, но её ярость уже была смешана с холодным анализом. Она видела камень. Чувствовала его потенциал. И видела отчаяние в глазах Бранда, который, омывшись и переодевшись, снова напоминал того сурового рыцаря, каким был. Он был активом. Дорогим, но активом. С большим трудом, скрепя сердце, она согласилась. На один день. Не больше. Её недовольство висело в воздухе плотной пеленой.

Настоящее время. Ворота Посёлка Углей:

Наступил тот самый час, которого они так боялись. Небо на востоке было цвета свинца. У ворот, ведущих в горы, собралась их маленькая группа: Амата́расу, неподвижная и излучающая холодную ярость, Джин с рукой на эфесе, Миюки, прижимающая к себе сонную Хикари, и Бранд - бледный, но твёрдо стоящий на ногах, в поношенной, но чистой одежде и с подбренным где-то на свалке коротким мечом. К ним быстрым шагом подошёл Гаррет. Его лицо было напряжённым.

— Они здесь. Де Марк. Пересёк границу равнин час назад. Двигается быстро, не таясь. У вас меньше часа, чтобы исчезнуть.

Амата́расу резко повернулась к посёлку, её золотистые глаза горели яростью, направленной на одного конкретного человека. «Он задержался. Я иду за ним.» Она сделала шаг, но Гаррет грубо схватил её за руку. Для смертного это было актом невероятной смелости, граничащим с самоубийством.

— Нет времени! — прошипел он, не отпуская, хотя его пальцы, должно быть, немели от ледяного холода, исходившего от неё. — Если вы сейчас ворвётесь в посёлок и устроите переполох, вы только привлечёте их внимание прямо на себя! И на него! Выкуплю я его, заплачу по счетам, вытащу тихо, но только если вы уйдёте СЕЙЧАС и оставите мне пространство для манёвра!

В его глазах не было лжи. Была лишь отчаянная, профессиональная решимость человека, который знал цену каждой секунды. Амата́расу замерла, её взгляд метнулся от Гаррета к тёмным улочкам посёлка, где в мастерской Торбина, должно быть, всё ещё горел свет, а потом к испуганным лицам Хикари и Миюки. Она вырвала руку из его хватки, но не сделала шага вперёд. Вместо этого её мысленный голос, полный яда и обещания возмездия, ударил по сознанию Гаррета и Джина: «Тридцать минут. Если его не будет здесь через тридцать минут, я сожгу этот посёлок дотла, и начну с твоей гильдии. Понял?» Не дожидаясь ответа, она развернулась к горам. «Джин, Бранд - вперёд, прокладывайте путь. Быстро. Мы будем ждать на первом перевале. Не больше получаса.» Она взяла Хикари на руки, а Миюки крепко схватила за плечо. Последний раз бросив убийственный взгляд на дымящиеся трубы Углей, она шагнула на тропу, ведущую прочь от надвигающейся бури. Их судьба теперь зависела от скорости Альтеуса и от слова мастера гильдии, который остался стоять у ворот, сжав кулаки и глядя в сторону, откуда

уже доносился отдалённый, но неумолимый гул приближающегося войска. Гаррет, проводив взглядом исчезающую в предрассветной мгле группу, резко развернулся и зашагал обратно в посёлок. Его шаги были быстрыми и целенаправленными. Он должен был вытащить Альтеуса из этой западни, пока не стало слишком поздно. Он уже сворачивал на улочку, ведущую к мастерской Торбина, когда из-за угла прямо на него выскочила тёмная фигура. Они столкнулись грудью, и Гаррет, несмотря на свою мощь, едва устоял на ногах. Это был Альтеус. На его лице была сажа, в глазах лихорадочный блеск, а за спиной он нёс странный, продолговатый свёрток, туго перевязанный верёвками и испускающий слабое, неравномерное свечение по швам.

— Альтеус! — выдохнул Гаррет, схватив его за плечи. — Твои ушли! К горам! У тебя есть минуты, чтобы догнать их! Войска де Марка на подходе!

Альтеус, тяжело дыша, кивнул. Его взгляд был ясным, сосредоточенным.

— Я готов. Спасибо, Гаррет. За всё.

Мастер гильдии смотрел на него, и в его обычно непроницаемых глазах вспыхнуло что-то сложное: сожаление, гордость, что-то отцовское.

— Моя Элис... она верила в тебя ещё тогда, когда ты был просто несмышлёным мальчишкой. Я не мог... не был рядом, чтобы помочь ей или тебе тогда. Но сейчас... — Он крепче сжал его плечи. — Ты похож на того, кто способен изменить правила. На того, кто может не просто выжить, а отогнать тьму от этого мира. Принести хоть немного покоя. Не подведи её веру. — Он отступил на шаг, делая приглашающий жест к выходу из посёлка. — Я задержу их. Ненадолго, но дам тебе фору. Слухами, бумажной волокитой, чем угодно. А ты беги. И, ради всех богов, поменьше зли эту свою драконицу. Женщина и так пылкого нрава, а ты, я смотрю, мастер её выводить из себя. — На его суровом лице мелькнула редкая, почти человеческая улыбка.

Альтеус не мог не улыбнуться в ответ, хотя обстановка не располагала к веселью.

— Постараюсь. И спасибо. Ещё раз. — Он сделал шаг, затем обернулся. — Я ещё вернусь сюда. Когда-нибудь. И мы выпьем с тобой в таверне. За Элис. И за будущее.

Гаррет кивнул, и его улыбка стала чуть шире, чуть теплее.

— Буду ждать. А теперь вперёд!

Альтеус рванул с места, неся свой странный свёрток, и быстро растворился в сером свете наступающего утра, устремившись к тропе в горах. Гаррет смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду. Потом он потёр подбородок, и его улыбка стала хитрой, почти озорной.

— Выпьем в таверне, а? — пробормотал он себе под нос. — Ну что ж, парень, у тебя есть стиль. Только выживи сначала.

Он развернулся и зашагал навстречу надвигающемуся грохоту копыт и лязгу доспехов, его лицо снова стало маской непроницаемого мастера гильдии, готового сыграть свою роль в этой опасной игре. У него была армия, которую нужно задержать, и обещание, которое нужно было сдержать. Ради дочери.

Альтеус бежал, не чувствуя усталости, подгоняемый адреналином и страхом за своих. Свёрток за спиной странно вибрировал в такт его шагам. Выбравшись из последних зарослей, он выскочил на небольшой открытый холм, с которого открывался вид и на посёлок, и на горную тропу. И то, что он увидел, заставило его кровь похолодеть. Армия Сильверхейма, похожая на стальную реку, разделилась. Основные силы, под знаменем с серебряным соколом, медленно втягивались на улицы Посёлка Углей. Но ещё один, меньший, но более мобильный отряд: конные рыцари и лёгкая пехота уже сворачивал от главных ворот и рысью направлялся вдоль подножия гор, явно намереваясь отрезать путь к перевалам. Они двигались прямо по направлению к тому месту, где должны были быть Амата́расу и остальные. «Нет!» мысленно выкрикнул Альтеус и рванул вперёд с новой силой, петляя между деревьями, стараясь дер-

жаться ниже и не выдать себя. Ему нужно было предупредить их. Или успеть до того, как отряд перехватит их на открытом пространстве.

Тем временем в самом посёлке царила гробовая тишина, нарушаемая лишь мерным топотом копыт и звяканьем доспехов. Жители попрятались по домам, наблюдая из-за ставней. На центральной площади, перед зданием гильдии, неподвижно стоял Гаррет, скрестив руки на груди. Перед ним, на могучем боевом коне, восседал маршал Роланд де Марк. Человек лет пятидесяти, с лицом, высеченным из гранита, и пронзительными серыми глазами, которые, казалось, видели насквозь. Его доспехи были лишены вычурности, но безупречны, а плащ цвета темной крови развевался на утреннем ветру.

— Мастер Гаррет, — голос де Марка был низким, без эмоций, как скрежет камня. — Мы снова здесь. По следам государственного преступника и похитителя, Альтеуса фон Арвена. На этот раз информация точна. Он здесь.

Гаррет не моргнув глазом встретил его взгляд.

— Маршал де Марк. Как и в прошлый раз, вы зря тратите время и силы своего гарнизона. Никаких беглецов благородного происхождения в Углях нет. Здесь в основном грязь, отбросы и честные (насколько это возможно) торговцы. Ваши информаторы, как всегда, ошибаются.

Де Марк медленно сполз с седла, его тяжёлые сапоги глухо стукнули о землю. Он подошёл к Гаррету вплотную, смотря на него снизу в вверх.

— Не играйте со мной, гильдейщик. У меня есть приказ. И санкция на любые меры. Где он?

— Если бы он был здесь, — невозмутимо парировал Гаррет, — Вы бы уже слышали крики. А Угли, как видите, тихи. Как могила. Возможно, ваш

«преступник» уже давно в землях демонов. Или съеден вурдалаками в горах. Советую поискать там.

Между двумя мужчинами повисло напряжённое молчание. Де Марк изучал лицо Гаррета, ища слабинку, ложь, страх. Но находил лишь каменное спокойствие профессионала, который знает цену своей нейтральности и готов её защищать. Глаза маршала метнулись к отряду, ушедшему вдоль гор.

— А эти? — кивнул он в ту сторону. — Куда они направляются, если здесь никого нет?

— Обычный патруль, — пожал плечами Гаррет. — В горах тоже беспокойно. Бандиты, твари. Гильдия платит за безопасность дорог. Может, ваши рыцари помогут навести порядок. Бесплатно.

Де Марк ещё секунду смотрел на него, затем, с тихим, недовольным фырканьем, развернулся и снова вскочил в седло.

— Обыщем посёлок. Каждый дом. Каждый погреб. И если мы ничего не найдём... — Он бросил на Гаррета тяжёлый взгляд, полный невысказанной угрозы, — ...Наша гильдия заплатит за срыв операции. Деньгами или кровью.

Он отдал приказ, и сильверхеймские солдаты с грохотом разошлись по улицам. Гаррет остался стоять посреди площади, неподвижный, как скала, но внутри него всё сжалось в тугую узел. Он выиграл время. Но теперь всё зависело от скорости Альтеуса и от того, успеет ли тот маленький горный отряд перехватить группу преследователей. Гаррет стоял неподвижно, наблюдая, как солдаты расходятся по улочкам, а маршал де Марк отъезжает к своему штабному шатру. Казалось, первый раунд он выиграл. Но он знал Роланда де Марка слишком хорошо. Этот человек не уходил, не добившись своего. Он просто менял тактику. И потому, когда сзади, из тени соседнего дома, метнулась быстрая как змея тень, Гаррет почувствовал движение, но уже было поздно. Не удар в спину, а точный, хирургический взмах боевым тесаком по задней поверхности ног, чуть выше колен. Лезвие рассекло кожу, мышцы и сухожилия с ужасающей эффективностью. Гаррет не закричал. Он издал лишь глухой выдох, как подстреленный бык, и рухнул на колени. Боль, острая и всепоглощающая, пронзила его, но сознание он не потерял.

Он упёрся руками в пыльную землю, пытаясь удержаться, чувствуя, как тёплая кровь заливают его брюки и сапоги. Тяжёлые сапоги застучали перед ним. Маршал де Марк снова стоял над ним, но теперь его лицо было искажено не гневом, а холодным, презрительным разочарованием.

— Смотри-ка, — тихо произнёс де Марк, и его голос звучал как шелест сухих листьев. — Великий Гаррет Волк. Бывшая надежда Гильдии Авантюристов. S-ранг, чьим именем пугали детей в Шепчущем лесу. Тот, кто мог бы стать маршалом, герцогом... кем угодно. — Де Марк сделал шаг ближе, наклонившись. — А вместо этого... что? Ты сгнил здесь. В этой вонючей дыре. Среди отбросов и нечисти. И ради чего? Чтобы сейчас стоять на коленях в грязи и лгать мне? Ради какого-то мальчишки-неудачника, которого весь мир уже похоронил?

Гаррет, стиснув зубы, поднял голову. Боль была нестерпимой, но в его глазах не было ни страха, ни покорности. Лишь ледяное презрение.

— Я... не стою на коленях... перед тобой, Роланд, — с трудом выговорил он, каждое слово давалось ценой невероятных усилий. — Я стою на своём посту. А ты... ты просто... пёс на поводке... у Кассиана.

Де Марк не рассердился. Он лишь покачал головой с видом глубокого, искреннего сожаления.

— Какое падение. Какое жалкое, позорное падение. Ты мог бы служить чему-то великому. А теперь ты всего лишь ещё одно препятствие, которое нужно устранить. Жаль. Правда, жаль. — Он выпрямился и махнул рукой двум стражникам. — Возьмите его. Пусть смотрит, как мы найдём его «никого». А потом... потом мы решим, что делать с гильдией, которая укрывает врагов короны.

Двое стражников грубо схватили Гаррета под мышки, намереваясь поднять его беспомощное тело. Но в этот момент мастер гильдии, казалось бы, разбитый и обескровленный, внезапно рванулся. Это был не порыв отчаяния, а резкий, мощный взрыв силы, оставшейся в его могучих мышцах. Он ударил локтями в солнечные сплетения стражников, вырвался из их хватки и, шатаясь, с окровавленными ногами, всё же встал на ноги. Он опирался на одну, менее повреждённую ногу, его тело сотрясала дрожь от боли и напряжения, но он стоял. Взгляд его, полный дикой, непокорной ярости, был устремлён на де Марка. Маршал замер, и на его каменном лице впервые промелькнуло что-то, отдалённо напоминающее уважение, смешанное с садистским любопытством.

— Ну вот, — прошептал он. — Вот он. Дух того самого Волка. Не до конца ещё задавила тебя эта помойка. Если сопротивляешься, тем интереснее.

С лёгким, почти небрежным жестом он откинул свой длинный боевой меч, который с глухим стуком воткнулся в землю. Он подошёл к Гаррету, смерив его взглядом, и без всякого замаха, сокрушительным прямым ударом в перчатке с стальными нашивками, ударил его по лицу. Раздался приглушённый хруст. Гаррет откинул голову, кровь брызнула из его разбитого носа и рассечённой губы. Он качнулся, его ноги подкосились, но он не упал. Упираясь во что-то невидимое: в свою ярость, в память о дочери, в последние остатки гордости, он удержал равновесие и снова поднял опухшее, залитое кровью лицо, чтобы встретить взгляд де Марка. Тот аж ахнул от восторга.

— Похвально! По-настоящему похвально! — воскликнул он.

И тогда Гаррет ответил. Сквозь боль, сквозь туман в голове, он из последних сил развернул корпус и послал в ответ короткий, хлесткий удар. Его окровавленный кулак со всей оставшейся силой пришёлся прямо в челюсть де Марка. Маршал лишь отшатнулся на полшага, больше от неожиданности, чем от силы удара. Но этого хватило. На его губах выступила кровь. Он коснулся её пальцем, посмотрел на алое пятно, и его глаза загорелись нечеловеческим, ликующим огнём.

— ДА! — проревел он, и его голос больше не был ледяным. В нём звучала дикая, необузданная радость хищника, наконец-то почуявшего настоящий бой. — Вот так! Давай же, старик! Покажи, на что ты ещё способен!

И он обрушился на Гаррета градом ударов. Не профессиональных, а яростных, жестоких, унижительных. Удары сыпались в голову, в корпус, в уже искалеченные ноги. Это была не дуэль. Это была экзекуция, но экзекуция, в которую жертва, пусть и обречённая, вкладывала последние крупинки своего духа, отвечая редкими, но точными контратаками, которые лишь ещё больше разжигали пыл де Марка. Кровь Гаррета заливала пыльную землю площади. Но пока он стоял, пока его кулаки сжимались, он удерживал внимание маршала здесь, на себе. Каждая секунда этой кровавой бойни была секундой, купленной для Альтеуса. Удары де Марка были методичными и беспощадными. Каждый следующий удар выбивал из Гаррета последние остатки сил. Вот он уже не мог парировать, лишь прикрывался руками. Вот он споткнулся на своих изувеченных ногах и рухнул на бок в пыль. Но де Марк не остановился. Он продолжал избивать лежащего, нанося удары сапогами и кулаками, превращая некогда мощное тело в окровавленную, дышащую грудю боли. Когда наконец движения Гаррета прекратились, и только прерывистый хрип вырывался из его разбитого рта, де Марк отступил, тяжело дыша. Не от усталости, а от возбуждения. Он вытер рукавом кровь со своей рассечённой губы.

— Поднимите его, — скомандовал он стражникам, и голос его снова стал ледяным. — На колени. Руки за спину.

Солдаты, бледные от увиденного, выполнили приказ. Они кое-как поставили бесчувственное тело Гаррета на колени, вытянув его вперёд. Де Марк медленно обошёл площадь, его взгляд скользил по запертым дверям, по щелям в ставнях, за которыми, он знал, прятались жители.

— СЛУШАЙТЕ ВСЕ! — его голос громыхнул, разносясь по немym улицам. — За информацию о беглецах, это ваша жизнь! За укрывательство - смерть! Если вы мне не верите... — Он подошёл к Гаррету и выхватил из ножен свой второй боевой меч, — ...То вот вам пример!

Клинок, отлитый из лучшей сильверхеймской стали, блеснул на утреннем солнце. Не было ни пафоса, ни лишних движений. Один точный, мощный удар. Голова Гаррета отделилась от тела и с глухим стуком покатила по пыли. Безголовый торс замер на коленях на мгновение, а потом рухнул в лужу собственной крови. В посёлке воцарилась оглушительная, леденящая тишина. Даже ветер, казалось, затих. Из-за ставен не донёсся ни звука. Ни плача, ни протеста. Лишь животный, парализующий страх. Де Марк вытер клинок о плащ Гаррета и снова поднял взгляд.

— НУ?! — рявкнул он. — Где они?!

Ответом ему было молчание. Гробовое, полное, абсолютное. Жители Углей, привыкшие к жестокости, видели сегодня нечто иное. Это была не бандитская расправа. Это был акт абсолютной, государственной власти, уничтожающей даже тень сопротивления. И они предпочли молчать. Из страха. Из ненависти. Из того самого, презренного духа выживания, который де Марк так презирал, но который сейчас работал против него. Ярость, чёрная и густая, закипела в маршале. Он готов был отдать приказ сжечь посёлок дотла. Но в этот момент к нему подскокил запыхавшийся рыцарь-разведчик.

— Маршал! Сигнал от скаутов! Обнаружили следы! Ведёт вверх по восточному ущелью! Наш отряд уже почти настиг их!

Всё. Любые мысли о мести посёлку мгновенно испарились. Главная цель была в пределах досягаемости.

— ВСЕМ В СЕДЛА! — заревел де Марк, вскакивая на своего коня. — На перехват! Живым или мёртвым, но Альтеуса фон Арвена мне доставить! Остальных уничтожить!

Он рванул поводья, и его конь взвился на дыбы, прежде чем помчаться вслед за разведчиком, прочь от площади с телом Гаррета, прочь от безмолвного, ненавидящего его посёлка. Охота вступила в свою финальную, самую яростную фазу.

Альтеус мчался сквозь лес, его лёгкие горели, а странный свёрток на спине отдавался в каждом шаге тупой, вибрирующей болью. Он уже видел впереди, на каменистой тропе, знакомые силуэты: статную фигуру Амата́расу, бдительного Джина, Миюки с Хикари на руках и опирающегося на посох Бранда. Он хотел крикнуть, предупредить, но воздух у него в груди закончился. И в этот самый момент Амата́расу резко обернулась, её золотистые глаза расширились. Она почувствовала не только его приближение. Она почувствовала что-то другое. Далёкий, резкий всплеск боли, ярости и... пустоты. Смерть. Чью-то сильную, знакомую душу, погасшую в муках. Гаррет. Но у неё не было времени на скорбь или ярость. Из тёмной чащи слева, с пригорка, где скалы создавали идеальную позицию для засады, раздался тихий свист. Ш-ш-тык! Стрела, выпущенная сильверхеймским арбалетчиком, вонзилась Бранду в плечо, чуть выше кольчуги. Рыцарь ахнул от боли и неожиданности, пошатнулся и упал бы, если бы Миюки не подхватила его.

— РЫЦАРИ! — наконец выкрикнул Альтеус, добежав до них и рухнув на колени от усталости.

— Они... разделились... один отряд уже здесь!

Он был прав. Из-за деревьев и камней высыпали солдаты в сине-стальных доспехах. Их было человек пятнадцать, не главные силы, но мобильный, хорошо вооружённый авангард. Впереди шёл рыцарь в полных латах с гербом де Марка на щите. Амата́расу не нужны были слова. Она метнулась вперёд, её человеческая форма исказилась, одежда начала рваться, а кожа темнеть, покрываясь зачатками чешуи. Она не стала полностью превращаться не хватало места и времени. Но её руки удлиннились, превратившись в когтистые лапы. Она врезалась в строй солдат, как таран, отбрасывая первых троих с хрустом ломающихся костей. Джин, не говоря ни слова, выхватил меч Альтеуса и встал рядом с ней, его движения были быстрыми и точными, как его тренировали. Он не атаковал первым, но каждый, кто пытался обойти Амата́расу, натёкался на его смертоносную защиту. Миюки, сжав губы, вытащила маленький нож и, приказав Хикари пригнуться, принялась пытаться перерезать древко стрелы, торчавшей из плеча Бранда. Девочка, дрожа, прижимала к его ране тряпку, пытаясь остановить кровь. Альтеус, всё ещё сидя на земле, с ужасом наблюдал за схваткой. Его изобретение... оно ещё не готово. Оно было непроверенным, опасным. Но другого выбора не было. Он сорвал со спины свёрток и начал лихорадочно развязывать верёвки, его пальцы дрожали. Им нужно было продержаться. Хотя бы несколько минут. Бой был стремительным и жестоким. Джин, несмотря на всё своё мастерство, не мог сравниться с закалённым в боях рыцарем-ветераном. Тот парировал его атаку, мощным ударом щита отбросил юного ирбиса, и тот с глухим стоном рухнул на камни, потеряв меч. Рыцарь, не теряя темпа, развернулся и ринулся к беззащитной группе: Миюки, пытающейся помочь Бранду, и прижавшейся к ним перепуганной Хикари. Амата́расу, разрывая на части одного солдата, увидела это, но не могла вырваться, её окружили ещё трое.

— НЕТ! - закричал Джин, пытаясь подняться, но его нога подкосилась.

И в этот миг в лесу раздался не громкий выстрел, а пронзительный, зловещий свист, звук, которого этот мир никогда не слышал. Что-то маленькое, тёмно-фиолетовое, сгусток сконцентрированной магической энергии, оставляющее за собой светящийся шлейф, вырвалось из-за укрытия и с невероятной скоростью вонзилось в стальную кирасу рыцаря. Не было взрыва. Был ужасающий звук рвущегося металла и шипения испаряющейся плоти. Снаряд пробил доспех, как бумагу, прошёл тело насквозь и с глухим стуком вонзился в дерево позади. Рыцарь замер, посмотрел вниз на дымящуюся дыру в своей груди, и беззвучно рухнул навзничь. Все замерли. Даже Амата́расу остановилась, её когтистые лапы застыли в воздухе. Из-за дерева вышел Альтеус. В его дрожащих руках было странное устройство: длинная металлическая труба, при-

креплённая к деревянному прикладу, с примитивным механизмом на боковой части и тускло светящимся фиолетовым кристаллом в специальном гнезде у дула. Дымок поднимался от него. Его лицо было бледным, в глазах читались и ужас от содеянного, и лихорадочное возбуждение. Это сработало. Его «ружьё», питаемое кристаллом Скверны, сработало. Амаэрасу одним взмахом разбросала оставшихся в панике солдат и подошла к нему. Она смотрела не на труп рыцаря, а на оружие в его руках. В её золотистых глазах бушевала буря. Не гнев, а нечто большее - осознание. Осознание новой, чудовищной силы, которая теперь была в их руках. «Оно... стреляет», мысленно прозвучало, и в её «голосе» слышался леденящий восторг. «Одно движение... и броня, годы тренировок... ничего не стоят. С этим... с этим мы можем встретить де Марка. Мы можем разбить его армию! Здесь и сейчас!» Она вознесла руки, и её драконья сущность рвалась наружу, подпитываемая яростью за смерть Гаррета и жадой немедленной, сокрушительной мести.

— НЕТ! — крикнул Альтеус, перебивая её. Он опустил ещё дымящееся ружьё. — Смотри! — Он указал на Бранда, бледного и теряющего сознание от потери крови, на Джина, с трудом поднимающегося, на перепуганных девочек. — Бранду нужен лекарь, а не поле боя! У нас один выстрел, может, два, прежде чем кристалл перегреется или кончится! Мы не армия! Мы группа беглецов! Сейчас не время сражаться, сейчас время бежать!

Его слова, полные не паники, а холодной, стратегической логики, пронзили боевой пыл Амаэрасу. Она окинула взглядом свою раненую, измотанную «семью», потом посмотрела на далёкие тропы, откуда уже доносился приглушённый гул основной армии. Он был прав. Даже с этим чудо-оружием, шансов в открытом бою с маршалом и его ветеранами у них не было. Только смерть. Её плечи опустились. Ярость уступила место прагматичной, жгучей досаде. «Хорошо. Бежим. Но не в чашу. На открытое место. Туда, где я смогу принять свою истинную форму, не сломав деревья. И где мы увидим врага издалека. Быстро! Джин, помоги Бранду! Альтеус, не выпускай эту штуку из рук. Идём!» Она снова стала центром, вокруг которого всё вращалось. Она подхватила Хикари, Миюки и Джин помогли поднять Бранда. Альтеус, сжимая своё тёплое, опасное творение, бросил последний взгляд на тела солдат и помчался вслед за ними, вверх по тропе, к скалистому плато, которое виднелось впереди. Их бегство продолжалось, но теперь они уносили с собой не только надежду, но и семя новой, пугающей силы. Они вырвались из леса на скалистое, безжизненное плато, овеваемое пронизывающим ветром. Ни деревьев, ни укрытий, лишь серый камень и низкое свинцовое небо. Идеальное место для взлёта. И для прощания. Амаэрасу не теряла ни секунды. Её человеческий облик растворился в вихре золотистого света и ломающихся костей. На его месте, расправляя могучие крылья цвета воронёной стали, поднялась драконица во всей своей древней мощи. Она пригнулась, предлагая спину.

— Быстро! — мысленно прозвучал её голос, и в нём не было места для споров.

Джин и Миюки почти втащили полубессознательного Бранда на её широкую спину, усадив его между шипами. Альтеус помог Хикари забраться, а потом вскарабкался сам, всё ещё сжимая своё ружьё. Оружие казалось теперь игрушкой, ничтожным против истинной мощи существа, на котором они сидели. С последним мощным взмахом крыльев, поднимающим клубы пыли, Амаэрасу оторвалась от земли. Ветер свистел в ушах, земля поплыла вниз, становясь миниатюрной. Они летели. Прочь от кошмара. Именно в этот момент на край плато выехал маршал Роланд де Марк во главе своего отряда. Он замер, вглядываясь в небо. Его лицо, обычно каменное, исказилось от бешеной ярости и... потрясения. Он видел не просто беглецов. Он видел дракона. И на спине у этого дракона того самого мальчишку, за которым он охотится. Альтеус, сидя в седле между шипами, смотрел вниз. Он видел крошечную фигурку де Марка, который поднял руку, словно пытаясь дотянуться до них, поймать. В его груди закипела смесь эмоций: ненависть к этому человеку, чьи солдаты убили Гаррета, преследовали их, загнали в угол. В его руках было оружие. Оружие, которое только что доказало свою эффек-

тивность. Расстояние было огромным, но кристалл в ружье пульсировал остаточной силой. Один шанс. Один выстрел в спину уходящему врагу. Он медленно поднял ружьё, прижал приклад к плечу, как учил когда-то на курсах стрельбы в прошлой жизни. Его палец лег на холодный, самодельный спуск. Он поймал в прицел тёмную точку внизу, фигуру маршала. Джин, Миюки, даже слабо дышащий Бранд все смотрели на него. Они видели решимость в его позе. А потом Альтеус выдохнул. Длинно, медленно. Он опустил ружьё. Лезвие прицела упёрлось в его колено. Зачем? Чтобы доказать что-то? Чтобы удовлетворить свою жажду мести? Это был бы выстрел не солдата, не защитника, а убийцы. И что важнее, он бы потратил последний заряд, раскрыл их новое оружие, и всё ради чего? Ради одной жизни, которая уже ничего не могла им сделать. Он посмотрел на Аматаэрасу, на её мощные крылья, несущие их к свободе. Он посмотрел на своих измученных, но живых товарищей. У них было будущее. Сложное, опасное, но будущее. И он не собирался начинать его с выстрела в спину.

— Вперёд, — тихо сказал он, и его слова унеслись ветром.

Аматаэрасу, почувствовав его решение, издала низкий, одобрительный гул, и мощь её взмахов усилилась. Они набирали высоту, уносясь в серую дымку облаков, оставляя далеко внизу разъярённого, но бессильного маршала и поле боя, которое они, наконец, покидали. Не как жертвы, а как те, кто уцелел и унёс с собой семя перемен.

Они летели весь день и часть ночи, пока Аматаэрасу не нашла подходящее место для посадки - высокогорную долину, скрытую от посторонних глаз кольцом острых скал. Нижняя часть долины была покрыта жёсткой травой и редкими низкорослыми соснами, а в центре бил чистый, ледяной родник. С последним усталым взмахом крыльев Аматаэрасу коснулась земли. Джин и Миюки осторожно спустились на траву Бранда, чьё дыхание стало ровнее, но лицо осталось пепельным. Хикари, уставшая и молчаливая, тут же прилегла на мягкую землю. Аматаэрасу приняла свой человеческий облик. Преображение было не таким стремительным, как обычно. Оно казалось медленным, тягучим, и когда последние отсветы драконьей сущности угасли, она стояла, пошатываясь. Её обычно безупречная осанка была сломлена, лицо под медными волосами - бледным и исчерченным усталостью. Она сделала шаг к Альтеусу, намереваясь что-то сказать, но её ноги подкосились. Альтеус, стоявший рядом, инстинктивно бросился вперёд и поймал её, не дав упасть. Она оказалась на удивление лёгкой в его руках, но при этом вся дрожала от перенапряжения.

— Я... ещё не до конца восстановилась, — прошептала она, её мысленный голос звучал тихо и с хрипотцой, без привычной стальной власти. — Столетия в клетке... и этот перелёт с полной нагрузкой... истощили запасы.

Альтеус молчал, поддерживая её. Он смотрел на её закрытые веки, на тень боли в уголках губ. Этот могущественный, древний дух, этот испепеляющий огонь, и сейчас он держал в руках её хрупкую, человеческую усталость. Всё, что он мог сделать, это крепче держать её.

— Спасибо, — наконец выдохнул он, так тихо, что только она могла услышать. Не за спасение, не за силу. А за то, что была здесь. За то, что отдавала последние силы, чтобы унести их всех прочь.

Он помог ей опуститься на землю, прислонив к стволу старой сосны. Потом выпрямился и обвёл взглядом своих спутников: раненого рыцаря, измотанного юношу, двух перепуганных девушек и истощённую драконицу. Они были живы. Они были вместе.

— Здесь мы разобьём временный лагерь, — сказал он, и его голос в тишине гор звучал твёрже, чем он сам ожидал. — Отдохнём, приведём в порядок раны. Бранду нужен покой. Всем нам. А завтра... завтра решим, куда идти дальше.

Он не знал, куда. Ни карты у него не было, ни плана. Только гора за спиной и пустота впереди. Но сейчас это было неважно. Важно было то, что они перевели дух. Что Аматаэрасу дышала ровно, прислонившись к дереву. Что Джин уже разжигал костер из сухих веток, а

Миюки доставала из сумок остатки провизии. Они были на краю света, но они были живы. И пока они были вместе, у завтрашнего дня был шанс.

Костер разгорался, отбрасывая тёплые, прыгающие тени на лица сидящих вокруг. Бранд, перевязанный чистыми тряпками, спал беспокойным сном. Джин чистил свой меч, а сёстры тихо перешёпывались, деля скудный ужин. Тишина была мирной, но уязвимой. Амата́расу, сидя у дерева, подняла на Альтеуса свои золотистые глаза, лишённые привычного огня. Её мысленный голос прозвучал негромко, почти неслышно для других. «Прости меня, Альтеус.» Он обернулся, удивлённый.

— За что?

«За слабость. За то, что я не та сила, какой должна быть. За мой пыл, что чуть не втянула всех в безнадёжный бой. И...» она отвела взгляд, «...за то, что твоя месть теперь ещё дальше. Мы бежим. Снова. А твой дом... он по-прежнему во тьме.»

Альтеус медленно поднялся и присел рядом с ней на корточки. Он посмотрел на её усталое, но всё ещё гордое лицо.

— Слушай меня, — сказал он тихо, но так, чтобы слышали все, кто не спал. — Благодарить тебя нужно. Не прощать. Ты спасла нас. Не раз. Ты дала мне шанс, когда весь мир считал меня мёртвым или неудачником. Ты поверила в меня. — Он обвёл взглядом лагерь: Джина, который кивнул ему в ответ, Миюки, прижавшую к себе Хикари, спящего Бранда. — Месть... она сдвинулась. Да. Но она не исчезла. Просто теперь она не одна. Раньше я хотел отомстить за родителей, за Элис, за свой дом. А сейчас... — он положил руку себе на грудь, — Сейчас у меня есть вы. Все вы. Вы поверили в меня. Поклялись следовать за мной. И теперь моя главная месть не дать тому миру, что забрал у меня всё, забрать ещё и вас. Моя обязанность, думать

о вас в первую очередь. О вашей безопасности. О вашем будущем. — Он повернулся обратно к Амата́расу и, с нежностью, которой она от него не ожидала, коснулся тыльной стороной пальцев её щеки. Её кожа была прохладной, как камень под луной. — Родные земли никуда не денутся, Амата́расу. Они подождут. А мы... мы будем расти. Становиться сильнее. Все вместе. И когда мы будем готовы... не я один, а все мы... тогда мы вернёмся. И отвоюем не просто руины. Мы отвоюем будущее. Для всех нас.

Его слова повисли в воздухе, смешавшись с треском костра. Это была не детская мечта о героическом возвращении. Это было обещание лидера. Обещание, основанное не на ярости, а на ответственности и растущей, хрупкой, но настоящей связи между ними всеми. Амата́расу смотрела на него, и в её глазах, помимо усталости, появилось что-то новое. Не покорность, а признание. Признание того, что этот «двухдушный» мальчик, которого она считала своим подопечным, начал превращаться в нечто большее. В того, кому она, возможно, тоже сможет доверять не только свою силу, но и свою слабость. Она слабо кивнула и закрыла глаза, позволяя усталости наконец взять верх. А Альтеус остался сидеть рядом, глядя на пламя и ощущая тяжесть нового обета на своих плечах - обета защищать тех, кто теперь был его семьёй, и однажды привести их всех домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.